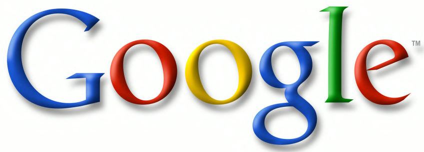
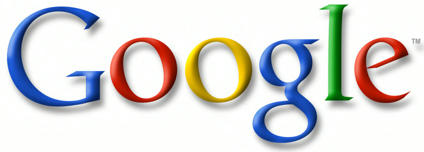
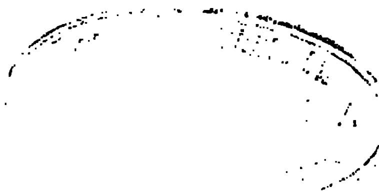
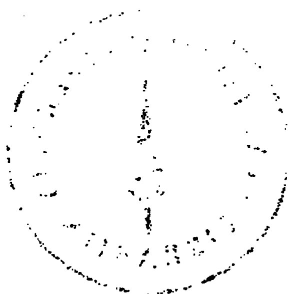

обозначенного здесь срока

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Е. В. ТАРЛЕ.

ИСТОРІЯ ИТАЛІИ
ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, приноровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публики въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и привать-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ — „Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ“. Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи — эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные выпуски этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои

знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-политическая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя нижеподписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій и др.

Въ настоящее время уже изданы „Исторія крестовыхъ походовъ“ Ѳ. И. Успенскаго, „Паденіе античнаго міросозерцанія“ и „Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства“ М. С. Корелина и „Исторія Италіи въ средніе вѣка“ Е. В. Тарле. Ближайшимъ выпускомъ, имѣющимъ выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени, будетъ „Исторія Франціи въ XIX в. Н. И. Карѣева.

Н. Карѣевъ.

И. Лучицкій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАНИЦЫ.
Предисловіе	III
I. Италія въ XIV—XV вв.	1
II. Италія въ XVI—XVII вв.	43
III. Италія съ конца XVII столѣтія до начала революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ	75
IV. Италія въ эпоху революціонныхъ нашествій и наполеоновскаго владычества	107
V. Италія отъ конца наполеоновскихъ войнъ до восшествія на папскій престолъ Пія IX	135
VI. Италія отъ избранія Пія IX до окончательнаго своего объединенія	160

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Италія въ XIV—XV вв.

Четырнадцатое и пятнадцатое столѣтія въ Италіи отмѣчены широкимъ развитіемъ того мѣстнаго начала, политическаго обособленія мелкихъ государственныхъ союзовъ, которое такъ сказывалось уже къ концу среднихъ вѣковъ. На фонѣ этой политической раздробленности Апеннинскаго полуострова ярко выступаютъ на первый планъ три характерныхъ историческихъ явленія: совершенное паденіе церковно-государственнаго авторитета папъ, большое коммерческое развитіе сѣверо-итальянской жизни, особенно оттѣняемое глубокимъ экономическимъ паденіемъ остальныхъ частей полуострова, и, наконецъ, то культурное движеніе, которое получило въ исторіи нѣсколько узкое названіе—„возрожденіе наукъ и искусствъ". Самый бѣглый очеркъ политическаго состоянія полуострова можетъ, до извѣстной степени, уяснить внѣшнія рамки, въ которыхъ развивались три отмѣченныя явленія культурно-экономической жизни итальянскаго народа въ XIV—XV вв.

I.

Черезъ 50—60 лѣтъ послѣ смерти Фридриха II Гогенштауфена, казни Конрадина и воцаренія на престолѣ Обѣихъ Сицилій Карла Анжуйскаго императорская власть исчезла изъ политической жизни полуострова, и населеніе Ломбардіи, Тосканы, Романьи было предоставлено самому себѣ: отъ соотношенія соціальныхъ силъ, отъ могущества однихъ и слабости другихъ общественныхъ слоевъ должно было отнынѣ зависѣть политическое устройство важнѣйшихъ итальянскихъ центровъ, и никакая посторонняя власть въ теченіе почти двухъ столѣтій не вмѣшивалась въ жизнь большинства итальянскихъ государствъ.

мѣрнаго подоходнаго налога на всѣхъ безъ исключенія флорентійскихъ гражданъ, и никакія попытки страдавшей отъ налога группы капиталистовъ не были въ состояніи уничтожить этотъ налогъ ($^1/_2\%$ съ капитала). Они пробовали опереться на семью Медичи, но Медичи не поддержали этихъ домогательствъ, и такое поведеніе необычайно упрочило ихъ власть: popolo grasso сталъ смотрѣть на нихъ все же какъ на извѣстную гарантію противъ слишкомъ быстрой и необузданной демократизаціи государственнаго строя, а popolo minuto—какъ на благожелательныхъ народолюбцевъ. Такъ или иначе, бурныя времена XIV вѣка, когда борьба между классами нерѣдко выходила на улицу и проявлялась въ самыхъ насильственныхъ поступкахъ, уже не повторялись. Къ тому же Медичи не скупились на пожертвованія и подачки въ пользу простого народа, и Лаврентій Великолѣпный, позднѣйшій и самый яркій представитель династіи, былъ того мнѣнія, что „нѣтъ лучшаго способа тратить деньги". Денежное хозяйство во Флоренціи XIV—XV вв. обусловливалось широко развитыми торговыми отношеніями, и, въ свою очередь, оно влекло вздорожаніе предметовъ первой необходимости и пониженіе покупательной силы денегъ; вотъ почему колоссальныя богатства семьи Медичи, можно сказать, были единственными въ Италіи, и внѣ предѣловъ Флоренціи всюду, гдѣ деньги были еще въ рѣдкость, производили почти суевѣрное впечатлѣніе. Владычество Медичи (особенно вначалѣ) было несравненно мягче, чѣмъ господство Висконти, а потомъ Сфорца, въ Миланѣ и прочихъ династовъ въ болѣе мелкихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ. Лучшій историкъ эпохи Возрожденія — Буркгардтъ—говоритъ: „было бы несправедливо сравнивать немногія еще существовавшія республики Италіи съ единственною въ своемъ родѣ Флоренціею, которая была самою важною мастерскою для образованія государственнаго духа и строя не только Италіи, но и Европы". Въ самомъ дѣлѣ: что сказать о Сіенѣ, о Генуѣ, даже о Венеціи? Внутренняя исторія ихъ полна мелкими усобицами, (въ Венеціи, впрочемъ, болѣе рѣдкими), постоянными столкновеніями съ сосѣдями, ничтожными спорами изъ-за границы выгоновъ, изъ-за правъ на рѣчку, на рыбную ловлю и пр. (Объ исторіи внѣшнихъ сношеній, грандіозно развившихся у Венеціи,—мы пока не говоримъ).

въ Тосканѣ городъ Флоренція, а въ Ломбардіи городъ Миланъ образовали гвельфскія лиги городовъ, имѣвшія цѣлью препятствовать всякимъ попыткамъ возстановленія императорской власти въ Италіи. Верона, Пьяченца и Мантуя, напротивъ, поддерживали гибеллинскія начала. Въ Миланѣ утвердился на правахъ „капитана“, т. е. военачальника de jure и государя de facto, Маттео Висконти, являющійся прототипомъ этихъ полуразбойниковъ-полусолдатъ, которые двѣсти лѣтъ слишкомъ сохраняли самодержавную власть во всѣхъ главныхъ итальянскихъ центрахъ (кромѣ Венеціи). Хитрый, алчный, жестокій, разсудительный, талантливый дипломатъ, неутомимый полководецъ, скаредный хозяинъ, Маттео Висконти больше двадцати лѣтъ (впрочемъ, съ перерывами) управлялъ Миланомъ при полной покорности населенія, то заключая союзъ съ германскимъ императоромъ, то расторгая его, ведя войны, заключая договоры, и руководствуясь исключительно соображеніями династической выгоды, совпадавшей, впрочемъ, въ важнѣйшихъ пунктахъ съ выгодами миланской республики. Характерно, что всѣ потомки Маттео такъ же, какъ члены другихъ династій—дель-Торре, Сфорца, были еще хуже и гнуснѣе его по своимъ моральнымъ качествамъ и, тѣмъ не менѣе, всѣ они довольно крѣпко держались на престолѣ и сошли со сцены, не возбудивъ къ себѣ ни отвращенія, ни народной вражды. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ герцогъ Джіанъ-Марія Висконти, держалъ при себѣ огромныхъ псовъ, которымъ и отдавалъ людей на растерзаніе; ихъ даже кормили только человѣческимъ мясомъ, чтобы развить въ нихъ особую свирѣпость. Убійства, пытки, произвольныя конфискаціи, кровосмѣшеніе —все это наполняетъ страницы не только миланскихъ лѣтописей, но и флорентійскихъ, генуэзскихъ и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что во Флоренціи единодержавіе упрочилось не такъ рано и не сразу приняло такія рѣзкія, угловатыя формы, какъ въ Миланѣ. Въ 1292 году послѣ цѣлаго ряда смутъ и раздоровъ во Флоренціи утвердился довольно демократическій режимъ. Административная власть находилась въ рукахъ синьоріи, состоявшей изъ шести избиравшихся пріоровъ, непремѣнно принадлежавшихъ къ старѣйшимъ городскимъ родамъ. Хранителемъ конституціи являлся гонфалоньеръ, неограниченный повелитель ты-

сячи вооруженныхъ солдатъ; гонфалоньеръ обязанъ былъ приводить въ исполненіе всѣ рѣшенія суда или пріоровъ, если подсудимый или отвѣтчикъ, пользуясь своимъ могуществомъ, не покоряются приговору добровольно. Конечно, институтъ гонфалоньеровъ былъ всецѣло направленъ противъ феодальной знати, столь еще многочисленной въ тѣ времена въ Тосканѣ и всей Верхней Италіи. Новая конституція держалась довольно долго, можетъ быть, благодаря чрезвычайно удачной внѣшней политикѣ синьоріи. Пиза, Лукка, Сіена и, въ сущности, вся Тоскана въ началѣ XIV столѣтія были совершенно во власти Флоренціи, и эта республика (съ союзниками) могла выставить по позднѣйшему, но достовѣрному показанію Маккіавелли, около ста тысячъ вооруженныхъ солдатъ. Съ XIV столѣтія гонфалоньеръ сдѣлался председателемъ въ синьоріи, а синьорія постепенно стала включать не шесть уже, а тридцать шесть гражданъ, избиравшихся изъ среды четырехсотъ старинныхъ фамилій города. Втеченіе XIV вѣка административная власть переходила изъ рукъ „знати" (nobilità) въ руки крупнаго купечества („arte majori"), и изъ рукъ arte majori въ руки мелко-торговаго и ремесленнаго населенія (arte minori),—иногда подолгу оставаясь именно въ рукахъ arte minori; съ конца XIV столѣтія „arte majori" получаютъ полное преобладаніе, а съ начала XV вѣка банкирскій домъ Медичи безъ особыхъ усилій и трудностей захватываетъ въ синьоріи такое преобладаніе, что становится почти полновластнымъ повелителемъ флорентійской республики. Въ 20-хъ гг. XV-го столѣтія Джіованни Медичи уже игралъ чрезвычайно крупную роль въ государственной жизни Флоренціи, благодаря колоссальному богатству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательнымъ умственнымъ способностямъ, а прежде всего, конечно, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, благопріятствовавшимъ утвержденію въ городахъ Тосканы и Ломбардіи монархизма, либо не замаскированнаго, какъ въ Миланѣ, либо нѣсколько болѣе мягкаго и узаконеннаго, какъ во Флоренціи. Уже Джіованни, сынъ умершаго въ 1429 г. Козимо Медичи, сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова владыкою Флоренціи. Онъ сталъ во главѣ демократіи, мелкихъ купцовъ, ремесленниковъ и т. д.; примкнули къ нему и весьма многіе изъ arte

majori, зависѣвшіе отъ него въ коммерческомъ, денежномъ отношеніи.

Весьма любопытно, къ какимъ ухищреніямъ прибѣгали въ эти столѣтія знатные люди, лишь-бы только войти въ составъ городского населенія: помѣщики, жившіе за предѣлами города (особенно, вблизи отъ Флоренціи) записывались даже въ arte minori, въ ремесленники, только чтобы пользоваться правами городского сословія; мало того, за извѣстныя преступленія этимъ грандамъ, записавшимся въ ремесленники, грозило исключеніе изъ ремесленнаго, сословія и „возвращеніе въ аристократію", а возвратиться въ аристократію, выйти изъ числа горожанъ—значило умереть политическою смертью. Но и въ средѣ городского сословія Флоренціи болѣе яростно, нежели гдѣ-либо, кипѣла борьба между popolo grasso—крупной буржуазіей и popolo minuto—буржуазіей мелкой. Одинъ изъ выдающихся историковъ-публицистовъ, писавшихъ объ Италіи, справедливо считаетъ весьма характерными для междуклассовыхъ отношеній тогдашней Италіи, слѣдующія слова представителя popolo grasso—Феррета Вицентина: „зачѣмъ обращать вниманіе на мнѣнія и лай этой толпы (popolo minuto)? Что можетъ быть общаго между этой толпою и справедливостью? Хорошо ли съ ея стороны считать себя за извѣстную величину, при такомъ глубокомъ своемъ невѣжествѣ? Пусть мелкіе торговцы продаютъ и покупаютъ свои грязные товары! Пусть кузнецы бьютъ по наковальнямъ! Пусть люди, предающіеся черной работѣ, получаютъ свою жалкую плату! Никто не мѣшаетъ имъ заниматься трудомъ, для котораго они созданы. Но безуміемъ было бы спрашивать совѣта у людей, ничему не учившихся. Когда нужна мудрость и осторожность,—пусть люди толпы не смѣшиваются съ серьезными дѣятелями! Пусть они не спорятъ о томъ, чего не могутъ понять! Пусть они предоставятъ образованнымъ классамъ заключать миръ, объявлять войну, управлять государствомъ". Богатая буржуазія постепенно впитывала въ себя аристократическія тенденціи, растворяя въ себѣ старую аристократію. Но демократія, мелкая буржуазія, десятилѣтіями борясь съ крупною и съ ея олигархическими поползновеніями, успѣла въ 1427 году добиться чрезвычайно справедливаго и равно-

бины Африки, сахарнымъ пескомъ изъ Сиріи и Малой Азіи. Денежное хозяйство при столь широко развитомъ торговомъ обмѣнѣ начало сказываться довольно рѣшительными признаками. Уже съ конца XII вѣка въ Венеціи появились въ широкомъ распространеніи векселя, заемныя письма, чеки; уже работалъ государственный банкъ (Monti, съ 1156 года), и вскорѣ—съ XIV вѣка—въ Миланѣ, Луккѣ, Флоренціи также появились банки и банкирскія конторы всевозможныхъ наименованій. Банковое дѣло ширилось и росло параллельно съ ростомъ торговли и индустріи, и, съ своей стороны, притягивало не мало драгоцѣнныхъ металловъ изъ остальной Европы. Тому же содѣйствовала развитая, какъ нигдѣ, торговля драгоцѣнными камнями, обогащавшая сотни ювелировъ Ломбардіи и Тосканы.

III.

Поглощенныя этимъ быстрымъ темпомъ торгово-промышленной жизни и коммерческимъ соперничествомъ, всегда обостряющимся при ростѣ денежнаго хозяйства, крупныя буржуазіи ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ для болѣе успѣшной конкурренціи между собою и для обезпеченности отъ классовыхъ революцій со стороны popolo minuto, поддерживали уже упомянутыхъ династовъ, уничтожившихъ гдѣ de jure, гдѣ de facto прежнюю коммунальную свободу, прежнее самоуправленіе и захватившихъ всю власть въ свои руки. Висконти, династы, выдвинувшіеся въ XIV вѣкѣ въ Миланѣ, обнаружили вскорѣ необыкновенную предпріимчивость. Они постоянно вели съ окрестными городами мелкія и крупныя войны, но все съ одной и той же узко-пріобрѣтательскою цѣлью: они и не мечтали объ объединеніи если не всей Италіи, то хоть Ломбардіи и Тосканы подъ главенствомъ Милана. Все, чего они домогались, это контрибуціи, оторванія куска территоріи и т. п. И каждая изъ этихъ полувоенныхъ, полуразбойничьихъ экспедицій утверждала ихъ власть въ Миланѣ. Всякая тѣнь какихъ бы то ни было принципіальныхъ (хотя бы гвельфо гибеллинскихъ) дѣленій исчезаетъ въ Ломбардіи и Тосканѣ; мелкая, безпрерывная,

открытая и тайная интрига каждаго города противъ всѣхъ остальныхъ изъ-за коммерческихъ разсчетовъ, соревнованія и зависти дѣлаетъ внѣшнюю исторію Средней и Сѣверной Италіи въ разбираемую эпоху чрезвычайно монотонною. Къ концу XIV и началу XV вѣка Джіанъ-Галеаццо Висконти успѣлъ было сдѣлать Миланъ дѣйствительно самымъ могущественнымъ городомъ на Апеннинскомъ полуостровѣ, подчинивши Лукку, Сьенну, Пизу, Болонью и рядъ другихъ болѣе мелкихъ городовъ. Но такія завоеванія въ Италіи XIV—XV вв. бывали, обыкновенно, вполнѣ эфемерными и распадались весьма скоро; такъ случилось и съ этою „миланскою имперіею" по смерти Джіанъ-Галеаццо.

Вѣчныя (хотя бы и мелкія) войны между городами, постоянныя интриги и ссоры династовъ отдѣльныхъ городовъ создали любопытный классъ людей въ тогдашней Италіи, такъ называемыхъ кондотьеровъ. Кондотьеры были начальниками своеобразныхъ армій, иногда довольно значительныхъ, состоявшихъ изъ всякаго наемнаго сброда, гдѣ всѣ европейскія національности имѣли своихъ представителей. Эти военные отряды промышляли войною, какъ постояннымъ ремесломъ,—и, дѣйствительно, въ приглашеніяхъ и заказахъ недостатка не ощущали. Ихъ услуги избавляли торговое, промышленное и агрикультурное населеніе Ломбардіи, Тосканы и неаполитанскаго королевства отъ опасностей и тяготы военной службы, и особенно удачливые кондотьеры цѣнились необыкновенно высоко. Кондотьерами пользовались и Висконти, и Медичи, и Венеція; бывали моменты, когда кондотьеры являлись совершенно самостоятельною силою, когда они совершали набѣги на города и деревни по собственному почину, грабили цѣлыя территоріи, уводили въ качествѣ заложниковъ жителей и т. д. Судьба одного изъ нихъ особенно любопытна, хотя не вполнѣ типична, ибо ему и его потомкамъ слишкомъ ужъ везло. Кондотьеръ Сфорца началъ свою карьеру въ Римѣ, гдѣ въ первые годы XV столѣтія его отрядъ занималъ нѣкоторое среднее положеніе—не то вражескаго гарнизона, державшагося въ городѣ по праву завоеванія, не то разбойничьей шайки, успѣвшей прочно и надолго запугать жителей. Крестьянинъ по происхожденію, Аттендоло Сфорца женился на бо-

мѣрнаго подоходнаго налога на всѣхъ безъ исключенія флорентійскихъ гражданъ, и никакія попытки страдавшей отъ налога группы капиталистовъ не были въ состояніи уничтожить этотъ налогъ ($^1/_2$% съ капитала). Они пробовали опереться на семью Медичи, но Медичи не поддержали этихъ домогательствъ, и такое поведеніе необычайно упрочило ихъ власть: popolo grasso сталъ смотрѣть на нихъ все же какъ на извѣстную гарантію противъ слишкомъ быстрой и необузданной демократизаціи государственнаго строя, а popolo minuto—какъ на благожелательныхъ народолюбцевъ. Такъ или иначе, бурныя времена XIV вѣка, когда борьба между классами нерѣдко выходила на улицу и проявлялась въ самыхъ насильственныхъ поступкахъ, уже не повторялись. Къ тому же Медичи не скупились на пожертвованія и подачки въ пользу простого народа, и Лаврентій Великолѣпный, позднѣйшій и самый яркій представитель династіи, былъ того мнѣнія, что „нѣтъ лучшаго способа тратить деньги". Денежное хозяйство во Флоренціи XIV—XV вв. обусловливалось широко развитыми торговыми отношеніями, и, въ свою очередь, оно влекло вздорожаніе предметовъ первой необходимости и пониженіе покупательной силы денегъ; вотъ почему колоссальныя богатства семьи Медичи, можно сказать, были единственными въ Италіи, и внѣ предѣловъ Флоренціи всюду, гдѣ деньги были еще въ рѣдкость, производили почти суевѣрное впечатлѣніе. Владычество Медичи (особенно вначалѣ) было несравненно мягче, чѣмъ господство Висконти, а потомъ Сфорца, въ Миланѣ и прочихъ династовъ въ болѣе мелкихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городахъ. Лучшій историкъ эпохи Возрожденія — Буркгардтъ—говоритъ: „было бы несправедливо сравнивать немногія еще существовавшія республики Италіи съ единственною въ своемъ родѣ Флоренціею, которая была самою важною мастерскою для образованія государственнаго духа и строя не только Италіи, но и Европы". Въ самомъ дѣлѣ: что сказать о Сіенѣ, о Генуѣ, даже о Венеціи? Внутренняя исторія ихъ полна мелкими усобицами, (въ Венеціи, впрочемъ, болѣе рѣдкими), постоянными столкновеніями съ сосѣдями, ничтожными спорами изъ-за границы выгоновъ, изъ-за правъ на рѣчку, на рыбную ловлю и пр. (Объ исторіи внѣшнихъ сношеній, грандіозно развившихся у Венеціи,—мы пока не говоримъ).

царили въ сѣверной и средней Италіи. На югѣ также водворился твердый монархическій режимъ. Въ 1282 году въ Сициліи произошло возмущеніе противъ Анжуйскаго дома („Сицилійская вечерня“), увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ; французы были изгнаны съ острова и всѣ усилія ихъ снова овладѣть Сициліей остались тщетными. Анжуйскій домъ, тѣмъ не менѣе, остался въ Неаполѣ и неаполитанскомъ королевствѣ. Исторія Анжуйскаго дома въ XIV столѣтіи (особенно послѣ смерти короля Роберта Неаполитанскаго) представляетъ цѣлый рядъ смутъ, дворцовыхъ убійствъ и переворотовъ, не представляющихъ ни малѣйшаго общаго интереса. Одновременно съ этими смутами въ неаполитанскомъ королевствѣ началась сильная феодальная реакція. Въ эпоху своего полнаго упадка и ничтожества на протяженіи всего Апеннинскаго полуострова, феодализмъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ именно теперь, въ XIV вѣкѣ, и поднялъ голову; послѣ нѣсколькихъ столѣтій прозябанія и подчиненія при Гогенштауфенахъ и при первыхъ короляхъ Анжуйскаго дома, неаполитанскіе бароны превратились въ почти самостоятельныхъ феодальныхъ царьковъ, весьма безцеремонно относившихся къ центральной власти и всѣмъ ея требованіямъ. Придворные скандалы, династическія интриги, феодальныя броженія, вѣчныя приглашенія кондотьеровъ враждующими сторонами,—вотъ внѣшняя исторія неаполитанскаго королевства въ XIV—XV вв.; внутренняя же исторія его за означенный періодъ совсѣмъ не можетъ быть возстановлена съ достаточной ясностью и полнотою за отсутствіемъ данныхъ. Можно лишь догадываться, что неаполитанскіе земледѣльцы не разъ имѣли случай пожалѣть о мирныхъ (для нихъ) временахъ Фридриха II, когда кондотьеры не вытаптывали полей и не грабили жилищъ. Обще-итальянскаго значенія этотъ періодъ исторической жизни Неаполя – не имѣетъ: до сихъ поръ, т. е. до XIV вѣка, Неаполь былъ (со временъ воцаренія Анжуйскаго дома) вѣрною поддержкою гвельфской партіи и папской власти. Но въ самомъ началѣ XIV столѣтія произошло событіе, надолго лишившее папскую власть всякой силы и всякаго престижа.

IV.

Когда въ 1267 году послѣдній Гогенштауфенъ, молодой герцогъ Конрадинъ, погибъ въ своей неудачной попыткѣ отнять престолъ у Карла Анжуйскаго,—всѣмъ друзьямъ папскаго Рима вздохнулось свободнѣе: такой страшный врагъ, какъ Гогенштауфены, былъ искорененъ. Затѣмъ потекли сравнительно болѣе спокойныя послѣднія десятилѣтія XIII вѣка. Но въ 1294 году на папскій престолъ вступилъ Бонифацій VIII, и при немъ разыгралась послѣдняя и самая жестокая драма въ средневѣковой борьбѣ духовной и свѣтской властей. Бонифацій VIII былъ человѣкъ до болѣзненности гордый, ослѣпленный маніей величія до полной невозможности ясно понимать окружающія условія. Исчезновеніе съ итальянской арены Гогенштауфеновъ произвело на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе; упуская изъ виду всѣ случайныя благопріятныя для папства условія, вызвавшія побѣду гвельфской партіи, Бонифацій VIII склоненъ былъ смотрѣть на сравнительно спокойное положеніе папскаго престола, какъ на результатъ явной и видимой воли Господа, желающаго осуществить мечты Григорія VII и Иннокентія III и подчинить вселенную римскому епископу. У Бонифація VIII была слабая голова и сильная воля; темпераментъ у него былъ сангвиническій, рѣшенія были у него поспѣшныя, дисциплины надъ своими порывами онъ не терпѣлъ ни малѣйшей. Онъ съ первыхъ же лѣтъ своего понтификата сталъ самымъ безцеремоннымъ образомъ вмѣшиваться и во французскія, и въ англійскія, и въ венгерскія дѣла, и притомъ вмѣшиваться съ самою непозволительною и ничѣмъ не оправдываемою рѣзкостью. При такомъ образѣ дѣйствій столкновеніе между нимъ и какою либо изъ европейскихъ свѣтскихъ властей было неминуемо. Послѣ фіаско крестовыхъ походовъ, послѣ изнурительной, хотя и увѣнчанной успѣхомъ, но стоившей много моральныхъ и неморальныхъ жертвъ борьбы съ имперіей, папскій авторитетъ во времена Бонифація VIII былъ уже далеко не тотъ, какъ напримѣръ, при Григоріи [illegible] льдебрандѣ, но и Григорій VII

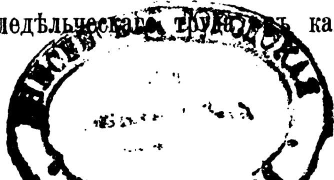
дѣйствовалъ несравненно осторожнѣе и сдержаннѣе. Съ оставленнымъ своими феодалами нелюбимымъ, непопулярнымъ въ Германіи Генрихомъ VII папа говорилъ повелительно, дѣйствовалъ деспотически, но съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, могущественнымъ и самодержавнымъ обладателемъ Нормандіи и Англіи, Григорій VII, велъ себя чрезвычайно кротко и благодушно. Бонифацій VIII, болѣзненно гордый, до помѣшательства самолюбивый и подозрительный человѣкъ, въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ не руководился ничѣмъ, кромѣ собственнаго каприза. Не взвѣсивши ни своихъ силъ, ни силъ противника, онъ началъ роковую борьбу съ Филиппомъ Красивымъ, борьбу тѣмъ болѣе тяжелую и интенсивную, что вопросъ шелъ о деньгахъ, въ которыхъ французскій король нуждался всю жизнь, и изъ за которыхъ онъ многократно нарушалъ даже тогдашній не особенно щепетильный уголовный кодексъ. Папа воспретилъ духовнымъ лицамъ платить свѣтскимъ государямъ какія бы то ни было подати; этотъ эдиктъ сокращалъ чрезвычайно доходы Филиппа Красиваго, который въ отвѣтъ запретилъ вывозить изъ Франціи драгоцѣнные металлы. Почти одновременно съ этою ссорою, лишившею папу громадныхъ средствъ, получавшихся имъ изъ Франціи,— Бонифацій разсорился съ кардиналами Пьетро и Джакопо Колонна, конфисковалъ все ихъ движимое и недвижимое имущество, а самихъ кардиналовъ выгналъ вонъ изъ Рима. Вся Романья, гдѣ Колонна пользовались громадною популярностью,— пришла въ движеніе. Поступокъ папы объясняли алчностью и личною местью. Не успѣвши еще какъ нибудь посчитаться съ волненіемъ, возбужденнымъ исторіею съ Колонна, Бонифацій VIII объявилъ дона Хаиме Арагонскаго, владѣтеля Сициліи,—лишеннымъ сицилійскаго престола и повелѣлъ сицилійцамъ снова покориться ненавистному имъ, изгнанному въ 1282 году анжуйскому дому. Сицилійцы съ яростію заявили протестъ противъ папскаго вмѣшательства, выгнали вонъ претендента, папскаго ставленника, и снова утвердили у себя арагонскую династію. Всѣ эти неудачи и пораженія, всѣ эти затрудненія и непріятности папа встрѣчалъ съ гнѣвомъ, но ничего подѣлать не могъ. Какъ бы затѣмъ, чтобы окончательно лишиться всякаго чутья дѣйствительности и успокоить свою уязвлен-

ную гордость всевозможными величавыми фантасмагоріями, Бонифацій въ 1300 году оповѣстилъ весь католическій міръ, что по случаю наступленія новаго столѣтія онъ дастъ „вѣковое“ отпущеніе грѣховъ богомольцамъ, которые явятся въ Римъ. Больше двухсотъ тысячъ пилигримовъ явилось къ папѣ; ежедневно устраивались торжественныя процессіи, цѣлыя религіозныя феэріи, въ которыхъ Бонифацій VIII являлся въ видѣ духовнаго и свѣтскаго владыки міра, украшенный регаліями императора и ризами первосвященника.

На патологическую натуру папы празднества эти имѣли рѣшающее и пагубное вліяніе: всѣ обиды, когда либо имъ испытанныя, представились его уму святотатствомъ, всѣ обидчики — нечестивцами и оскорбителями божества, самъ онъ — представителемъ божественной мощи на землѣ, уполномоченнымъ отъ Царя царей. Не долго думая, онъ проклялъ и отлучилъ отъ церкви всѣхъ легистовъ, дававшихъ совѣты французскому королю и способствовавшихъ „непокорству“ Филиппа Красиваго. Почти одновременно онъ проклялъ всѣхъ сицилійцевъ, противящихся реставраціи анжуйскаго дома, и особенно энергично сталъ преслѣдовать третьяго своего врага — фамилію Колонна и ея кліентовъ. Тогда Филиппъ Красивый увидѣлъ, что его часъ пришелъ. Среди его придворныхъ юристовъ находился Гильомъ Ногаре, человѣкъ темнаго происхожденія, ловкій, талантливый, умный, наглый и свободный отъ какихъ бы то ни было моральныхъ правилъ и убѣжденій. Ногаре давно уже твердилъ, что въ случаѣ рѣшительнаго столкновенія король окажется сильнѣе папы и что, поэтому, именно такимъ рѣшительнымъ столкновеніемъ и можно выиграть гораздо больше, чѣмъ безплодною и оскорбительною для Филиппа Красиваго дипломатическою перепискою. Колонна, съ своей стороны, давно уже мечтали объ активныхъ, наступательныхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ своего непримиримаго врага, и въ результатѣ ихъ сношеній съ Ногаре, послѣдній выѣхалъ въ Италію, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, возможно ли, не теряя времени, напасть на Бонифація. Папа, глухой и слѣпой ко всякимъ предостереженіямъ и тревожнымъ признакамъ, путешествовалъ по Италіи. Въ поселкѣ Стаджіа Ногаре встрѣтился съ Колонна и ихъ приверженцами, и отсюда всѣ они отправились

въ городъ Ананьи, гдѣ находился папа, окруженный нѣсколькими домашними слугами, изъ которыхъ многіе были уже подкуплены фамиліей Колонна. Ворвавшись въ Ананьи, проникнувъ безъ всякаго сопротивленія во дворецъ, заговорщики разогнали кардиналовъ и, потрясая оружіемъ, окружили Бонифація въ его комнатѣ. Они требовали немедленнаго отказа папы отъ власти и отъ своего сана. Беззащитный старикъ отвѣтилъ: „я не откажусь; вотъ моя голова; меня продали, какъ Іисуса Христа,—и если я долженъ умереть, я умру, но умру папою“. Ногаре ударилъ старика по лицу рукою, облаченною въ мѣдную перчатку. Около трехъ сутокъ напавшіе держали папу во дворцѣ, домогаясь отреченія, пока, наконецъ, спутники Ногаре и Колонна своимъ развязнымъ поведеніемъ не вызвали со стороны жителей Ананьи рѣзкаго отпора: только благодаря этому обстоятельству, папа былъ освобожденъ. Въ Римъ онъ вернулся уже полупомѣшаннымъ человѣкомъ и черезъ нѣсколько дней скончался, не приходя въ полное сознаніе. Римъ и вся Италія встрѣтили это событіе отчасти равнодушно, отчасти съ радостью; Бонифація VIII не любили. Филиппъ Красивый наглядно убѣдился въ слабости папскаго авторитета и въ полной возможности совершенно захватить въ свои руки римскихъ первосвященниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, при ослабленіи имперскаго вліянія на полуостровѣ, при политической раздробленности Ломбардіи и Тосканы, при враждебности къ папскому престолу правившей въ Неаполѣ арагонской династіи,—Филиппъ Красивый могъ смѣло никого не бояться. Послѣ продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ понтификата преемника Бонифація VIII (Бонифація IX) Филиппъ Красивый заставилъ выбрать въ папы епископа бордосскаго (Климента V), который и заявилъ (согласно желанію короля), что онъ переноситъ папскую резиденцію въ Авиньонъ; случилось это въ 1305 году.

Больше семидесяти лѣтъ папы отсутствовали изъ Италіи; городъ Римъ переходилъ изъ рукъ одной знатной фамиліи въ руки другой, что, впрочемъ, очень мало отражалось на народной жизни Романьи: бѣдная, покрытая мареммами, разоряемая разбойниками, страна прожила XIV и XV вѣка въ тѣхъ-же жалкихъ условіяхъ примитивнаго земледѣльческаго труда, въ какихъ жила вѣка раньше

и вѣка позже. Но для всей Италіи удаленіе папскаго престола въ Авиньонъ имѣло почти такое же значеніе, какъ прекращеніе императорскихъ вмѣшательствъ въ дѣла полуострова. Папскій принципъ, около двухсотъ лѣтъ одушевлявшій гвельфскую партію, дѣлившій итальянскія земли, вносившій раздоръ и броженіе въ города, села, семьи, вдругъ какъ-то стушевался и ослабѣлъ. Именно съ этихъ поръ и выступаетъ на первый планъ ничѣмъ уже не заслоняемая и не затемняемая мелкая сосѣдская борьба маленькихъ и большихъ ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ и среднеитальянскихъ автономій. Эти два столѣтія (XIV—XV), собственно, и опредѣлили судьбу Италіи на все послѣдующее время вплоть до объединенія въ XIX вѣкѣ. Въ ту эпоху, когда на развалинахъ феодальнаго строя во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи созидались сословныя монархіи, вырабатывалась общегосударственная, общетерриторіальная власть,—Апеннинскій полуостровъ, избавленный отъ соперничества двухъ огромныхъ партій, которое разоряло его, но давало надежду на національное сплоченіе въ той или другой формѣ, раздираемый безчисленными сосѣдскими войнами, опустошаемый наемными разбойниками—кондотьерами, оставался въ политическомъ смыслѣ такою же мозаикою, какой былъ въ феодальныя времена. Процвѣтаніе и богатство Тосканы и Ломбардіи нисколько не отзывались на положеніи Романьи, Неаполя, Сициліи, Калабріи, Апуліи; торговля и промышленность сѣверныхъ городовъ была, такъ сказать, личнымъ ихъ счастьемъ, которое не пригрѣвало никого, кромѣ нихъ и не животворило раздробленнаго національнаго организма, и когда съ конца XV вѣка, послѣ открытій Васко де Гама и Колумба, началось быстрое коммерческое паденіе Венеціи, Милана, Флоренціи—остальная Италія почти и не замѣтила этого рокового поворота.

V.

Въ эти столѣтія глубочайшаго политическаго ничтожества въ Италіи развилось огромное по своему внутреннему содержанію умственное движеніе, до такой степени повліявшее на историческую окраску итальянской (и европейской) культуры, что его нельзя ни въ какомъ случаѣ обойти молчаніемъ *).

Движеніе это съ самаго своего начала стояло въ тѣсной фактической связи съ пробужденіемъ интереса къ классической древности; вотъ почему оно и было окрещено „Возрожденіемъ наукъ и искусствъ". Но пламенный, никогда и нигдѣ уже не повторявшійся въ такой мѣрѣ интересъ къ древней Греціи и Риму—являлся лишь однимъ изъ элементовъ движенія, а вовсе не заполнялъ собою всего движенія. Онъ, быть можетъ, потому былъ сразу такъ выдѣленъ, что хронологически сказался раньше пышнаго разцвѣта самостоятельной итальянской прозы и поэзіи этихъ вѣковъ и, въ общемъ, наложилъ свою печать на всю умственную культуру названнаго времени.

Всѣ разсужденія и соображенія объ итальянскомъ гуманизмѣ, объ итальянской „эпохѣ возрожденія" не будутъ до той поры имѣть подъ собою прочной почвы, пока мы не запомнимъ слѣдующаго: быть можетъ, никогда, ни прежде, ни послѣ верхній интеллектуальный слой итальянской націи не былъ такъ глубоко и непроходимо отдѣленъ отъ остальныхъ слоевъ, какъ именно къ концу среднихъ вѣковъ, къ XIV—XV столѣтіямъ; быть можетъ, тотъ культурный классъ, который отличается повышенною сознательностью и который на нашемъ языкѣ называется словомъ „интеллигенція", никогда въ исторіи Европы не былъ такъ чуждъ и непонятенъ остальному обществу и народу своей страны, какъ въ Италіи эпохи Возрожденія. Этихъ людей,—носителей высшей культуры, утонченной рефлексіи, глубокой сознательности, — было (ко-

*) Ему будетъ посвящена особая книжка въ настоящей коллекціи.

личественно) весьма немного, — такъ немного, что современники гораздо меньше ихъ замѣчали, нежели потомки; но то, что они сдѣлали, было крайне важно и нужно ихъ братьямъ по духу въ другихъ странахъ, т. е. столь же маленькой группѣ германскихъ, голландскихъ, французскихъ, англійскихъ образованныхъ людей, жаждавшихъ новаго содержанія умственной жизни, внѣ душныхъ и тѣсныхъ рамокъ средневѣковаго богословія, схоластической философіи и интерпретаціи Аристотеля. Эти-то люди и популяризовали и развили дальше коренныя идеи итальянскаго Ренессанса и сдѣлали его явленіемъ необычайнымъ по сферѣ вліянія и по значенію для культуры будущихъ столѣтій.

Не трудно видѣть, почему люди, не удовлетворенные богословіемъ, схоластикою и всею совокупностью средневѣковыхъ знаній, обратились именно къ античнымъ традиціямъ. Въ Италіи эти традиціи никогда, даже въ самыя худшія, безнадежныя времена, не были окончательно забыты. Географическое тождество средневѣковой Италіи и Италіи классической, близость латинскаго и итальянскаго языковъ, масса уцѣлѣвшихъ, несмотря ни на какія нашествія, памятниковъ старины, — все это дѣлало античную культуру болѣе близкой итальянцамъ, нежели любому другому народу. Древній міръ для перваго поколѣнія гуманистовъ, для современниковъ Петрарки, обладалъ всѣми качествами заманчиваго, таинственнаго и любопытнаго кладезя всевозможной премудрости: его мало знали, можетъ быть даже совсѣмъ не знали, но отъ него многаго ожидали, какъ отъ дѣвственнаго мѣста, гдѣ никто еще не былъ, но о которомъ утвердительно всѣ говорятъ, что оно есть золотой рудникъ. Вѣдь, за долгую тысячелѣтнюю культурную ночь, которая продолжалась всѣ средніе вѣка, не было ничего изобрѣтено, написано, вылѣплено, что могло бы стать хоть въ отдаленнѣйшее сравненіе съ античною мыслью и античнымъ искусствомъ; ни одной новой, свѣжей мысли не было пущено въ оборотъ, ни одного усилія художественнаго творчества, ни одного порыва фантазіи, — все равно, поэтической или философской; при жаждѣ знаній и новыхъ, настоящихъ знаній, — гдѣ было ихъ взять, какъ не въ до-христіанской, античной культурѣ?

Начались страстные, почти патологически нетерпѣливые поиски за всюду разбросанными, затерянными, полусгнившими папирусами и пергаментами древнихъ авторовъ, за погребенными въ землѣ скульптурными изваяніями, за всѣми матеріальными останками античной старины. Какъ будто изъ глубокаго, вѣкового сна предъ гуманистами XIV вѣка вставалъ погибшій, волшебный міръ, въ которомъ все было ново, интересно, полно содержанія, въ которомъ трепетала живая мысль, не смотря на тысячелѣтнее омертвѣніе... Вѣроятно, въ исторіи культуры никогда уже не повторится тотъ восторгъ, которымъ проникнуты рѣчи первыхъ гуманистовъ, съ жадною торопливостью поглощавшихъ эти полуистлѣвшія страницы. Были между ними такіе, которые устраивали аналои съ лампадками для бюста Платона: были такіе, которые отказывались бесѣдовать даже съ родными иначе, нежели на языкѣ Цицерона; были лица, почти совсѣмъ обратившіяся въ язычество и курившія самымъ благоговѣйнымъ образомъ фиміамъ предъ вновь откопанными мраморными статуями. Всѣ эти увлеченія весьма типичны и характеризуютъ то довѣріе и обожаніе, съ которыми отнеслись къ античному міру образованные люди этого времени. Многіе изъ нихъ хвалились своимъ невѣріемъ въ старыя святыни; но средневѣковыя привычки мысли были такъ сильны, что эти скептики и отрицатели никакъ не могли зачастую отрѣшиться отъ чисто молитвеннаго экстаза при созерцаніи своихъ новыхъ боговъ. Въ это время перваго открытія античнаго міра Италія уже выдвинула перваго значительнаго поэта—Данте, но его произведеніе „Божественная комедія“ стоитъ въ сторонѣ отъ начинавшагося умственнаго движенія. „Божественная комедія“—произведеніе, проникнутое средневѣковыми началами, средневѣковою философіей; Данте во всемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія вѣрнаго сына католицизма. По политическимъ воззрѣніямъ онъ гибеллинъ, по религіознымъ—благоговѣйный католикъ, по моральнымъ—приверженецъ всего кодекса средневѣковой религіозной этики. Исторія итальянской литературы по справедливости отводитъ Данте огромное мѣсто: онъ былъ первымъ по времени и однимъ изъ значительнѣйшихъ по таланту поэтовъ итальянскаго народа; читавшаяся и перечитывавшаяся его

поэма весьма сильно способствовала выработкѣ итальянскаго языка и стиха; весь укладъ средневѣковой мысли и культуры получилъ въ немъ глубокаго и проникновеннаго выразителя. Но исторія эпохи Возрожденія можетъ пройти мимо этого великаго поэта; новое умственное движеніе, тѣсно связанное съ возвращеніемъ къ старымъ, античнымъ традиціямъ, съ индивидуалистическими вѣяніями, съ освободительными воззрѣніями относительно прежней теологіи и морали, это движеніе, которое открываетъ собою новую европейскую культуру, осталось въ сторонѣ отъ творца „Божественной комедіи". Огромнымъ событіемъ въ исторіи гуманизма было появленіе другого замѣчательнаго поэта—Петрарки. На первый взглядъ могло бы показаться, что и Петрарка стоитъ далеко отъ освободительныхъ теченій Возрожденія; въ самомъ дѣлѣ: онъ, напримѣръ, всегда оставался приверженцемъ папскаго католицизма и ненавидѣлъ аверроистовъ (сторонниковъ арабскаго философа Аверроэса) именно за ихъ слишкомъ свободное отношеніе къ догматизму папскаго Рима. Въ своихъ произведеніяхъ онъ съ горечью и гнѣвомъ говоритъ объ аверроистахъ, даже разсказываетъ, какъ, однажды, возмущенный однимъ изъ этихъ нечестивыхъ людей, онъ выгналъ его вонъ изъ комнаты. Тѣмъ не менѣе, этотъ поэтъ является однимъ изъ первыхъ и глубочайшихъ выразителей индивидуалистическихъ тенденцій Ренессанса. Любовь къ Лаурѣ, тоска, разочарованіе, надежда, отчаяніе — всѣ эти чувства въ его глубоко-поэтическихъ строфахъ не только высоко художественно выражены, но самые сонеты Петрарки даютъ блестящій образецъ творчества, занятаго внутреннимъ, интимнымъ міромъ человѣка. Петрарка вдвойнѣ важенъ и характеренъ для исторіи эпохи Возрожденія во-первыхъ — онъ личнымъ, самобытнымъ своимъ творчествомъ какъ бы открылъ человѣческую индивидуальность во всей ея полнотѣ, въ тѣхъ изгибахъ чувства, которыми до Петрарки никто не занимался и не интересовался; во-вторыхъ—онъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей того страстнаго изученія древностей, о которомъ мы говорили. Для Петрарки античный міръ былъ очарованнымъ замкомъ, полнымъ всевозможныхъ сокровищъ; въ его глазахъ античные поэты и философы давали отвѣты на всѣ запросы, нужно

было только поспѣшить эти отвѣты разыскать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря разностороннему художественно-воспріимчивому темпераменту и творческому уму, Петрарка не превратился въ педанта-фанатика старыхъ пергаментовъ, не сдѣлался коллекціонеромъ, антикваріемъ-мономаномъ, какъ это случилось съ весьма многими его сверстниками, а сумѣлъ органически ввести въ свой умственный обиходъ многія руководящія идеи, выработанныя античною мыслью. Въ произведеніяхъ Петрарки замѣтно вліяніе стоической школы, сказывается близкое знакомство съ Цицерономъ, Вергиліемъ, Овидіемъ, Сенекою, — но, конечно, наибольшее значеніе въ его Canzon'ахъ и въ его „Senilia“ («старческой» работѣ) принадлежитъ, все же, личному творчеству поэта. Интересъ къ живой человѣческой индивидуальности, къ индивидуальной душѣ и ея страданіямъ пробудился въ литературѣ Ренессанса подъ могущественнымъ вліяніемъ Петрарки; еще у Данте, у старшаго современника Петрарки, человѣческая индивидуальность отсутствуетъ: мы видимъ скорбныя и расплывающіяся тѣни ада и чистилища, но имѣемъ дѣло больше съ номенклатурою грѣховъ, съ лѣстницею наказаній, съ мрачною, навѣянною средневѣковыми требниками и житіями фантасмагоріей, а живого интереса поэта къ индивидуальности описываемыхъ и упоминаемыхъ людей не видимъ вовсе. Послѣ же Петрарки новая литературная манера распространяется все больше и больше; не говоря уже о такомъ талантѣ, какъ Боккачіо, — даже у второстепенныхъ литераторовъ, вродѣ Салутати, Луиджи Пульчи, Пико делла Мирандола (и именно у писателей XV вѣка еще больше, чѣмъ у ближайшихъ потомковъ Петрарки) замѣтна вполнѣ сознательная тенденція живописать личность въ художественныхъ произведеніяхъ, говорить о потребностяхъ индивидуальной души въ этическихъ трактатахъ и философскихъ изслѣдованіяхъ. Средневѣковые расплывчивые, избитые и неопредѣленно общіе образы грѣшника, праведника, безбожника, святого и т. п. отошли со временъ Петрарки на задній планъ, уступивши мѣсто болѣе обстоятельной, вдумчивой и отчетливой литературной живописи и болѣе тонко анализирующей философіи. Самая біографія Петрарки чрезвычайно любопытна для характеристики наступавшихъ новыхъ

временъ итальянской культуры. Въ его общеитальянской славѣ впервые сказалось, если не *сознаніе*, то *чувство* національнаго единства. И авиньонскій папскій дворъ, и родная Петраркѣ Флоренція, и другіе тосканскіе города, и Ломбардія, и неаполитанскій король, и городъ Римъ — всѣ наперерывъ спѣшили засвидѣтельствовать любимому поэту свои горячія симпатіи. Общность этихъ чувствъ наглядно сказалась во время торжественнаго апоѳеоза, устроеннаго Петраркѣ управленіемъ города Рима на Пасху 1341 года. Торжественныя процессіи, вѣнчаніе поэта лаврами въ Капитоліи, привѣтственные клики громадной толпы, поздравленія отъ самыхъ далекихъ мѣстъ полуострова,—все это являлось чѣмъ-то совсѣмъ небывалымъ до сихъ поръ. Помимо общеитальянскаго своего значенія, какъ національнаго праздника, помимо своей знаменательности въ исторіи европейской культуры, какъ перваго народнаго чествованія труженика мысли,—апоѳеозъ Петрарки оказалъ нѣкоторое непосредственное моральное воздѣйствіе на разыгравшуюся нѣсколько лѣтъ спустя попытку Никколо Ріенци измѣнить политическій строй церковной области.

VI.

Никколо (или „Кола") ди Ріенци былъ сыномъ разнощика свѣжей воды, такъ что вышелъ изъ самыхъ демократическихъ слоевъ римскаго народонаселенія.

Онъ является довольно исключительнымъ и рѣдкимъ типомъ простолюдина, увлекшагося изученіемъ античныхъ древностей, притомъ древностей, такъ сказать, государственно-правовыхъ, а не литературныхъ и художественныхъ. Духъ времени, —(онъ былъ читателемъ и поклонникомъ Петрарки и однимъ изъ наиболѣе восторженныхъ участниковъ апоѳеоза 1341 г.), — увлеченіе группы образованныхъ людей классическою культурою толкнули его къ чтенію и изученію римскихъ классиковъ. Но не размѣры овидіевскаго стиха, не подробности біографіи Вергилія, не стиль Цицерона занимали его: въ противоположность господствовавшимъ среди первыхъ (да и послѣднихъ) гуманистовъ тенденціямъ, интересы Никколо ди Ріенци

были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Онъ поглощенъ былъ созерцаніемъ былого политическаго величія города Рима, размышленіями надъ памятниками побѣдъ, руинами дворцовъ, горькими и безпрестанными сравненіями яркаго прошлаго съ тусклымъ и ничтожнымъ настоящимъ. Это былъ боевой характеръ, человѣкъ съ темпераментомъ политическаго, а не литературнаго дѣятеля, и чтеніе классиковъ дало только ему внѣшнюю форму, въ которую должны были отлиться его дѣйствія. Что же касается до почвы, то въ этомъ отношеніи ему приходилось дѣйствовать въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Разсказывая о томъ, какъ Ріенци произвелъ переворотъ, историкъ всегда находится въ затрудненіи ясно отвѣтить на вопросъ: что же именно, какую форму правленія ниспровергъ онъ? Дѣло въ томъ, что, со времени удаленія папъ въ Авиньонъ, (въ 1307 г.) Римъ находился въ состояніи совершенной анархіи. Мы уже не говоримъ, что фактическая государственная власть, выражающаяся хотя бы въ наличности правильной полиціи, вполнѣ отсутствовала. Римъ всегда былъ городомъ разбойниковъ; вѣдь, еще въ 40 гг. XIX столѣтія ихъ банды лагерями стояли на Транстеверино и часто вели дипломатическіе переговоры съ начальствомъ, d'égal à égal. Но въ прежніе вѣка, въ томъ числѣ и въ XIV столѣтіи, — разбойничьи шайки буквально владѣли многими — и не отдаленными, а центральными кварталами Рима. Если же оставить даже вопросъ о фактическомъ обладаніи городомъ въ сторонѣ, то нелегко отвѣтить и на другой, казалось бы, весьма простой вопросъ: кто de jure владѣлъ Римомъ? Папы, переселившись въ Авиньонъ, не отказались отъ обладанія городомъ Римомъ, и ихъ представитель, „легатъ", безпрерывно ѣздилъ изъ Рима въ Авиньонъ и обратно, подавалъ свой голосъ, когда сенаторы собирались на засѣданія и пр. Однако, голосъ его имѣлъ на самомъ дѣлѣ чисто совѣщательное значеніе, что было вполнѣ естественно въ виду полнаго отсутствія у легата даже маленькаго отряда тѣлохранителей. Гораздо болѣе страннымъ могло бы показаться, что и сенаторы никакой фактической власти не имѣли, а, просто, творили волю того семейства нобилей, которое въ данный моментъ сумѣло прогнать соперниковъ, и съ помощью многочислен-

ной челяди, кліентеллы и союзной разбойничьей банды захватить владычество. Сегодня это были Колонна, завтра Орсини, послѣзавтра Полента; вѣчно знатныя фамиліи между собою дрались, и такъ какъ въ XIV вѣкѣ уже ни папѣ, ни императору они не могли другъ друга предавать, вслѣдствіе отмѣченнаго выше исчезновенія этихъ двухъ силъ, то имъ оставалось вступать въ тѣсный союзъ съ разбойниками и съ неаполитанскимъ королемъ, что они всѣ по очереди и дѣлали. Таково было положеніе дѣлъ въ Римѣ, когда Никколо ди Ріенци, возбужденный и взволнованный небывалымъ апоѳеозомъ Петрарки, потрясенный чтеніемъ Тита Ливія и восхищенный древними героями, — началъ свою пропаганду среди простого римскаго народа, до сихъ поръ служившаго терпѣливымъ и страдающимъ объектомъ смутъ и дракъ эгоистической знати. Каковы были руководящія идеи пропаганды Никколо Ріенци?

Онъ желалъ возстановить римскую республику до-императорскихъ временъ, по возможности, со всѣми ея установленіями, съ ея „свободой", т. е. комплексомъ строго очерченныхъ правъ, пріуроченныхъ къ личности каждаго гражданина и, въ особенности, съ ея славною и мощною внѣшнею политикою. Нечего и говорить, что это были самыя фантастическія мечтанія, объ осуществленіи которыхъ могъ грезить лишь такой горячій политическій фантазеръ, какимъ былъ Ріенци. Нищая, безлюдная, раздираемая разбойниками и знатью церковная область—въ лучшемъ случаѣ могла бы обезпечить своимъ несчастнымъ гражданамъ большій порядокъ и большую безопасность, но превратиться въ древній Римъ она до смѣшного не была въ состояніи. Ріенци, впрочемъ, былъ мечтателемъ только въ построеніи общаго своего идеала; что касается до средствъ политической борьбы съ аристократами, то здѣсь имъ руководилъ вѣрный политическій инстинктъ. Непосредственною своею задачею Ріенци поставилъ возвращеніе папы Климента VI изъ Авиньона въ Римъ; какъ ни слаба была всегда фактическая власть папы въ Римѣ, все же, до переселенія папскаго престола и двора въ Авиньонъ, Римъ сохранялъ за собою моральное значеніе религіознаго центра Европы, а со временъ ужасной смерти Бонифація VIII этотъ городъ превратился въ обыденный южно-итальянскій разбойничій вертепъ, ли-

шенный всякаго значенія. Сблизившись въ 1341 году, во время апоѳеоза Петрарки, съ поэтомъ, Ріенци вмѣстѣ съ Петраркою отправился въ Авиньонъ убѣждать папу вернуться въ Римъ. Изъ этого ничего не вышло. Ріенци около четырехъ лѣтъ просидѣлъ при папскомъ дворѣ, но ни французское правительство, ни самъ папа не желали этого переселенія. Наконецъ, въ 1346 году все предпріятіе приняло довольно неожиданный оборотъ: глава семейства Колонна сблизился съ Ріенци, желая сдѣлать его орудіемъ уничтоженія противниковъ. Колонна упросилъ папу отпустить въ Римъ Никколо Ріенци съ полномочіями искоренить царящую тамъ анархію и разбои и отъ имени папы возстановить порядокъ. Явившись въ Римъ, Ріенци, пользуясь оффиціальнымъ своимъ положеніемъ, началъ горячую пропаганду своихъ идей. Почти ежедневно, окруженный густыми толпами народа, Ріенци посѣщалъ исторически славныя мѣста столицы, произносилъ по поводу античныхъ руинъ оживленныя, горячія рѣчи, въ которыхъ популяризовалъ исторію древней республики, говорилъ о минувшей славѣ „предковъ“ своихъ слушателей, и убѣждалъ ихъ воскресить это славное прошлое. Вскорѣ Колонна увидѣлъ, что онъ ошибся, и что Ріенци толкаетъ событія куда-то совсѣмъ не въ ту сторону, какъ ожидалъ честолюбивый аристократъ. Римскій народъ, живой, увлекающійся, воспріимчивый, уже потому увлекся пропагандою Ріенци, что политическое настоящее не представляло ничего устойчиваго, достойнаго обереганія и сохраненія. Владычество разбойниковъ, анархія, аристократическія драки и смуты — вотъ что было въ настоящемъ; въ будущемъ — Ріенци указывалъ спокойствіе, блескъ и славу. Весною 1347 года Ріенци устроилъ громадное народное собраніе въ Капитоліи, гдѣ въ пылкой рѣчи требовалъ немедленнаго утвержденія уже составленной имъ демократической конституціи, тутъ же прочтенной народу. Собраніе бурно одобрило дѣйствія Ріенци — и онъ, въ качествѣ народнаго трибуна, сталъ, отъ имени демократіи, неограниченно управлять городомъ Римомъ. Управленіе его опиралось на полномъ сочувствіи всего простого народа и располагало народнымъ ополченіемъ — прекрасно вооруженнымъ отрядомъ около пяти тысячъ человѣкъ. Демократическая конституція, провоз-

глашенная имъ, осталась пустымъ звукомъ, и Ріенци во все короткое свое управленіе былъ и оставался демократическимъ единодержавцемъ. Онъ перевѣшалъ очень многихъ разбойниковъ, казнилъ и выгналъ изъ Рима нѣсколькихъ наиболѣе безпокойныхъ аристократовъ, разрушилъ много замковъ, полуоффиціально считавшихся главными квартирами нѣсколькихъ разбойничьихъ шаекъ, завелъ, отдаленно вторя идеѣ Гракховъ, общественныя житницы, откуда выдавались даромъ порціи муки вдовамъ и сиротамъ павшихъ въ бою солдатъ и, вообще, лицамъ, находящимся въ глубокой нищетѣ.

Все это сдѣлало трибуна чрезвычайно популярнымъ; его ораторскій даръ продолжалъ оказывать ему тѣ же услуги, что и раньше: римляне съ восторгомъ смотрѣли на улучшеніе своего положенія, какъ на первый шагъ къ уврачеванію всѣхъ золъ и начало новой эры. Петрарка былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ своего друга; самъ Ріенци, въ упоеніи торжества, разсылалъ пословъ ко всѣмъ итальянскимъ дворамъ и уже затѣвалъ общеитальянскій конгрессъ. Конгресса, впрочемъ, не собралось, и вскорѣ вся эта феерія рухнула. Ріенци такъ возгордился, что объявилъ себя „судьею народовъ"; онъ объявилъ „освобожденными" всѣ итальянскія земли, вызывалъ (конечно, безъ всякаго отклика) къ своему суду ссорившихся итальянскихъ властителей,—и, въ концѣ концовъ, поссорился съ папою. Климентъ VI, посредствомъ своего легата въ Римѣ, сталъ громить трибуна, аристократы объединились противъ общаго врага, подоспѣлъ неурожай и голодъ, впечатлительный римскій народъ охладѣлъ къ своему любимцу, и въ рѣшительный моментъ военнаго столкновенія Ріенци оказался слабѣе своихъ враговъ и удалился изъ города, гдѣ тотчасъ же воцарились прежняя анархія и прежняя неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Ріенци съ этихъ поръ становится уже другимъ человѣкомъ; повидимому, онъ потерялъ вѣру въ себя и въ свои планы и сдѣлался обыденнымъ папскимъ чиновникомъ, ибо, по прежнему, продолжалъ считать папу желательнымъ властителемъ Рима. Въ 1354 году, когда папскій легатъ въ Римѣ никакъ не могъ установить новыхъ налоговъ,—папа (уже Иннокентій VI) послалъ въ Римъ Никколо Ріенци, на популярность котораго разсчитывалъ. Ріенци былъ встрѣченъ со-

чувственно, хотя далеко уже не такъ восторженно, какъ за семь лѣтъ предъ тѣмъ. Когда Ріенци сталъ агитировать въ пользу проэктированнаго папой налога, населеніе возмутилось, въ негодованіи кричало, что онъ измѣнилъ народу, что онъ предатель, и Ріенци бѣжалъ снова, но его догнали и убили. Такъ окончился этотъ странный и любопытный эпизодъ въ исторіи города Рима. Римская анархія продолжалась.

VII.

Если имя Петрарки связано съ исторіей Никколо Ріенци, то имя современника и корреспондента Петрарки — Джованни Боккаччіо связано съ страшнымъ несчастьемъ, посѣтившимъ Италію въ 1348 г., съ такъ называемою черною смертью. „Черною смертью" называлась страшная чума, унесшая почти половину европейскаго населенія въ 1347—1353 гг. Итальянскія лѣтописи утверждаютъ, что изъ десяти человѣкъ — шесть погибало отъ чумы. При полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ санитарныхъ приспособленій, грязное и нищее населеніе Средней и Южной Италіи гибло еще быстрѣе, нежели жители богатыхъ городовъ Тосканы и Ломбардіи; послѣ эпидеміи также Римъ, Неаполь и прилегающія къ нимъ мѣстности оказались на гораздо большее время раззоренными, нежели торговыя и богатыя городскія республики Сѣверной Италіи. Анналисты позднѣйшаго времени (XV, XVI вв.) съ удивленіемъ замѣчаютъ, что несмотря на раззореніе, чуму, междоусобія, XIV столѣтіе продолжало выставлять одного поэта за другимъ, и умственное движеніе не прекращалось, а цвѣло пышнымъ цвѣтомъ. Итальянская чума увѣковѣчена въ „Декамеронѣ" Боккаччіо, писателя, столь же ярко представляющаго свою эпоху, какъ и Петрарка. Если Петрарка далъ образцы скорбной и искренней любовной поэзіи, то Боккаччіо явился первымъ по времени и таланту, неподражаемымъ разсказчикомъ-прозаикомъ. Въ выработкѣ итальянской прозы Боккаччіо играетъ такую же роль, какъ Данте и Петрарка въ выработкѣ стиха; прелестью и увлекательностью изложенія, въ значительной мѣрѣ объясняется общенародный успѣхъ „Декамерона". Что ка-

сается до содержанія боккаччіевскихъ разсказовъ, то при всемъ разнообразіи сюжетовъ оно проникнуто общимъ духомъ и настроеніемъ: жизнерадостность, веселость, простодушіе, насмѣшка надъ аскетическими притязаніями средневѣковья, игривое и ироническое отношеніе ко многимъ сторонамъ монашеской жизни,—вотъ что сдѣлало „Декамеронъ" одною изъ типичнѣйшихъ книгъ эпохи Возрожденія. Ее нельзя назвать сознательно и преднамѣренно-антиклерикальной, но по общему духу своему она представляетъ собою яркій протестъ противъ всего догматическаго міросозерцанія, царившаго въ Европѣ въ средніе вѣка. Между многимъ прочимъ есть въ „Декамеронѣ" одинъ разсказъ (о трехъ кольцахъ), который по сюжету напоминаетъ Лессингова „Натана Мудраго"; онъ повѣствуетъ объ отцѣ, оставившемъ тремъ сыновьямъ одно „настоящее" кольцо и два совершенно такихъ же, но поддѣльныхъ подъ „настоящее": сыновья, не смотря на всѣ усилія, не могутъ угадать, гдѣ настоящее и гдѣ поддѣльныя. У Боккачіо эту притчу разсказываетъ султану еврей, сравнивающій съ кольцами три религіи: христіанскую. еврейскую и магометанскую, послѣдователи которыхъ вѣчно спорятъ другъ съ другомъ объ истинѣ. Широкая вѣротерпимость, проникающая этотъ разсказъ, вполнѣ сознательна и вытекаетъ уже не только изъ темперамента поэта, но и изъ опредѣленныхъ его убѣжденій. Новелла о трехъ кольцахъ даетъ Боккаччіо заслуженное право на почетное мѣсто въ исторіи вѣротерпимости. Значеніе Боккаччіо усиливалось тѣмъ, что онъ былъ чрезвычайно доступенъ всѣмъ грамотнымъ итальянцамъ; его читали нарасхватъ и современники, и потомство. Боккаччіо, подобно Петраркѣ, былъ страстнымъ любителемъ классическихъ древностей, писалъ на латинскомъ такъ же свободно, какъ на итальянскомъ, и считался однимъ изъ выдающихся знатоковъ римской литературы. Но, конечно, оба эти поэта являются яркими звѣздами Ренессанса не потому только, что раздѣляли классическія увлеченія своихъ современниковъ, а потому, что въ характерныхъ и глубокихъ созданіяхъ своего личнаго творчества отчетливо выразили индивидуалистическій и анти-аскетическій духъ своей эпохи.

Къ концу XIV и началу XV вв. увлеченіе классическими

писателями принимаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ, нежели при Петраркѣ и Боккачіо, хотя по прежнему сохраняетъ всю свою напряженность, а въ XV вѣкѣ этотъ новый оттѣнокъ становится уже господствующимъ. Марсиліо Фичино, Салутати, Мирандола и меньшія литературныя величины, окружающія ихъ, увлекаются уже не столько изящною литературою и краснорѣчіемъ древнихъ, сколько античною философіей. Платонъ, въ особенности, выступаетъ на первый планъ. Поклоненіе платоновской философіи достигло среди итальянской (особенно, флорентійской) интеллигенціи размѣровъ небывалыхъ. Религіозный скептицизмъ сдѣлалъ въ XV столѣтіи громадные успѣхи и успѣлъ уже, отчасти, утомить своихъ адептовъ; новой, положительной религіи многіе изъ нихъ и искали въ платоновой философіи и ея, иногда весьма причудливыхъ, толкованіяхъ. Послѣ катастрофы 1453 года весьма многіе греки бѣжали отъ турецкаго владычества изъ Константинополя въ Италію; это повело къ особенной легкости и доступности для итальянцевъ изученія греческаго языка и греческихъ философовъ. Въ прежней исторіографіи очень часто даже начинали исторію Возрожденія съ завоеванія Константинополя и связывали оба явленія причинною связью, что, конечно, совершенно ложно. Изучаемые въ подлинникѣ, греческіе философы все больше и больше захватывали гуманистовъ; они не только впервые знакомились съ Платономъ, александрійскою школою и т. п., но, даже, Аристотеля, котораго, казалось бы, должны были знать въ молодости, имъ приходилось читать совсѣмъ заново. Обнаруживались одна за другою грубѣйшія, тенденціозныя богословскія поддѣлки Аристотеля, выдававшіяся во всѣ Средніе вѣка за истинное изложеніе философа. Это философское движеніе XV столѣтія, кипучее и разнообразное, привело въ концѣ концовъ, какъ уже упоминалось, весьма многихъ гуманистовъ къ мистицизму и къ покорному возвращенію въ лоно католической догматики; такъ случилось, напримѣръ, съ талантливымъ лингвистомъ и антикваріемъ—Пико делла Мирандола. Нѣкоторые, впрочемъ, пошли инымъ путемъ; болонскій профессоръ Пьетро Помпонацци (умершій въ 1525 году) явился однимъ изъ первыхъ въ Европѣ обоснователей философскаго скептицизма. Вообще, умственное движеніе

XIV—XV вв. при всей своей благотворности для культуры итальянскаго (и европейскаго) образованнаго класса, сильно разъединило образованный слой отъ необразованнаго, то есть отъ подавляющаго большинства націи. Итальянскій народъ, весьма мало грамотный, стоявшій совершенно въ сторонѣ отъ утонченной умственной пищи гуманистовъ, имѣлъ, конечно, свои нравственные запросы и свои застарѣлыя и все не удовлетворявшіяся духовныя потребности, но не отъ высшихъ культурныхъ слоевъ онъ ждалъ и могъ ждать удовлетворенія.

Дѣло въ томъ, что религіозное чувство было чрезвычайно сильно, попрежнему непреоборимо въ итальянскомъ простомъ народѣ, — а, между тѣмъ, именно въ XIV—XV вв. оно должно было подвергаться чрезвычайно сильнымъ испытаніямъ. Еще Петрарка скорбѣлъ о томъ, что папы въ Авиньонѣ, въ рабствѣ у французскихъ королей, что пощечина, данная старику Бонифацію VIII французскимъ проходимцемъ, продолжаетъ горѣть на всѣхъ папахъ, его преемникахъ; еще Боккаччіо подъ конецъ дней своихъ вернулся къ церкви. Но позднѣйшимъ гуманистамъ до церкви и ея золъ не было рѣшительно никакого дѣла, и она ихъ интересовала гораздо меньше, чѣмъ одна любая страница изъ Платона. Если же кто изъ нихъ (подобно Мирандолѣ), измученный сомнѣніями, колебаніями и невѣріемъ, возвращался на лоно церкви, то не затѣмъ, конечно чтобы ее реформировать, а чтобы забыться и отдохнуть душою. Между тѣмъ римская церковь въ эти времена сильно нуждалась въ реформѣ, и народъ, равнодушный къ воскрешенію античной культуры, не знавшій, даже по имени, ни одного древняго философа, нетерпѣливо ждалъ (и постоянно выставлялъ изъ своей среды, но все неудачно) людей, которые бы вернули церкви ея прежнее величіе и прежнюю чистоту. Авиньонское плѣненіе папъ, длившееся семьдесятъ лѣтъ (1307 — 1378), гибельно отозвалось на папскомъ авторитетѣ. Изъ главы католическаго міра папа въ глазахъ многихъ обратился во французскаго ставленника, покорнаго и униженнаго исполнителя велѣній французскаго короля. Но когда, наконецъ, Григорій XI въ 1378 году явился въ Римъ (гдѣ почти тотчасъ и умеръ), дѣла осложнились еще больше. По каноничe-

скому закону, новый папа долженъ былъ выбираться въ томъ самомъ мѣстѣ (соборомъ кардиналовъ), гдѣ умеръ старый папа. Жители города Рима давно уже, по традиціи отъ Петрарки и Никколо Ріенци, привыкли смотрѣть на пребываніе первосвященниковъ въ Авиньонѣ, какъ на личную себѣ обиду, и не переставали мечтать о возвращеніи папъ. Теперь они, опираясь на точный смыслъ каноническаго права, потребовали отъ кардиналовъ, чтобы, въ виду смерти Григорія XI въ Римѣ, въ этомъ же городѣ былъ выбранъ его преемникъ. Изъ шестнадцати кардиналовъ, бывшихъ налицо въ Римѣ, одиннадцать было французскаго происхожденія. Они, разумѣется, ни за что не хотѣли произвести выборы въ Римѣ, пока римляне съ яростью не пообѣщали имъ содрать кожу съ черепа и „надѣть" такимъ образомъ „новую кардинальскую шапку" на нихъ, если они нарушатъ каноническій законъ. Дѣлать было нечего. Кардиналы выбрали въ папы епископа города Бари подъ именемъ Урбана VI, думая, что онъ будетъ поддерживать согласно съ принципами своего воспитанія французскіе интересы. Но новый папа, какъ оказалось, только искусно скрывалъ до выборовъ свою ненависть къ французамъ; занявши престолъ, онъ немедленно ее обнаружилъ: заявилъ, что останется въ Римѣ, сталъ игнорировать и всячески оскорблять и обрывать наглыхъ французовъ, привыкшихъ за семьдесятъ лѣтъ хозяйничать въ дѣлахъ папской куріи,— и вскорѣ довелъ дѣло до того, что французскіе кардиналы уѣхали въ городъ Ананьи (всегда остававшійся вѣрнымъ французскому королю), и здѣсь объявили выборъ Урбана VI не имѣющимъ силы, а въ папы избрали француза (Климента VII), который торжественно переѣхалъ въ Авиньонъ. Но Урбанъ VI и не думалъ отказываться отъ тіары,—и вотъ съ этихъ поръ возникаетъ такъ называемый великій расколъ въ католической церкви. Авиньонскіе и римскіе папы проклинаютъ другъ друга, обмѣниваются ругательствами, — и каждый изъ нихъ считаетъ себя единственно законнымъ... Гуманисты имѣли моральную возможность съ холодной насмѣшкой смотрѣть на то, что творилось въ церкви, но вѣрующимъ людямъ было не до ироніи, имъ насущно необходимъ былъ какой-нибудь выходъ. Только въ 1418 году Констанцскій соборъ выбралъ въ папы Мартина V, и расколъ окончился.

VIII.

Но съ выборомъ Мартина V и съ окончаніемъ двоевластія далеко еще не были разрѣшены всѣ вопросы, угнетавшіе душу вѣрующихъ. Авиньонское плѣненіе и безобразныя времена полемики и взаимныхъ проклятій двухъ папъ — тяжко отозвались на нравственности папской куріи и на ея репутаціи. Бывали, правда, и въ глухія времена среднихъ вѣковъ на римскомъ престолѣ развратные подростки вродѣ Іоанна XII, бывали на немъ личности, славившіяся своимъ распутнымъ поведеніемъ, но все таки, они были исключеніемъ, и при томъ высшее духовенство, окружавшее ихъ, въ общемъ, всегда держалось на извѣстной нравственной высотѣ, оздоровлявшей атмосферу папской куріи. Въ XV вѣкѣ, особенно, въ концѣ его мы видимъ на папскомъ престолѣ людей, дѣйствительно, чудовищнаго разврата, окруженныхъ вполнѣ достойными ихъ сподвижниками и подчиненными. Итальянскій народъ видѣлъ вокругъ себя либо безпросвѣтную нищету, какъ, напримѣръ, на югѣ полуострова, въ Неаполѣ, въ Римѣ, либо роскошь и богатство однихъ классовъ и бѣдность другихъ, какъ въ городахъ Тосканы и Ломбардіи; но и среди нищеты, и среди роскоши онъ могъ созерцать господство самыхъ низменныхъ страстей, самаго грязнаго и дешеваго разврата, самыхъ нестѣсняющихся преступленій. Старыя, топорныя, наивныя, но по своему прочныя основы морали были потрясены, новой нравственной узды, этической системы выдвинуто не было; и если народной массѣ былъ незамѣтенъ происходившій въ культурномъ классѣ умственный кризисъ, то кризисъ моральный слишкомъ бросался въ глаза. При такихъ обстоятельствахъ особенно сильна была потребность въ авторитетномъ словѣ традиціонныхъ „врачей души" (какъ ихъ называютъ отцы церкви); но, именно, „врачи души", стоявшіе у всѣхъ на виду и оказывались менѣе всего выдерживающими даже самую снисходительную моральную критику. На почвѣ этихъ всѣми видимыхъ настроеній и неудовлетворенныхъ нравственныхъ потребностей и разыгралась характерная исторія монаха Савонаролы.

Мы уже сказали, что, когда въ первой половинѣ XV столѣтія банкиры Медичи сосредоточили въ своихъ рукахъ власть, борьба общественныхъ классовъ во Флоренціи перестала выражаться въ такой бурной формѣ, какъ раньше. Въ 1455 году умеръ послѣдній сильный соперникъ Медичи—Нери Каппони, и съ тѣхъ поръ Козимо Медичи распоряжался въ городѣ полновластно. Конституцію флорентійскую онъ не мѣнялъ, а удовольствовался тѣмъ, что, по традиціи своего семейства, заполнилъ всѣ вліятельныя мѣста своими кліентами и друзьями; сдѣлать это ему было нетрудно, во-первыхъ, потому, что демократія вся подавала голосъ за его ставленниковъ, видя въ немъ опору противъ аристократіи, а во-вторыхъ, потому, что Медичи были необычайно богаты и цѣлый рядъ крупныхъ торговыхъ фирмъ зависѣлъ отъ кредита въ ихъ банкирскомъ учрежденіи. Такимъ образомъ, бѣдные и многочисленные слои arte minor и богатые arte maggiori почти въ полномъ составѣ поддерживали эту семью, а нобили не чувствовали достаточно силы, чтобы ее ниспровергнуть, даже соединясь для этой цѣли съ нѣкоторыми вліятельными родами изъ крупной буржуазіи. Чувствуя себя твердо и уравновѣшенно среди взаимно враждебныхъ соціальныхъ слоевъ, Медичи, вмѣстѣ съ тѣмъ, были далеки отъ преслѣдованія интеллигенціи, умственно-передового класса, столь многочисленнаго въ ихъ городѣ. Да и вообще, ни Сфорца въ Миланѣ, ни Гонзаго въ Мантуѣ, ни Монтефельтри въ Урбино, ни король Робертъ (а потомъ Фердинандъ) въ Неаполѣ,—ни папы въ Римѣ и не думали преслѣдовать гуманистовъ. Всѣ интересы гуманистовъ, ихъ наука, ихъ философія, ихъ увлеченіе древностями—все это могло казаться (и на самомъ дѣлѣ было), въ политическомъ смыслѣ вполнѣ невинными умственными упражненіями. Глубокій общественный индифферентизмъ итальянскаго гуманизма бросается въ глаза всякому, кто хоть немного начинаетъ знакомиться съ произведеніями его представителей. „Odi profanum vulgus", это изреченіе они повторяютъ весьма охотно, и, кромѣ литературныхъ и философскихъ дѣятелей древности, Августъ и Меценатъ прославлялись ими въ самыхъ восторженныхъ краскахъ; образы братьевъ Гракховъ, Муція Сцеволы, Лицинія и другихъ политическихъ героевъ выступаютъ въ произ-

веленіяхъ Браччіолини, Салутати и др. весьма блѣдно. Характерно, что діаметрально противуположное отношеніе къ литературнымъ и политическимъ знаменитостямъ античнаго міра замѣчается у дѣятелей французской революціи. Мирное наслажденіе античною мыслью и столь же мирная и отвлеченная отъ насущныхъ заботъ дня работа надъ переводами, комментаріями и подражаніями—вотъ что заполняло жизнь гуманистовъ. Что же касается до церкви, то они, въ сущности, и къ ней, какъ къ государственному учрежденію, оставались вполнѣ равнодушны, и нападали только на теологію, какъ на ложную, неосновательную и вульгарную, по ихъ мнѣнію, теорію. А такъ какъ папы XV вѣка сами были къ религіи равнодушны (иногда даже и въ папы выбирались извѣстнѣйшіе гуманисты, напримѣръ въ 1458 году—эрудитъ Эней Сильвій Пикколомини, подъ именемъ Пія II), то и въ Римѣ гуманистовъ гнали такъ же мало, какъ въ остальныхъ мѣстахъ. Только гуманистъ Лоренцо Валла, написавшій обширный трактатъ о подложности „Константинова завѣщанія", на которое опирались папы по вопросу о владѣніи церковной областью, временно былъ въ немилости у клира. Посвятивши себя далекимъ отъ политики сюжетамъ, занимаясь собираніемъ коллекцій и библіотекъ, проживая цѣлыя состоянія въ поискахъ за старыми статуями и пергаментами, гуманисты XV вѣка чрезвычайно нуждались въ меценатахъ, въ денежной поддержкѣ, въ покровительствѣ властей и съ охотой принимали частыя и лестныя приглашенія итальянскихъ властителей и ихъ подачки. Любопытно, что итальянскіе династы, почти сплошь банкиры или кондотьеры, силой или подкупомъ забравшіе въ свои руки власть, чрезвычайно дорожили присутствіемъ при ихъ дворѣ образованныхъ людей, литераторовъ и художниковъ. Это считалось хорошимъ тономъ и способствовало блеску двора. Флорентійскій дворъ Медичи славился въ этомъ смыслѣ во всей Италіи и, даже, за предѣлами ея—во Франціи и Германіи. Правленіе Козимо Медичи, умное и твердое, пришло къ концу въ 1464 году. Послѣ ничѣмъ не замѣчательнаго правленія вялаго, скупого и болѣзненнаго сына его Пьеро, Флоренція попала (въ 1469 г.) въ руки Лаврентія Медичи, и начался блестящій періодъ въ жизни этого города,

вѣрнѣе, началась и прошла (при томъ же Лаврентіи) кульминація блеска и роскоши, которые давно уже были на-лицо въ этомъ городѣ. Лаврентій былъ другомъ знаменитыхъ въ то время гуманистовъ—Анджело Полиціано и Марсиліо Фичино; онъ страстно любилъ греческій языкъ и литературу, основалъ во Флоренціи спеціальную греческую академію, гдѣ царили Платонъ и его философія. Лаврентій преклонялся предъ Платономъ, устраивалъ въ честь его ежегодныя празднества, торжественныя собранія и т. д. Жилъ при дворѣ Лаврентія также и Луиджи Пульчи, авторъ шутливой и ярко антирелигіозной поэмы, замѣчательной, впрочемъ, больше по звучности стиха, нежели по остроумію, подъ названіемъ „Morgante Maggiore“. Въ Миланѣ свирѣпствовалъ какъ разъ въ это время тиранъ Галеаццо Сфорца, и его поведеніе еще болѣе оттѣняло веселое и блестящее правленіе Лаврентія. Впрочемъ, деспотизмъ итальянцевъ въ XV вѣкѣ особенно не тяготилъ, и попытки избавиться отъ него насильственнымъ путемъ объясняются больше всего стремленіемъ изъ чисто личныхъ видовъ отнять власть у правящаго лица. Таковъ былъ, напримѣръ, заговоръ членовъ банкирскаго семейства Пацци противъ Лаврентія Медичи и брата его Джуліано. Заговорщики напали въ церкви на братьевъ, Джуліано былъ убитъ, но Лаврентій спасся, а флорентійское населеніе съ яростью требовало жесточайшей казни убійцъ, и нѣкоторыхъ участниковъ заговора толпа разорвала въ клочья. Власть Лаврентія была не поколеблена, но упрочена этимъ заговоромъ. Между тѣмъ умы итальянскаго народа были охвачены новой тревогой: прогрессъ могущества Оттоманской имперіи грозилъ Апеннинскому полуострову тою же участью, какая уже постигла Балканскій. Уже Отранто близъ Неаполя было взято въ 1480 г. турецкимъ дессантомъ,—и всѣ двѣнадцать тысячъ жителей были перерѣзаны турками. При подобныхъ обстоятельствахъ немудрено, что роскошь, изнѣженность и распутная жизнь высшихъ классовъ,—глубочайшая моральная испорченность папъ, куріи, духовенства монастырей, и все это въ связи съ увлеченіемъ культурныхъ круговъ языческою древностью, въ глазахъ простого народа стало главною причиною, прогнѣвившей Господа и обусловившей турецкую напасть. Моральныя потребности,

о которыхъ мы уже говорили, были еще усилены угрожаемымъ чувствомъ самосохраненія, и на этой-то почвѣ появился Савонарола.

IX.

Уже папы Сикстъ IV и Иннокентій VIII, управлявшіе во второй половинѣ XV столѣтія римскою церковью, были извѣстны, какъ выдающіеся развратники, ничуть не уступающіе ни Фердинанду Неаполитанскому, ни Лаврентію Медичи, ни Галеаццо Сфорцѣ,—словомъ никому изъ своихъ современниковъ. Но выборъ кровосмѣсителя Александра Борджіа, извѣстнаго всей Италіи самыми невѣроятными похожденіями, чуть не сженощными оргіями и уголовными преступленіями, явился всетаки для всѣхъ почти полною неожиданностью. Съ этихъ поръ римская курія превращается въ средоточіе самыхъ громкихъ скандаловъ, и тѣ, которые ждали возрожденія церкви отъ папства, теряютъ всѣ свои надежды.

Таковы были обстоятельства, когда сначала по Тосканѣ, а потомъ по всей Италіи разнесся слухъ о появленіи необыкновеннаго человѣка во Флоренціи, по имени Джироламо Савонарола. Доминиканскій монахъ, краснорѣчивый и сильный своею искренностью проповѣдникъ, Савонарола съ первыхъ же шаговъ своихъ, съ первыхъ проповѣдей во флорентійскомъ соборѣ Св. Марка удивительно овладѣлъ душою слушателей. Съ убѣжденностью мистика, посѣщаемаго галлюцинаціями, Савонарола громилъ то, что онъ называлъ испорченностью флорентійцевъ. Подъ испорченностью онъ понималъ какъ распущенность нравовъ и пьянство, такъ и увлеченіе классическою философіею, античною скульптурою и литературою. Все это, по его мнѣнію, были козни сатаны, сѣти, разставленныя всей Италіи вообще, и Флоренціи въ частности врагомъ рода человѣческаго. Онъ предсказывалъ своему городу и всему полуострову страшное нашествіе, покореніе рукою неотразимаго врага. Его рѣчи производили сильнѣйшее впечатлѣніе на народъ. Вскорѣ вокругъ него образовались довольно многочисленные кадры девотокъ и приверженцевъ, которые при дворѣ Лаврентія Великолѣпнаго получили названіе „плаксъ“. Впрочемъ, несмотря на ироническое свое отно-

шеніе къ движенію, поднятому Савонаролой, Лаврентій, одолѣваемый болѣзнями, видящій близкую смерть, пытался нѣсколько разъ сблизиться съ монахомъ, но все напрасно. Умирая, Лаврентій просилъ Савонаролу исповѣдать его и отпустить ему грѣхи, но тотъ ставилъ такія требованія, какъ отказъ отъ власти надъ городомъ и возвращеніе имущества нѣкоторымъ семьямъ, у которыхъ Лаврентій его отнялъ. На эти жертвы Лаврентій не пошелъ, и умеръ, не прощенный Савонаролой; но самый фактъ обращенія къ простому монаху перваго въ республикѣ лица на одрѣ смерти, и неподкупная суровость Савонаролы произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на народъ. Сынъ и преемникъ Лаврентія Пьеро Медичи, былъ человѣкъ пустой и ничтожный, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, а, между тѣмъ, ему настоятельно необходимо было разрѣшить самыя сложныя и запутанныя политическія задачи. Дѣло въ томъ, что французскій король Карлъ VIII, опираясь на свое родство съ Анжуйскою династіей, съ XIII вѣка владѣвшей Неаполемъ, заявилъ свои притязанія на неаполитанскій престолъ. Король неаполитанскій Фердинандъ (изъ Арагонской династіи) заключилъ тогда союзъ съ Пьеро Медичи, а Карлъ VIII вступилъ въ сношенія съ Людовикомъ Моро, правителемъ Милана, задумавшимъ узурпировать миланскій престолъ у своего больного племянника. Что касается до папы Александра Борджіа, то онъ послѣ долгихъ колебаній и многократныхъ измѣнъ, соединился съ Фердинандомъ Неаполитанскимъ.

Въ 1494 году началось движеніе Карла VIII на Италію, и сразу увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Предъ сильной, сплоченной арміей большого государства пало все: мелкія раздробленныя государства сѣвера, враждовавшія другъ съ другомъ, или подобострастно растворяли свои ворота предъ побѣдителемъ, или сдавались почти безъ сопротивленія. Савонарола привѣтствовалъ восторженно успѣхи Карла, котораго онъ почему-то считалъ призваннымъ обновить и возродить Италію; флорентійцы, вспоминавшіе, что Савонарола предсказалъ нашествіе нѣкоего непобѣдимаго врага, роптали на непопулярнаго Пьеро Медичи, который былъ въ союзѣ съ Фердинандомъ неаполитанскимъ. Когда Карлъ VIII подошелъ къ самымъ

стѣнамъ Флоренціи, Пьеро, доведенный до отчаянія страхомъ и народными угрозами, рѣшился на весьма нелѣпый поступокъ: онъ тайно убѣжалъ во французскій лагерь, принесъ Карлу VIII полную покорность и умолялъ его о поддержкѣ и защитѣ отъ своихъ флорентійскихъ подданныхъ. Карлъ вошелъ въ городъ съ арміей, но Пьеро Медичи онъ во власти не утвердилъ, ибо флорентійцы ни за что не хотѣли принять обратно своего герцога. Савонарола со всѣми своими приверженцами, число которыхъ возросло со времени нашествія въ громадной прогрессіи, рѣшительно убѣждалъ короля, что Пьеро недостоинъ власти. При той громадной моральной силѣ, которая была въ рукахъ Савонаролы, ссориться съ нимъ показалось Карлу невыгоднымъ и неудобнымъ; сопровождаемый восторженными восклицаніями дружественной ему флорентійской толпы, Карлъ отправился дальше на югъ къ Риму. Флоренція была предоставлена самой себѣ и избавлена отъ Пьеро Медичи. Вся власть въ сущности сосредоточилась въ рукахъ Савонаролы, который воспользовался ею самымъ рѣшительнымъ образомъ: онъ заявилъ, что для спасенія и очищенія своихъ душъ граждане города Флоренціи обязаны уничтожить „проклятые Богомъ“ остатки языческой старины, въ чемъ бы послѣдніе ни заключались. Приказывалось вдребезги разбить статуи („идолы“), ежедневно устраивались огромные костры изъ рѣдчайшихъ манускриптовъ, собранныхъ трудами цѣлыхъ поколѣній гуманистовъ, и при пѣніи псалмовъ всѣ эти сокровища сжигались. Флоренція, по словамъ анналистовъ, стала похожа на монастырь: церковныя службы, религіозныя процессіи, покаянныя молитвы, вотъ что замѣнило веселые карнавалы и научно-литературныя бесѣды временъ Лаврентія Медичи. Флорентійскіе гуманисты либо покинули городъ, либо съ тоскою ждали конца этого монашескаго владычества. Простой народъ видѣлъ въ Савонаролѣ давно жданнаго спасителя и пророка, человѣка, который очиститъ церковь отъ всякаго зла и всякой порчи. Нужно замѣтить, что Савонарола и ея приверженцы пользовались властью, попавшею имъ въ руки до такой степени широко, что, не смущаясь, казнили всѣхъ, кто только казался имъ мало-мальски опаснымъ. Савонарола въ своихъ проповѣдяхъ яростно нападалъ на папу Александра Борд-

жіа, открыто обвиняя его въ весьма тяжкихъ прегрѣшеніяхъ. Долго папа ничего не могъ подѣлать съ болѣзненно раздраженнымъ и могущественнымъ доминиканцемъ, ибо Савонарола былъ въ тѣсномъ союзѣ съ Орсини, врагами папы, имѣвшими въ Римѣ массу приверженцевъ. Но, въ концѣ концовъ, Александръ Борджіа принужденъ былъ для самозащиты отвѣчать на обвинительныя рѣчи Савонаролы запрещеніями проповѣдывать и другими репрессіями, нисколько не помогавшими, ибо Савонарола ничего не слушался и не боялся. Помогло папѣ лишь то обстоятельство, что флорентійское простонародье стало нѣсколько охладѣвать къ своему любимцу: слишкомъ ужь стѣснительны и несогласны съ народнымъ характеромъ были распоряженія суроваго монаха относительно всякихъ развлеченій, даже самыхъ невинныхъ. Къ тому же приверженцы Медичи вели неустанную пропаганду (конечно, болѣе или менѣе скрытую) противъ непримиримаго своего врага; но больше всего вредило Савонаролѣ то, въ чемъ онъ вовсе не былъ виноватъ: преобразовать и обновить церковь онъ былъ не въ состояніи, а, между тѣмъ, именно этого отъ него ждали и желали. Савонарола могъ держаться противъ дѣятельныхъ, неутомимыхъ и непримиримыхъ своихъ враговъ исключительно народнымъ энтузіазмомъ; едва только энтузіазмъ ослабѣлъ, Савонарола погибъ. Внѣшняя обстановка его гибели была такая. Одинъ августинскій монахъ (Франческо Рельи) пожелалъ на пользу своего ордена, враждебнаго доминиканцамъ и въ угоду папѣ, ненавидѣвшему Савонаролу, вызвать проповѣдника на весьма причудливое состязаніе. Онъ предложилъ любому изъ приверженцевъ Савонаролы испытаніе огнемъ: оба должны были пройти сквозь костеръ и кто погибнетъ,—тотъ, значитъ, неправъ. Погибнетъ августинецъ, значитъ, Савонарола—Божій посланецъ, погибнетъ сторонникъ Савонаролы, значитъ, Савонарола—обманщикъ. Вызовъ былъ принятъ, и черезъ два дня огромная толпа народу собралась на интересное зрѣлище вокругъ костра. Но здѣсь начались пререканія, и все со стороны доминиканца, сторонника Савонаролы: онъ заявилъ, что не войдетъ въ костеръ иначе, какъ со св. дарами, августинецъ же не соглашался, считая это слишкомъ сильнымъ обезпеченіемъ для противника. Пока они спорили,

начался дождь, и состязаніе не состоялось. Характерно, что именно это чувство раздраженія разочарованныхъ зрителей и нанесло последній ударъ Савонаролѣ: тотчасъ же начались слухи о томъ, что доминиканцы струсили, что они сами признали своего вождя обманщикомъ и т. д. На другой же день была устроена враждебная демонстрація противъ Савонаролы съ битьемъ стеколъ, яростными криками и пр. При впечатлительности и измѣнчивомъ характерѣ флорентійскаго народа весьма возможно, что Савонарола пережилъ бы этотъ злосчастный моментъ и еще вернулъ бы себѣ утраченную любовь флорентійскаго населенія. Но, какъ сказано, враги его не дремали и воспользовались именно этимъ моментомъ: онъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, судимъ за вымышленныя преступленія, и приговоренъ къ смерти. Его задушили веревкою и сожгли при огромной, но довольно равнодушной толпѣ народа. Случилось это въ 1498 году, когда событія, разыгрывавшіяся въ Италіи, въ достаточной мѣрѣ уже притупили у народа способность слишкомъ чѣмъ—нибудь поражаться. Краткій успѣхъ Савонаролы показалъ, до какой степени многіе жаждали общей моральной и политической реформы не только во Флоренціи, но и на всемъ полуостровѣ, ибо популярность его далеко вышла за предѣлы Флоренціи; гибель его объясняется разочарованіемъ впечатлительнаго простонародья въ чудодѣйственной силѣ проповѣдника, для которой считали все возможнымъ; но едва ли не характернѣе судьбы этого монаха для общаго состоянія дѣлъ Италіи — обстоятельства французскихъ нашествій, обрушившихся на полуостровъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Италія въ XVI—XVII вв.

I.

Успѣхъ нашествія Карла VIII былъ обусловленъ не только силою нападенія, но и слабостью обороны. Такое сильное герцогство, какъ миланское, совершенно было снято со счетовъ въ глазахъ французскаго короля, ибо правитель Милана, дядя герцога Галеаццо, Людовикъ Моръ твердо рѣшилъ узурпировать престолъ у племянника именно при поддержкѣ французскаго войска, и заключилъ съ Карломъ тѣсный союзъ. Флоренція подъ вліяніемъ Савонаролы, „предсказавшаго" подвиги Карла, приняла французскаго короля съ мистическимъ уваженіемъ; неаполитанскіе феодалы, почти всѣ успѣвшіе перессориться съ Фердинандомъ, одинъ за другимъ передавались на сторону французовъ. Въ Папской области семья Орсини со своими многочисленными кліентами и громадное большинство населенія, презиравшее папу Александра Борджіа, смотрѣли на Карла, какъ на желаннаго избавителя. Только богатая и многолюдная Венеція сохраняла угрожающую позицію, но венеціанскій сенатъ до такой степени поглощенъ былъ страшнымъ сосѣдствомъ турокъ, что о наступательныхъ дѣйствіяхъ совершенно не думалъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ вторженія Карла. Вскорѣ Лукка, Пиза, Чивита-Веккія, и самый Неаполь попали въ руки короля, послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ стычекъ. Французы вели себя во время этого нашествія совершенно такъ же, какъ худшіе изъ варваровъ, нахлынувшихъ на полуостровъ за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ: они грабили, жгли, убивали, насиловали женщинъ и хвалились предъ итальянцами, что „отъ Альпъ до Калабріи не оставятъ послѣ себя ни одной дѣвушки". Движеніе противъ фран-

цузовъ, вызванное такого рода поступками, само по себѣ не пугало Карла; но противъ него составилась лига: Фердинандъ Католикъ, императоръ Максимиліанъ, Венеціанская республика и измѣнившій королю миланскій правитель Людовикъ Моръ рѣшили силою воспротивиться дальнѣйшимъ успѣхамъ французской арміи.

Этотъ союзъ, дѣйствительно, оттѣснилъ короля; Фердинандъ, король неаполитанскій, вернулся въ Неаполь, и очень многія завоеванныя Карломъ мѣста, ускользнули изъ подъ его власти. Собственно, послѣ 1496 года Карлъ во всемъ полуостровѣ могъ надѣяться только на Флоренцію, но въ 1498 году Савонарола, другъ французовъ, погибъ. Умеръ и Карлъ VIII,—и на французскій престолъ вступилъ молодой Людовикъ XII. Его дѣла въ Италіи сразу пошли хорошо. Онъ заявилъ претензію на миланскій престолъ, узурпированный у герцога Галеаццо (уже умершаго) Людовикомъ Моромъ; собственно права французскаго короля были, пожалуй, еще менѣе обоснованы, нежели права Мора, тѣмъ не менѣе обстоятельства сложились для миланскаго правителя чрезвычайно неблагопріятно: Венеція вдругъ возстала противъ него и соединилась съ Франціей, можетъ быть, раздраженная сношеніями Мора съ турецкимъ султаномъ, а союзниковъ онъ не пріискалъ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ сопротивленія, всѣми покинутый, оставленный миланцами (среди которыхъ правитель имѣлъ очень много враговъ), онъ бѣжалъ изъ Италіи въ имперскія владѣнія, потомъ вернулся, собралъ небольшую армію и попытался вернуть утраченное. Но попытка опять не удалась, и, попавшій въ руки французскаго короля, (въ 1500 г.) Людовикъ Моръ былъ подъ конвоемъ препровожденъ въ глухую французскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и умеръ. Миланъ и, въ сущности, вся Ломбардія попали во власть французовъ.

Прочно обосновавшись въ Ломбардіи, Людовику XII уже совершенно ничего не стоило играть роль верховнаго судьи всѣхъ политическихъ распрей Италіи. Папа Александръ Борджіа первый понялъ это и съ обычною своею смѣтливостью вступилъ въ союзъ съ королемъ; при помощи короля онъ надѣялся добиться давно желаннаго имъ возвышенія своего сына Цезаря. Цезарь Борджіа съ

молодыхъ лѣтъ занимался, если можно такъ выразиться, убійствами, грабежами и разнообразнѣйшими мошенничествами,— какъ другіе занимаются опредѣленнымъ ремесломъ. Мечтою его было стать однимъ изъ тѣхъ мелкихъ династовъ, которыхъ такъ много было въ тогдашней Италіи. Этотъ человѣкъ никогда ни надъ чѣмъ не задумывался: онъ цѣлымъ рядомъ убійствъ и продательствъ захватилъ въ свои руки почти всю Романью,—при полномъ сочувствіи французскаго короля. Когда это совершилось, отецъ Цезаря, папа Александръ, торжественно благословилъ новаго романскаго герцога, и такъ сказать, поставилъ его на царство. Вслѣдъ затѣмъ Людовикъ XII заключилъ съ главнымъ врагомъ своимъ Фердинандомъ Католикомъ выгодный для обоихъ договоръ, по которому неаполитанское королевство отходило Франціи, а Калабрія Испаніи. Фердинандъ Католикъ такъ ловко и беззастѣнчиво обманулъ при этомъ Фридриха, короля неаполитанскаго, что когда нагрянули французы, онъ былъ убѣжденъ, что испанцы за него. Благодаря этому заблужденію онъ погибъ весьма быстро. Неаполитанское королевство отошло къ Людовику, а Фридриха отправили во Францію. Неаполитанцы, столь же апатично, какъ и жители другихъ мѣстностей, подпали подъ иго французовъ. Случилось все это въ 1501 году, а уже въ слѣдующемъ, 1502-мъ, союзники перессорились, и Людовикъ выгналъ вонъ испанцевъ изъ Калабріи. Но пока онъ воевалъ съ испанцами, дѣла его въ папской области и во владѣніяхъ Цезаря Борджіа приняли довольно хлопотливый оборотъ: Цезарь напалъ на дружественную королю Флоренцію. Флорентійцы выбрали въ предсѣдатели синьоріи (гонфалоньеры) съ почти диктаторской властью Содерини, - и ему удалось кое-какъ уладить дѣло съ Цезаремъ; флорентійскій посланникъ, знаменитый Маккіавелли, чрезвычайно ловко внушилъ Цезарю преувеличенное понятіе объ оборонительныхъ средствахъ Флоренціи. Цезарь удовольствовался присвоеніемъ Сенигалліи и нѣсколькихъ мелкихъ тосканскихъ городовъ. Папа Александръ за это время успѣлъ отравить кардинала Орсини и другими способами умертвить еще нѣсколькихъ лицъ, обладавшихъ большими помѣстьями, и часть награбленной добычи отдалъ сыну, а часть взялъ себѣ. Округливъ такимъ образомъ свои владѣнія, отецъ и

сынъ Борджіа обратились противъ Людовика XII, въ которомъ видѣли слишкомъ сильнаго сосѣда. Они соединились противъ французовъ съ королемъ испанскимъ Фердинандомъ Католикомъ, и собирались вмѣстѣ завоевать Флоренцію и ослабить французскаго короля. Неожиданное обстоятельство разстроило всѣ планы. Папа Александръ, желая отравить одно духовное лицо, обладавшее доходными помѣстьями, пригласилъ его къ себѣ, но нечаянно перемѣшалъ сосуды съ виномъ, и выпилъ приготовленный ядъ, а также далъ сыну, — гостю же предоставилъ безвредный кубокъ. Вслѣдствіе этого промаха папа умеръ (въ 1503 г.), а Цезарь послѣ долгой болѣзни оправился, но за время болѣзни уже успѣли выбрать папу Пія III, а когда тотъ, спустя полтора мѣсяца умеръ, папскій престолъ занялъ Юлій II, лично ненавидѣвшій семью Борджіа, человѣкъ желѣзной энергіи и безпокойнаго, дѣятельнаго честолюбія. Первые годы своего правленія (до 1508 г.) Юлій II довольствовался лишь тѣмъ, что отнималъ у Цезаря Борджіа награбленное имъ земельное имущество; Цезаря не любили, Людовикъ XII и Фердинандъ Католикъ были на сторонѣ папы, такъ что пришлось отдавать одну землю за другою новому папѣ. Но тутъ съ дѣлежомъ наслѣдства Борджіа вышло серьезное осложненіе. Дѣло въ томъ, что Венеція какъ разъ въ эти годы переживала одинъ за другимъ страшные, неотвратимые удары. Торговля ея съ Востокомъ, такъ пышно процвѣтавшая рядъ вѣковъ, достигшая кульминаціонной точки именно въ XIV—XV вв., послѣ открытія Америки въ 1492 году и, въ особенности, морского пути въ Индію въ 1498 г., стала замѣтно падать. Главный нервъ торговой жизни отошелъ отъ Венеціи; Александрія, Дамаскъ, все побережье Сиріи и Египта перестали быть путями въ Индію, по которымъ восточныя богатства свозились въ Венецію, а оттуда распредѣлялись по европейскимъ странамъ.

Съ каждымъ годомъ роковыя послѣдствія открытій Колумба и Васко де Гамы сказывались ощутительнѣе; закрывались заводы и мастерскія, продавались корабли, пустѣли верфи... Венеціанское правительство всѣми силами старалось поддержать быстро и невозвратно исчезавшее величіе своего города — поэтому, когда послѣ смерти

папы Александра Борджіа начался дѣлежъ имущества его сына,— Венеція заявила и свои претензіи и овладѣла городами Чезеною, Римини и Фаэнзою. Папа Юлій II, видя рѣшительное стремленіе венеціанской республики наверстать путемъ земельныхъ пріобрѣтеній то, что она теряла въ торговлѣ,—задумалъ положить этому конецъ. Въ Камбрэ, въ 1508 году, былъ заключенъ союзъ между Юліемъ II, французскимъ королемъ Людовикомъ XII, императоромъ Максимиліаномъ и Фердинандомъ Католикомъ. Папа каждаго изъ нихъ сумѣлъ увлечь обѣщаніями тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и соединить противъ Венеціи; чтобы обезпечить нейтралитетъ Флоренціи, камбрейскіе союзники отдали ей во владѣніе—Пизу, чего Флоренція давно уже добивалась. Весною 1509 года борьба всѣхъ этихъ грозныхъ силъ противъ Венеціи обострилась: Людовикъ XII въ кровавомъ сраженіи разбилъ кондотьеровъ, состоявшихъ на службѣ у Венеціи, и отнялъ у республики Брешчію, Кремону, Пескьеру— и, вообще, всѣ почти ея владѣнія на материкѣ. Сенатъ въ этомъ отчаянномъ положеніи не растерялся,—и сосредоточилъ всѣ войска на островахъ, гдѣ расположена Венеція. Едва это было сдѣлано, какъ пришла вѣсть, что Тріестъ и восточныя владѣнія Венеціи попали въ руки императора Максимиліана. Но Максимиліанъ задержался предъ Падуей, сильною венеціанскою крѣпостью, которая низачто не хотѣла сдаваться императорскимъ войскамъ. Папа Юлій II, дѣятельный и ловкій интриганъ, доведя дѣло до того, что Венеція очутилась на краю гибели, получивши въ свое владѣніе все, что онъ хотѣлъ, тотчасъ же перемѣнилъ фронтъ. Онъ примирился съ Венеціею, примирилъ съ нею Фердинанда Католика, который также былъ удовлетворенъ занятіемъ части Неаполя, императоръ Максимиліанъ былъ запуганъ перспективою будто бы грозящаго владычества французовъ надъ всею Италіею,—и вотъ, къ началу 1511 года, отъ лиги заключенной въ Камбрэ не оставалось и слѣдовъ,— и король французскій Людовикъ XII увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ огромною коалиціей. Папа Юлій II лично принялъ на себя командованіе въ этой войнѣ. Война велась, какъ всѣ итальянскія войны еще съ начала борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, замѣчательно свирѣпо. Французы (подъ начальствомъ Гастона де Фуа), въ особен-

ности, отличались неистовою жестокостью: грабежъ города Брешчіи Гастономъ де Фуа (20 февраля 1512 г.) уступаетъ по варварству развѣ только грабежу этого-же города австрійскимъ „усмирительнымъ" корпусомъ барона Гайнау въ 1849 году. Сильно помогъ папѣ союзъ съ Генрихомъ VIII, королемъ англійскимъ, который своими угрозами сдѣлать дессантъ, парализовалъ всѣ дѣйствія французовъ. Швейцарцы также измѣнили Людовику XII и водворили въ Миланѣ Максимиліана Сфорцу, сына Людовика Мора. Сфорца уступилъ въ благодарность папѣ Пьяченцу и Парму, а Швейцарцамъ Вальтелину, Кьявенну и еще нѣсколько селеній. Пять тысячъ испанцевъ взяло послѣдній оплотъ французскаго вліянія — Флоренцію штурмомъ, Джуліано и Джованни Медичи, пришедшіе съ испанцами, воцарились на престолѣ изгнаннаго за 18 лѣтъ предъ тѣмъ ихъ брата Пьеро, и заявили, что они всегда были и будутъ друзьями святѣйшаго отца.

Послѣ Савонаролы Флоренціей правилъ гонфалоньеръ Содерини, который теперь послѣ пораженія скрылся съ наиболѣе энергичными своими помощниками, и фамилія Медичи безъ всякаго сопротивленія вернулась къ власти. Вскорѣ послѣ этого событія (черезъ $4^1/_2$ мѣсяца, 21 Февраля 1513 г.) папа Юлій II внезапно скончался, оставивъ, если не папскій авторитетъ, то свѣтскую власть папъ на такой высотѣ, на которой она уже триста лѣтъ, отъ эпохи Иннокентія III, не бывала.

II.

Чрезвычайно любопытная личность заняла папскій престолъ тотчасъ же послѣ смерти Юлія II. Кардиналы, утомленные воинственнымъ понтификатомъ Юлія II, избрали въ папы Джованни Медичи, сына Лаврентія Великолѣпнаго, того самаго человѣка, который, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Джуліано только что вернулся во Флоренцію. Джованни Медичи былъ извѣстенъ всей Италіи, какъ изнѣженный, женолюбивый человѣкъ, заботящійся исключительно о собственныхъ удовольствіяхъ и совершенно свободный отъ честолюбія и иныхъ безпокойныхъ страстей папы Юлія II.

Даже въ самый моментъ выборовъ, Джованни былъ боленъ какою-то „печальною болѣзнью“, какъ выражается одинъ его историкъ, — такъ что къ нему даже и приблизиться было затруднительно, чтобы оповѣстить о превращеніи его, волею конклава, въ папу Льва X. Понтификатъ Льва X принадлежитъ къ памятнымъ эпохамъ въ исторіи Ренессанса. Левъ X былъ страстнымъ поклонникомъ античнаго міра; подобно отцу своему, Лаврентію Великолѣпному, онъ всѣ радости жизни полагалъ, во первыхъ, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и, во вторыхъ, въ коллекціонированіи статуй и пергаментовъ, въ изученіи древней литературы, въ научныхъ и философскихъ диспутахъ и собесѣдованіяхъ. Великіе художники-современники сравнительно мало интересовали папу: ни Рафаэль, ни Леонардо да Винчи, ни Микель-Анджело никогда не занимали его такъ, какъ свозившіяся отовсюду изъ всѣхъ итальянскихъ и греческихъ раскопокъ, полуизломанныя и совершенно изломанныя статуи и полусгнившіе пергаменты. Въ сущности, онъ именно былъ больше любителемъ-коллекціонеромъ, нежели гуманистомъ; объ активныхъ движеніяхъ его мысли мы не знаемъ ничего,—онъ ничего не писалъ и ничего достопримѣчательнаго не высказалъ. Извѣстенъ онъ былъ и своимъ меценатствомъ; въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ даже и отца своего Лаврентія. Тотъ поддерживалъ такихъ выдающихся работниковъ философіи и литературы, какъ, напримѣръ, Марсиліо Фичино или Луиджи Пульчи, а папа Левъ X собиралъ въ стѣнахъ своего дворца всевозможнѣйшихъ проходимцевъ, имѣвшихъ хоть какое-нибудь отношеніе къ литературѣ; здѣсь были и стихотворцы самаго разнообразнаго калибра, и шуты, и спеціалисты-каламбуристы, и авторы нецензурныхъ и сомнительнаго содержанія романовъ, и импровизаторы. Чтобы содержать всѣхъ этихъ лицъ, требовались огромныя средства, и Левъ X правильно выразилъ истинный свой взглядъ на выпавшую ему роль, когда произнесъ при извѣстіи о выборѣ: „будемъ пользоваться папствомъ, разъ Господь Богъ намъ его далъ“. Онъ систематически, въ теченіе всего своего понтификата опустошалъ папскую казну и на свои литературно-художественныя затѣи не щадилъ ничего. Уже при Юліи II постоянныя войны сильно истощили папскую сокровищницу; но Левъ X съ одной сто-

начался дождь, и состязаніе не состоялось. Характерно, что именно это чувство раздраженія разочарованныхъ зрителей и нанесло послѣдній ударъ Савонаролѣ: тотчасъ же начались слухи о томъ, что доминиканцы струсили, что они сами признали своего вождя обманщикомъ и т. д. На другой же день была устроена враждебная демонстрація противъ Савонаролы съ битьемъ стеколъ, яростными криками и пр. При впечатлительности и измѣнчивомъ характерѣ флорентійскаго народа весьма возможно, что Савонарола пережилъ бы этотъ злосчастный моментъ и еще вернулъ бы себѣ утраченную любовь флорентійскаго населенія. Но, какъ сказано, враги его не дремали и воспользовались именно этимъ моментомъ: онъ былъ арестованъ, заключенъ въ тюрьму, судимъ за вымышленныя преступленія, и приговоренъ къ смерти. Его задушили веревкою и сожгли при огромной, но довольно равнодушной толпѣ народа. Случилось это въ 1498 году, когда событія, разыгрывавшіяся въ Италіи, въ достаточной мѣрѣ уже притупили у народа способность слишкомъ чѣмъ—нибудь поражаться. Краткій успѣхъ Савонаролы показалъ, до какой степени многіе жаждали общей моральной и политической реформы не только во Флоренціи, но и на всемъ полуостровѣ, ибо популярность его далеко вышла за предѣлы Флоренціи; гибель его объясняется разочарованіемъ впечатлительнаго простонародья въ чудодѣйственной силѣ проповѣдника, для которой считали все возможнымъ; но едва ли не характернѣе судьбы этого монаха для общаго состоянія дѣлъ Италіи — обстоятельства французскихъ нашествій, обрушившихся на полуостровъ въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія.

наго отсутствія прочныхъ результатовъ, этихъ мелкихъ и безконечныхъ войнъ можно совсѣмъ не касаться; онѣ не прекращались въ Италіи съ конца среднихъ вѣковъ до конца XVIII столѣтія, въ описываемый же періодъ французскихъ и иныхъ нашествій, какъ вообще, въ эпохи особенныхъ дипломатическихъ осложненій между большими державами, эти мелкія стычки умножались въ чудовищной прогрессіи. Въ 1519 году Карлъ, король Испанскій, наслѣдникъ колоссальной монархіи Фердинанда Католика былъ избранъ въ императоры. Противъ Франциска выдвинулся врагъ, который былъ завѣдомо и очевидно могущественнѣе его. Карлъ V былъ нуженъ папѣ Льву X, какъ весьма важный союзникъ въ борьбѣ противъ только что начавшагося лютеровскаго движенія, а еще больше какъ человѣкъ, по широтѣ натуры склонный сквозь пальцы смотрѣть на присвоеніе папою итальянскихъ феодальныхъ помѣстій въ Романьѣ подчиненныхъ императору. Почему Карлъ V выступилъ противъ Франциска,—понятно само собою: французскій король былъ единственнымъ серьезнымъ его соперникомъ въ дѣлѣ захвата политической власти надъ Европою. Вскорѣ къ Карлу V и папѣ присоединился также англійскій король Генрихъ VIII, и долгая война началась. Главное, къ чему стремились союзники,—это было изгнаніе французовъ съ Апеннинскаго полуострова. Положеніе Франциска было не изъ легкихъ. Въ 1522 году онъ потерпѣлъ сильное пораженіе, потерялъ Генную. Въ 1521 году умеръ отъ истощенія силъ и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней аналогичнаго происхожденія папа Левъ X, и на престолъ св. Петра взошелъ Адріанъ VI. Война при немъ продолжалась съ прежнею энергіей; къ союзникамъ присоединилась и Венеція. Разореніе страны было ужасно; императорскіе генералы занимали всю Романью, Неаполь, Тоскану, въ Ломбардіи стояли французы, и всюду всѣ грабили наперерывъ; города переходили изъ рукъ въ руки, и то, что не успѣвали захватить императорскіе солдаты, брали себѣ французы, уцѣлѣвшее отъ французовъ доставалось венеціанцамъ и т. д. Нужно замѣтить, что новый папа Адріанъ VI былъ человѣкомъ уже иного разбора, нежели Левъ X; это уже былъ папа послѣреформаціоннаго періода, когда католическій клиръ нѣсколько опомнился, одумался, сталъ измыш-

цузовъ, вызванное такого рода поступками, само по себѣ не пугало Карла; но противъ него составилась лига: Фердинандъ Католикъ, императоръ Максиміліанъ, Венеціанская республика и измѣнившій королю миланскій правитель Людовикъ Моръ рѣшили силою воспротивиться дальнѣйшимъ успѣхамъ французской арміи.

Этотъ союзъ, дѣйствительно, оттѣснилъ короля; Фердинандъ, король неаполитанскій, вернулся въ Неаполь, и очень многія завоеванныя Карломъ мѣста, ускользнули изъ подъ его власти. Собственно, послѣ 1496 года Карлъ во всемъ полуостровѣ могъ надѣяться только на Флоренцію, но въ 1498 году Савонарола, другъ французовъ, погибъ. Умеръ и Карлъ VIII,—и на французскій престолъ вступилъ молодой Людовикъ XII. Его дѣла въ Италіи сразу пошли хорошо. Онъ заявилъ претензію на миланскій престолъ, узурпированный у герцога Галеаццо (уже умершаго) Людовикомъ Моромъ; собственно права французскаго короля были, пожалуй, еще менѣе обоснованы, нежели права Мора, тѣмъ не менѣе обстоятельства сложились для миланскаго правителя чрезвычайно неблагопріятно: Венеція вдругъ возстала противъ него и соединилась съ Франціей, можетъ быть, раздраженная сношеніями Мора съ турецкимъ султаномъ, а союзниковъ онъ не пріискалъ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ попытокъ сопротивленія, всѣми покинутый, оставленный миланцами (среди которыхъ правитель имѣлъ очень много враговъ), онъ бѣжалъ изъ Италіи въ имперскія владѣнія, потомъ вернулся, собралъ небольшую армію и попытался вернуть утраченное. Но попытка опять не удалась, и, попавшій въ руки французскаго короля, (въ 1500 г.) Людовикъ Моръ былъ подъ конвоемъ препровожденъ въ глухую французскую крѣпость, гдѣ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи и умеръ. Миланъ и, въ сущности, вся Ломбардія попали во власть французовъ.

Прочно обосновавшись въ Ломбардіи, Людовику XII уже совершенно ничего не стоило играть роль верховнаго судьи всѣхъ политическихъ распрей Италіи. Папа Александръ Борджіа первый понялъ это и съ обычною своею смѣтливостью вступилъ въ союзъ съ королемъ; при помощи короля онъ надѣялся добиться давно желаннаго имъ возвышенія своего сына Цезаря. Цезарь Борджіа съ

дѣйскимъ избіеніемъ жителей города Рима войсками императора и его союзниковъ: ихъ подвергали пыткамъ и затѣмъ квалифицированнымъ казнямъ, а имущество солдаты забирали себѣ. Подобныя же событія совершались и въ другихъ мѣстахъ. Папа Климентъ VII попалъ въ плѣнъ къ одной изъ такихъ разбойничавшихъ въ Римѣ солдатскихъ ордъ. Плѣнъ папы далъ поводъ къ оживленію борьбы союзниковъ противъ Карла, непомѣрнаго усиленія котораго они всегда боялись. Соединенная англо-французская армія съ швейцарцами (также опасавшимися испанскаго владычества) одержала нѣсколько побѣдъ, освободила папу, правда хитростью, а не силою, – и заняла весь сѣверъ Италіи. Къ страшной безпрерывной войнѣ, прибавилась чума, уже давно спорадическими случаями посѣщавшая Италію. Чума эта опустошила кадры союзной арміи,—унесла она много жертвъ и въ императорской. Общее истощеніе привело къ заключенію между всѣми воюющими мира въ Камбрэ, въ 1529 году. Собственно, къ Италіи относятся слѣдующіе пункты мирнаго договора: 1) онъ призналъ за Карломъ титулъ „короля Италіи"; 2) отдать ему все Неаполитанское королевство; 3) императоръ обязанъ отдать флорентійскій престолъ Александру Медичи (сыну самого папы Климента VII); 4) герцогство Миланское отдается Франческо Сфорцѣ. Нѣсколько второстепенныхъ пунктовъ опредѣляли территоріальное разграниченіе Флоренціи, Венеціи, Милана, Церковной области, Неаполя. Миръ въ Камбрэ далъ нѣкоторый роздыхъ несчастному полуострову. Съ этого только времени итальянцы начали знакомиться со всѣмъ, что произошло въ Европѣ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ; а съ 1517 года въ Европѣ не прекращалось, но росло не по днямъ, а по часамъ, колоссальное реформаціонное движеніе.

III.

Начало XVI столѣтія дало Италіи трехъ замѣчательныхъ литературно-научныхъ дѣятелей, вокругъ которыхъ группируются уже болѣе мелкія величины. Въ общей исторіи Италіи нѣтъ возможности останавливаться даже надъ такими грандіозными фигурами въ исторіи искусствъ, какъ Леонардо да-Винчи, Рафаэль,

сынъ Борджіа обратились противъ Людовика XII, въ которомъ видѣли слишкомъ сильнаго сосѣда. Они соединились противъ французовъ съ королемъ испанскимъ Фердинандомъ Католикомъ, и собирались вмѣстѣ завоевать Флоренцію и ослабить французскаго короля. Неожиданное обстоятельство разстроило всѣ планы. Папа Александръ, желая отравить одно духовное лицо, обладавшее доходными помѣстьями, пригласилъ его къ себѣ, но нечаянно перемѣшалъ сосуды съ виномъ, и выпилъ приготовленный ядъ, а также далъ сыну, – гостю же предоставилъ безвредный кубокъ. Вслѣдствіе этого промаха папа умеръ (въ 1503 г.), а Цезарь послѣ долгой болѣзни оправился, но за время болѣзни уже успѣли выбрать папу Пія III, а когда тотъ, спустя полтора мѣсяца умеръ, папскій престолъ занялъ Юлій II, лично ненавидѣвшій семью Борджіа, человѣкъ желѣзной энергіи и безпокойнаго, дѣятельнаго честолюбія. Первые годы своего правленія (до 1508 г.) Юлій II довольствовался лишь тѣмъ, что отнималъ у Цезаря Борджіа награбленное имъ земельное имущество; Цезаря не любили, Людовикъ XII и Фердинандъ Католикъ были на сторонѣ папы, такъ что пришлось отдавать одну землю за другою новому папѣ. Но тутъ съ дѣлежомъ наслѣдства Борджіа вышло серьезное осложненіе. Дѣло въ томъ, что Венеція какъ разъ въ эти годы переживала одинъ за другимъ страшные, неотвратимые удары. Торговля ея съ Востокомъ, такъ пышно процвѣтавшая рядъ вѣковъ, достигшая кульминаціонной точки именно въ XIV—XV вв., послѣ открытія Америки въ 1492 году и, въ особенности, морского пути въ Индію въ 1498 г., стала замѣтно падать. Главный нервъ торговой жизни отошелъ отъ Венеціи; Александрія, Дамаскъ, все побережье Сиріи и Египта перестали быть путями въ Индію, по которымъ восточныя богатства свозились въ Венецію, а оттуда распредѣлялись по европейскимъ странамъ.

Съ каждымъ годомъ роковыя послѣдствія открытій Колумба и Васко де Гамы сказывались ощутительнѣе; закрывались заводы и мастерскія, продавались корабли, пустѣли верфи... Венеціанское правительство всѣми силами старалось поддержать быстро и невозвратно исчезавшее величіе своего города и, поэтому, когда послѣ смерти

...нъ отъ гоненій, какъ уже сказано, не страдалъ. Незамѣ-... для историка интересъ представляетъ чтеніе не изложеній, ...линнаго текста трактатовъ Помпонацци: тонъ его произве-... всегда живой, страстный, ироническій тамъ, гдѣ онъ по-...рустъ съ традиціей, и грустный, тревожный тамъ, гдѣ онъ ...тся поставить что нибудь на мѣстѣ ниспровергнутаго догмата. ...характернѣйшій типъ человѣка своей эпохи, когда моральное ...творенiе выпадало на долю либо нашедшихъ свой идеалъ ...дователей Савонаролы, и имъ подобныхъ людей, не утра... ...ихъ религіозной вѣры, либо на долю такихъ (по темпера-...у) чистѣйшихъ эпикурейцевъ, какъ папа Левъ X, кардиналъ ...анистъ Бембо и т. д. Люди же въ родѣ философа конца XV вѣка — ...ко делла Мирандола или Пьетро Помпонацци, могли или ...атиться въ концѣ жизни къ религіи (какъ сдѣлалъ Пико), и остаться, по автобіографическому выраженію Помпонацци, „въ ...чальномъ раздумьи“. Это „печальное раздумье“ и дѣлаетъ его ...слѣдніе трактаты такими интересными и глубокими. У Помпонацци ...ыло весьма много слушателей и почитателей; въ его аудиторіи ...ходились юноши и англійскаго, и французскаго, и нѣмецкаго про-...исхожденія, и они разносили повсюду его славу. Счастливая судьба Помпонацци дала ему родиться, жить и умереть въ такое время, когда въ Италіи царила полнѣйшая религіозная терпимость. Уже когда онъ умиралъ, раздавались злобные голоса его полемистовъ о „нечестивомъ проповѣдникѣ“ и желательныхъ мѣропріятіяхъ по его поводу; уже давали себя чувствовать первые годы реформаціи... Но вѣчныя войны на полуостровѣ мѣшали клиру сосредоточить свое вниманіе на неблагонамѣренномъ ученіи болонскаго профессора и, вообще. на борьбѣ съ новыми, антикатолическими вѣяніями. Въ 1525 году умеръ Помпонацци, въ 1529 году былъ заключенъ общій миръ въ Камбрэ, и съ того же времени начинается энергичная католическая реакція, сжигавшая на кострѣ людей за гораздо меньшую смѣлость въ выраженіи своихъ мнѣній, нежели та, которая проникаетъ всѣ произведенія Помпонацци. Для общаго состоянія умственной атмосферы того времени весьма характерно, что этотъ смѣлый отрицатель, послѣдовательный раціона-

Микель—Анджело, какъ всѣ ихъ замѣчательные предшественники и послѣдователи. Но о названныхъ трехъ писателяхъ, сыгравшихъ въ исторіи итальянской культуры слишкомъ ужъ выдающуюся роль, упомянуть совершенно необходимо. Философъ Помпонацци, историкъ Гвиччіардини и политическій мыслитель Маккіавелли, особенно, два послѣднихъ были извѣстны, можно сказать, всѣмъ безъ исключенія образованнымъ людямъ Европы; Маккіавелли считался въ продолженіе двухъ столѣтій одною изъ настольныхъ книгъ для государственныхъ людей (XVI—XVII вв.), но эти люди интересны не только въ качествѣ наиболѣе выдающихся и яркихъ литературныхъ знаменитостей, внесшихъ свое новое содержаніе въ умственную культуру Италіи; они важны для историка еще и какъ характерные представители современной имъ дѣйствительности, отложившей на нихъ явный свой отпечатокъ.

Пьетро Помпонацци былъ профессоромъ философіи въ болонскомъ университетѣ до самой своей смерти, т. е. до 1525 года. Это былъ уже въ полномъ смыслѣ раціоналистъ и скептикъ; въ надѣлавшемъ чрезвычайно много шума трактатѣ онъ категорически отвергъ безсмертіе души, обставивши это свое утвержденіе многочисленными философскими аргументами и полемизируя съ ученіемъ церкви и всѣхъ его поборниковъ. Любопытно, что папа Левъ X, при которомъ появился трактатъ, чрезвычайно имъ заинтересовался, но исключительно съ любительской, такъ сказать, точки зрѣнія. Онъ немедленно устроилъ печатный диспутъ между Помпонацци и придворнымъ своимъ философомъ Нифо. Диспутъ, конечно, ни къ какимъ результатамъ не привелъ, но Помпонацци никто не тронулъ, и онъ остался до конца дней своихъ весьма спокойно на своей болонской каѳедрѣ. Помпонацци отвергалъ также и чудеса, вѣру въ вѣдьмъ и пр., и все это дѣлалъ въ самыхъ прямыхъ, точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Философа онъ считалъ избраннымъ и счастливымъ человѣкомъ уже по тому одному, что онъ стремится познать истину, и вмѣстѣ съ тѣмъ называлъ участь его несчастною, ибо „очень часто когда философъ истину найдетъ,—ближніе обрушиваются на него,—начинаютъ его терзать и мучить“. Тутъ Помпонацци какъ бы прозрѣваетъ судьбу Джордано Бруно и Ванини;

самъ онъ отъ гоненій, какъ уже сказано, не страдалъ. Незамѣнимый для историка интересъ представляетъ чтеніе не изложеній, но подлиннаго текста трактатовъ Помпонацци: тонъ его произведеній всегда живой, страстный, ироническій тамъ, гдѣ онъ полемизируетъ съ традиціей, и грустный, тревожный тамъ, гдѣ онъ пытается поставить что нибудь на мѣстѣ ниспровергнутаго догмата. Это — характернѣйшій типъ человѣка своей эпохи, когда моральное удовлетвореніе выпадало на долю либо нашедшихъ свой идеалъ послѣдователей Савонаролы, и имъ подобныхъ людей, не утратившихъ религіозной вѣры, либо на долю такихъ (по темпераменту) чистѣйшихъ эпикурейцевъ, какъ папа Левъ X, кардиналъ-гуманистъ Бембо и т. д. Люди же въ родѣ философа конца XV вѣка — Пико делла Мирандола или Пьетро Помпонацци, могли или обратиться въ концѣ жизни къ религіи (какъ сдѣлалъ Пико), или остаться, по автобіографическому выраженію Помпонацци, „въ печальномъ раздумьи“. Это „печальное раздумье“ и дѣлаетъ его послѣдніе трактаты такими интересными и глубокими. У Помпонацци было весьма много слушателей и почитателей; въ его аудиторіи сходились юноши и англійскаго, и французскаго, и нѣмецкаго происхожденія, и они разносили повсюду его славу. Счастливая судьба Помпонацци дала ему родиться, жить и умереть въ такое время, когда въ Италіи царила полнѣйшая религіозная терпимость. Уже когда онъ умиралъ, раздавались злобные голоса его полемистовъ о „нечестивомъ проповѣдникѣ“ и желательныхъ мѣропріятіяхъ по его поводу; уже давали себя чувствовать первые годы реформаціи... Но вѣчныя войны на полуостровѣ мѣшали клиру сосредоточить свое вниманіе на неблагонамѣренномъ ученіи болонскаго профессора и, вообще. на борьбѣ съ новыми, антикатолическими вѣяніями. Въ 1525 году умеръ Помпонацци, въ 1529 году былъ заключенъ общій миръ въ Камбрэ, и съ того же времени начинается энергичная католическая реакція, сжигавшая на кострѣ людей за гораздо меньшую смѣлость въ выраженіи своихъ мнѣній, нежели та, которая проникаетъ всѣ произведенія Помпонацци. Для общаго состоянія умственной атмосферы того времени весьма характерно, что этотъ смѣлый отрицатель, послѣдовательный раціона-

листъ, тонкій скептикъ и ядовитый критикъ ученій римской церкви, самъ свято вѣрилъ въ астрологію и всѣ ея тогдашнія выдумки. Помпонацци читался не только въ первой четверти XVI столѣтія, но и гораздо позже: изданія его трактатовъ становятся рѣже лишь къ началу XVII вѣка. Традиція философскаго скептицизма, начатая въ Италіи еще въ XIII — XIV вв. переводами Аверроэса была поддержана Помпонацци, а уже въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. воспринята и развита Джіордано Бруно и Ванини (о которыхъ будетъ рѣчь въ концѣ настоящей главы).

Маккіавелли въ исторіи политическихъ ученій занимаетъ еще болѣе выдающееся мѣсто, нежели Помпонацци въ исторіи философіи. Въ своемъ трактатѣ о „Государѣ" онъ даетъ цѣлый рядъ тезисовъ практической политики, какъ она понималась государственными людьми въ его время и какъ, въ значительной степени, продолжаетъ пониматься и до нашихъ дней. При Козимо Медичи Маккіавелли находился въ рядахъ флорентійской республиканской оппозиціи; аристократія, враждебная Медичи и называвшая себя опорою республиканской партіи, возвела его въ санъ государственнаго секретаря. Послѣ паденія Медичи, въ особенности же послѣ конца демократическаго и теократическаго правленія Савонаролы, Маккіавелли много разъ посѣщалъ итальянскіе и сѣверные дворы (напр. французскій), исполняя дипломатическія порученія флорентійскаго правительства. Съ 1499 г. не проходитъ года, чтобы онъ не побывалъ у какого-нибудь изъ сосѣднихъ правительствъ съ предложеніями союза, торговаго договора, совмѣстныхъ тайныхъ или явныхъ интригъ противъ общаго врага и т. д. При возстановленіи правленія Медичи Маккіавелли сохранилъ свое положеніе, ибо его цѣнили какъ изумительно ловкаго и хитраго дипломата; Флоренція уже тогда гордилась имъ. Нравственною неразборчивостью и неопрятностью изумить современниковъ и соотечественниковъ Цезаря Борджіа было затруднительно, а ловкостью и умомъ Маккіавелли превосходилъ всѣхъ своихъ контрагентовъ (кромѣ, развѣ, Фердинанда Католика), такъ что въ Италіи онъ пользовался еще до выхода въ свѣтъ его сочиненій весьма почетною извѣстностью. Въ 1512 году Маккіавелли былъ посаженъ въ тюрьму правительствомъ

Медичи, подозрѣвавшимъ его въ измѣнѣ интересамъ династіи, и подвергнутъ страшнымъ истязаніямъ. Отъ казни ему, впрочемъ, удалось спастись, но съ этого времени и вплоть до 1519 года онъ исчезаетъ съ политической арены. За эти шесть лѣтъ онъ и предался литературной дѣятельности, обезсмертившей его имя. Съ 1519 года опять началась его государственная служба и возобновились дипломатическіе разъѣзды, но уже прежней роли онъ до конца жизни не игралъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Маккіавелли является и политическимъ, и историческимъ писателемъ. Какъ публицистъ онъ считаетъ идеаломъ сильную государственную власть, находящуюся въ рукахъ тѣсно сплоченной, одаренной политическимъ смысломъ олигархіи. Венецію онъ не перестаетъ ставить въ примѣръ всѣмъ современнымъ ему государствамъ; нѣсколько насилуя историческую правду, онъ описываетъ также древній Римъ, какъ совершенное подобіе Венеціи, — и не перестаетъ восторгаться твердой, дальновидной, эгоистической и зрѣло-продуманной политикою римскаго сената. Въ римской исторіи онъ не видитъ ни единаго пятнышка, внутреннія нестроенія и смуты обходитъ молчаніемъ или говоритъ о нихъ бѣгло, мелькомъ. Кореннымъ зломъ, угнетающимъ Италію, онъ считаетъ ея расчлененіе, а главною причиною этого зла — существованіе свѣтской власти папы. Но ему представляется возможнымъ мечтать не только объ объединеніи Италіи, но и объ ея могуществѣ, удачной завоевательной политикѣ: онъ не перестаетъ напоминать итальянцамъ, что ихъ предки, благодаря, какъ онъ думаетъ, единству и подчиненію сенатской олигархіи завоевали и Испанію, и Францію и всѣ тѣ страны, которыя теперь, въ его эпоху, давятъ и расчленяютъ Италію. Въ книгѣ о „Государѣ“ Маккіавелли, повидимому, и имѣетъ въ виду дать рядъ практическихъ совѣтовъ такому итальянскому властителю, который окажется способнымъ ихъ осуществить и этимъ путемъ объединить расчлененную страну. Всѣ средства одобряются авторомъ, если только они ведутъ къ зрѣло обдуманной и полезной для величія государства цѣли. Беззастѣнчивость, угрозы, ложь, дѣятельная интрига, обольщеніе, ласки—все это должно пускаться въ ходъ государемъ, желающимъ своего возвышенія. „Толпу“ онъ

листъ, тонкій скептикъ и ядовитый критикъ ученій римской церкви, самъ свято вѣрилъ въ астрологію и всѣ ея тогдашнія выдумки. Помпонацци читался не только въ первой четверти XVI столѣтія, но и гораздо позже: изданія его трактатовъ становятся рѣже лишь къ началу XVII вѣка. Традиція философскаго скептицизма, начатая въ Италіи еще въ XIII — XIV вв. переводами Аверроэса была поддержана Помпонацци, - а уже въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. воспринята и развита Джіордано Бруно и Ванини (о которыхъ будетъ рѣчь въ концѣ настоящей главы).

Маккіавелли въ исторіи политическихъ ученій занимаетъ еще болѣе выдающееся мѣсто, нежели Помпонацци въ исторіи философіи. Въ своемъ трактатѣ о „Государѣ" онъ даетъ цѣлый рядъ тезисовъ практической политики, какъ она понималась государственными людьми въ его время и какъ, въ значительной степени, продолжаетъ пониматься и до нашихъ дней. При Козимо Медичи Маккіавелли находился въ рядахъ флорентійской республиканской оппозиціи; аристократія, враждебная Медичи и называвшая себя опорою республиканской партіи, возвела его въ санъ государственнаго секретаря. Послѣ паденія Медичи, въ особенности же послѣ конца демократическаго и теократическаго правленія Савонаролы, Маккіавелли много разъ посѣщалъ итальянскіе и сѣверные дворы (напр. французскій), исполняя дипломатическія порученія флорентійскаго правительства. Съ 1499 г. не проходитъ года, чтобы онъ не побывалъ у какого-нибудь изъ сосѣднихъ правительствъ съ предложеніями союза, торговаго договора, совмѣстныхъ тайныхъ или явныхъ интригъ противъ общаго врага и т. д. При возстановленіи правленія Медичи Маккіавелли сохранилъ свое положеніе, ибо его цѣнили какъ изумительно ловкаго и хитраго дипломата; Флоренція уже тогда гордилась имъ. Нравственною неразборчивостью и неопрятностью изумить современниковъ и соотечественниковъ Цезаря Борджіа было затруднительно, а ловкостью и умомъ Маккіавелли превосходилъ всѣхъ своихъ контрагентовъ (кромѣ, развѣ, Ферди-ида Католика), такъ что въ Италіи онъ пользовался еще до въ свѣтъ его сочиненій весьма почетною извѣстностью. Въ году Маккіавелли былъ посаженъ въ тюрьму правительствомъ

Медичи, подозрѣвавшимъ его въ измѣнѣ интересамъ династіи, и подвергнутъ страшнымъ истязаніямъ. Отъ казни ему, впрочемъ, удалось спастись, но съ этого времени и вплоть до 1519 года онъ исчезаетъ съ политической арены. За эти шесть лѣтъ онъ и предался литературной дѣятельности, обезсмертившей его имя. Съ 1519 года опять началась его государственная служба и возобновились дипломатическіе разъѣзды, но уже прежней роли онъ до конца жизни не игралъ. Въ своихъ сочиненіяхъ Маккіавелли является и политическимъ, и историческимъ писателемъ. Какъ публицистъ онъ считаетъ идеаломъ сильную государственную власть, находящуюся въ рукахъ тѣсно сплоченной, одаренной политическимъ смысломъ олигархіи. Венецію онъ не перестаетъ ставить въ примѣръ всѣмъ современнымъ ему государствамъ; нѣсколько насилуя историческую правду, онъ описываетъ также древній Римъ, какъ совершенное подобіе Венеціи, — и не перестаетъ восторгаться твердой, дальновидной, эгоистической и зрѣло-продуманной политикою римскаго сената. Въ римской исторіи онъ не видитъ ни единаго пятнышка, внутреннія нестроенія и смуты обходитъ молчаніемъ или говоритъ о нихъ бѣгло, мелькомъ. Кореннымъ зломъ, угнетающимъ Италію, онъ считаетъ ея расчлененіе, а главною причиною этого зла — существованіе свѣтской власти папы. Но ему представляется возможнымъ мечтать не только объ объединеніи Италіи, но и объ ея могуществѣ, удачной завоевательной политикѣ: онъ не перестаетъ напоминать итальянцамъ, что ихъ предки, благодаря, какъ онъ думаетъ, единству и подчиненію сенатской олигархіи завоевали и Испанію, и Францію и всѣ тѣ страны, которыя теперь, въ его эпоху, давятъ и расчленяютъ Италію. Въ книгѣ о „Государѣ“ Маккіавелли, повидимому, и имѣетъ въ виду дать рядъ практическихъ совѣтовъ такому итальянскому властителю, который окажется способнымъ ихъ осуществить и этимъ путемъ объединить расчлененную страну. Всѣ средства одобряются авторомъ, если только они ведутъ къ зрѣло обдуманной и полезной для величія государства цѣли. Беззастѣнчивость, угрозы, ложь, дѣятельная интрига, обольщеніе, ласки—все это должно пускаться въ ходъ государемъ, желающимъ своего возвышенія. „Толпу“ онъ

совѣтуетъ держать въ рукахъ также всѣми безъ исключенія средствами, какія только возможны и находятся подъ рукою. Эгоизмъ государя и интересы государства сливаются для Маккіавелли во едино, и вотъ почему циничнѣйшія страницы трактата не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія, какое, казалось бы, можно было ожидать. Книга Маккіавелли сдѣлалась настольною при всѣхъ современныхъ ему европейскихъ дворахъ, — и, вообще, не переставала быть библіей политической мудрости для многихъ поколѣній государственныхъ людей; только въ XVIII столѣтіи перестали ее такъ усердно читать, ибо въ эту эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, совѣты Маккіавелли, вполнѣ подходившіе къ правительственной *практикѣ* всѣхъ странъ Европы, слишкомъ противорѣчили сентиментальнымъ теоріямъ и формуламъ, бывшимъ въ большомъ ходу. Многіе историки литературы склонны были видѣть въ „Государѣ" злую сатиру на современные автору правительственные нравы; другіе полагали, что трактатъ написанъ съ цѣлью угодить монархической партіи Медичи и вернуть его автора къ дѣламъ (послѣ немилости и опалы). Но каковы бы ни были мотивы изданія этого трактата, нельзя не замѣтить, что онъ пришелся удивительно ко двору и въ свое время и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. При безгласномъ рабствѣ всего итальянскаго народа подъ владычествомъ испанцевъ и домашнихъ деспотовъ, ученіе Маккіавелли вскорѣ сдѣлалось практическимъ руководствомъ такъ называвшагося *патріархальнаго* управленія, т. е. самаго полнаго деспотизма внутри государства и алчной, мелкой, узко-своекорыстной политики во внѣшнихъ сношеніяхъ. Общихъ государственно-правовыхъ соображеній послѣдователи Маккіавелли не знали и не понимали; мысль о сплоченіи Италіи въ единое государство не произвела никакого впечатлѣнія. Въ XIX столѣтіи только научно заинтересовались флорентійскимъ мыслителемъ и подвергли его трактаты всестороннему анализу; а до тѣхъ поръ этого сдѣлано не было. Маккіавелли между многимъ прочимъ написалъ также „Исторію Флоренціи", чрезвычайно интересную работу, имѣющую цѣлью показать, что демократія всегда вела государство къ упадку и разоренію.

Впрочемъ, та же Флоренція выставила другого историка, обла-

давшаго блестящимъ литературнымъ талантомъ и въ политическихъ сужденіяхъ своихъ склонявшагося къ монархіи Медичи, поддерживаемой демократами. Франческо Гвиччіардини (род. въ 1482 г.), подобно Маккіавелли, служилъ по дипломатическому вѣдомству, перезнакомился во время своихъ поѣздокъ со многими итальянскими государями и перешелъ (въ 1516 г.) на службу къ папѣ Льву X, который назначилъ ему въ управленіе Модену, Парму и Реджіо. Послѣ смерти Льва X онъ лишился этой прибыльной должности и вернулся во Флоренцію. Гвиччіардини гораздо больше мемуаристъ, нежели историкъ: онъ ведетъ своеобразный историческій дневникъ за все время иностранныхъ нашествій отъ перваго похода Карла X, въ 1494 году до 1525 года. „Исторія Флоренціи“ написана Гвиччіардини прекраснымъ легкимъ языкомъ, хотя по временамъ авторъ и склоненъ къ болтливости; за вычетомъ флорентійскаго патріотизма его не одолѣваютъ никакія особенно мѣшающія историку пристрастія. Сужденія его довольно мелки и тривіальны; моральныя оцѣнки, въ которыя онъ любитъ пускаться, — безвкусны и плоски; вообще, особой глубины ума онъ не обнаружилъ. Но какъ первоисточникъ для современной ему исторіи, какъ памятникъ замѣчательной итальянской исторической прозы, книга Гвиччіардини никогда не потеряетъ своего значенія. На исторію своего города онъ смотритъ все же менѣе пессимистично, нежели Маккіавелли, повидимому, не ожидавшій уже отъ Флоренціи „ничего доблестнаго и великаго“.

IV.

Вся исторія Флоренціи въ XVI и слѣдующихъ столѣтіяхъ слишкомъ достаточно показала, насколько былъ правъ въ своихъ приговорахъ величайшій государственный человѣкъ этого города. Послѣ мира въ 1529 году, одна только Флоренція не съумѣла покориться общей участи, и не имѣя ровно никакой возможности, дѣйствительно, отстоять свою независимость противъ папы Климента VII, императора Карла V и ихъ ставленника, сына папы, Александра

Медичи, тѣмъ не менѣе начала борьбу, приведшую къ ея полному разоренію и политической смерти, ибо съ тѣхъ поръ Флоренція уже никогда больше никакой самостоятельной роли не играла.

Коренная бѣда Флоренціи заключалась въ ея глубочайшемъ, поразительномъ невѣжествѣ, необычномъ даже для тѣхъ временъ: флорентійцы понятія не имѣли, несмотря на многочисленныя военныя экзекуціи послѣднихъ тридцати лѣтъ, объ истинномъ могуществѣ своихъ враговъ. Они думали все о воскрешеніи временъ Савонаролы, ожидая отъ этого всякихъ благъ и забывая, что даже и при Савонаролѣ имъ не приходилось отбиваться ни отъ одной крупной арміи, а только отъ болѣе слабыхъ сосѣдей. Поставивши себѣ цѣлью вернуть времена Савонаролы, снова пробудить подъемъ духа и этимъ подъемомъ духа отразить враговъ, флорентійцы вручили власть главному представителю духовной партіи или такъ называемой партіи „плаксъ" (piagnoni), нѣкоему Кардуччи: затѣмъ начались проповѣди изступленныхъ и иногда совершенно полоумныхъ монаховъ и прорицателей, и флорентійцы по предложенію одного изъ нихъ провозгласили флорентійскимъ королемъ Іисуса Христа; третьею мѣрою національной обороны была отдача всей арміи подъ начальство кондотьера и разбойника Малатесты Бальоне, репутація котораго даже для тѣхъ неприхотливыхъ временъ была ужасна; въ частности, онъ прославился многочисленными измѣнами всѣмъ своимъ нанимателямъ. Испанскія и итальянскія войска Карла V подступили къ городу; одинъ молодой и храбрый республиканецъ Франческо Ферручи нѣсколько разъ дѣлалъ попытки путемъ внезапныхъ вылазокъ отогнать осаждающихъ,—но Бальоне въ рѣшительный моментъ измѣнилъ —и Флоренція сдалась. Въ ней воцарился Александръ Медичи, всѣ выдающіеся члены республиканской партіи были казнены или изгнаны, а въ слѣдующемъ (1531) году была уничтожена сеньерія, всѣ старыя учрежденія, которыхъ не касались въ предшествующемъ столѣтіи ни Козимо, ни Лаврентій Медичи. Наслѣдственная и неограниченная власть была вручена Александру Медичи, а вокругъ него группировался „сенатъ" отчасти назначавшійся, отчасти выбиравшійся изъ 48 человѣкъ. Но сенатъ, конечно, ни малѣйшей роли не игралъ. Болонья, Амальфи—почти всѣ города Тосканы попали

во владѣніе Карла V. Деспотизмъ императора былъ такъ ощутителенъ, политическое равновѣсіе на полуостровѣ такъ нарушено, что Климентъ VII уже началъ интриговать противъ своего могущественнаго друга, котораго онъ всегда побаивался. Но въ 1534 г. онъ умеръ и папою сталъ Павелъ III, еще въ большей мѣрѣ, нежели Адріанъ III, представлявшій собою типъ первосвященника послѣ-реформаціонной эпохи. Павелъ III былъ уже дѣйствительно и серьезно обезпокоенъ успѣхами реформаціи и реформаціонныхъ сектъ, вытѣснявшихъ католицизмъ на сѣверѣ Европы и пробиравшихся въ романскія земли. Онъ смотрѣлъ на свои обязанности тѣмъ широкимъ взглядомъ, какой былъ у Иннокентія III, и какого совсѣмъ недоставало обоимъ Медичи, занимавшимъ папскій престолъ: Льву X, и Клименту VII. Павелъ III смотрѣлъ на себя не какъ на итальянскаго владѣтеля, связаннаго разнообразными, но всегда довольно мелкими и преходящими интересами со своими сосѣдями, а какъ на главу угрожаемой міровой религіи, для которой настало время думать о самосохраненіи. Рядомъ энергичныхъ и суровыхъ мѣръ онъ очистилъ высшій клиръ отъ тѣхъ лицъ, которымъ тамъ вовсе было не мѣсто по ихъ правамъ и репутаціи; строго выбиралъ кандидатовъ на духовные посты, давалъ имъ точныя и подробныя инструкціи, и всѣми дѣйствіями своими обнаруживалъ, что интересы поддержки католицизма стоятъ у него на первомъ планѣ. Особенно это проявилось въ его внѣшней политикѣ. Когда опять начались враждебныя дѣйствія между вѣчными врагами—императоромъ Карломъ V и королемъ Францискомъ, онъ (въ 1538 г.) помирилъ обоихъ государей, хотя могъ бы извлечь для церковной области пользу изъ ихъ ссоры, и направилъ ихъ усилія на общую войну противъ турокъ, какъ враговъ христіанства. Впрочемъ, съ турками бороться пришлось преимущественно одному только Карлу V. Что касается до Флоренціи, то для нея папа ничего сдѣлать не могъ. Александръ Медичи продѣлывалъ тамъ вещи, предъ которыми не останавливался въ XVI вѣкѣ развѣ только Иванъ Грозный,—и въ первые дни 1537 года герцогъ былъ убитъ. Но избавиться отъ власти семьи Медичи Флоренція этимъ не могла, тѣмъ болѣе, что и убійство произошло не на политической, а на романической почвѣ.

На престолѣ воцарился Козимо Медичи, несмотря на попытку республиканцевъ учредить республику. Папа съ неодобреніемъ смотрѣлъ на правленіе Медичи, но они были во Флоренціи слишкомъ сильны и партія piagnoni не смѣла даже роптать, боясь тюрьмы и казни. Императоръ Карлъ V желѣзною рукою правилъ неаполитанскимъ королевствомъ, Ломбардіею и отдѣльными городами (Луккою, Сіенною и т. д), принадлежавшими ему въ остальной Италіи. Всякая тѣнь самостоятельности городовъ была изгнана совершенно, и военное управленіе намѣстниковъ водворило относительную тишину и спокойствіе въ этихъ многострадальныхъ частяхъ полуострова. Вообще, самодержавный режимъ сдѣлалъ въ Италіи XVI вѣка огромные успѣхи именно подъ вліяніемъ императора Карла V, самаго могущественнаго итальянскаго государя, считавшагося для Козимо II Медичи флорентійскаго и для другихъ мелкихъ державцевъ недосягаемымъ идеаломъ величія. Этотъ политическій режимъ такъ и додержался въ полной неприкосновенности до средины XIX столѣтія, и всѣ слабыя попытки, предпринимавшіяся за триста лѣтъ отъ эпохи императора Карла V до эпохи еще живущаго въ настоящее время императора Франца-Іосифа, — оказывались безнадежными и безсильными измѣнить режимъ, вкравшійся въ итальянскую жизнь въ XIV—XV вв., и укрѣпленный окончательно владычествомъ Карла V. Единственный болѣе или менѣе крупный и самостоятельный владѣтель — папа никакъ не могъ и не хотѣлъ ссориться съ императоромъ, потому что борьба съ реформаціей на всемъ континентѣ Европы, въ особенности же въ Германіи, была немыслима безъ содѣйствія Карла. Поэтому, напримѣръ, когда открылся въ 1545 году знаменитый тридентскій соборъ, то папа всѣ силы своего авторитета употребилъ на то, чтобы потушить всякія неудовольствія противъ Испаніи, ибо помощь императора въ начинавшемся трудномъ дѣлѣ католическаго возрожденія казалась ему слишкомъ драгоцѣнной. Въ 1547 году въ Сіеннѣ, въ Неаполѣ и кое-гдѣ въ Тосканѣ (кромѣ Сіенны) были попытки вооруженныхъ возстаній противъ испанскаго владычества, но императорскіе намѣстники задушили броженіе въ самомъ зародышѣ. Въ Генуѣ Джованни Фіеско съ нѣсколькими заговорщиками убилъ попавшаго въ ихъ руки племянника губернатора

Доріа, но совершенно случайно упалъ въ море, поскользнувшись на одномъ корабельномъ трапѣ, и утонулъ; заговоръ не удался, такимъ образомъ, еще раньше, нежели его участники столкнулись съ войсками. Отношенія между папою и испанцами ухудшились лишь въ послѣдніе годы понтификата Павла III, но исключительно вслѣдствіе слишкомъ ужь безцеремоннаго хозяйничанья намѣстниковъ Карла на полуостровѣ и захвата ими чужихъ земель; но смерть Павла III въ 1549 году и восшествіе на папскій престолъ Юлія III избавили Карла даже отъ тѣхъ неопасныхъ для него претензій папскаго двора, которыя начали было проскальзывать. Въ 1555 г. старый императоръ отказался отъ престола, и тогда же умеръ безцвѣтный Юлій III. Новый папа Павелъ IV, восьмидесятилѣтній старикъ, переживший личными впечатлѣніями всю исторію Италіи отъ временъ Савонаролы, съ неожиданной энергіей принялся за дѣло эмансипаціи полуострова изъ подъ испанскаго ига. Его прямыя враждебныя дѣйствія противъ наслѣдника Карла, короля Филиппа II, не заставили себя ждать. Карлъ передалъ Филиппу Неаполь, Сицилію, миланское герцогство и разбросанныя въ разныхъ частяхъ полуострова большія помѣстья, Павелъ IV, съ жаромъ продолжавшій дѣло католическаго возрожденія, считалъ совершенно необходимымъ оградить независимость церковной области отъ всевозможныхъ посягательствъ Испаніи. Для этой цѣли онъ заключилъ союзъ съ французскимъ королемъ Генрихомъ II, и началъ войну противъ Филиппа. Но съ Испаніей справиться было слишкомъ еще трудно, и войско Филиппа оборонялось чрезвычайно ожесточенно на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только Павлу IV удалось поднять противъ испанскаго владычества тайныхъ и явныхъ его враговъ. Папа прибѣгнулъ къ рѣшительному средству, чтобы заинтересовать французовъ въ войнѣ: онъ предложилъ родственнику Генриха II герцогу Гизу неаполитанскій престолъ, который требовалось отнять у испанцевъ. Однако французы были разбиты Альбою и другими полководцами Филиппа II, которому весьма удобно было нападать на французовъ въ двухъ мѣстахъ: со стороны испанскихъ Нидерландовъ и со стороны Ломбардіи. Наконецъ, и римское населеніе подъ вліяніемъ враждебной папѣ фамиліи Колонна обнаруживало несомнѣн-

ную свою готовность передаться на сторону Испаніи. Оставалось, пока еще не поздно, помириться съ могущественнымъ врагомъ. Въ 1559 году въ Като-Камбрези былъ заключенъ миръ. Сіенна и Пьяченца отошли къ Флоренціи, савойскій герцогъ получилъ кое-какія прилегающія къ его землѣ владѣнія въ Ломбардіи; Миланъ, принадлежавшій Филиппу II, былъ окончательно поставленъ подъ верховный протекторатъ германскаго императора: такъ что даже въ случаѣ изгнанія оттуда испанцевъ, все равно, австрійская имперія могла всегда предъявить на все герцогство свои права. Римской церкви и ея руководителямъ приходилось все больше и больше привыкать къ мысли, что чисто политическая роль папства уже невозможна, что единственное дѣло, которое они могутъ дѣлать съ надеждою на успѣхъ — это борьба съ реформаціей и поддержка римско-католическихъ догматовъ. Вторая половина XVI вѣка прошла для Италіи однообразно: полнѣйшее безмолвіе царило въ испанскихъ владѣніяхъ Филиппа, во Флоренціи у Медичи, въ обнищавшей Венеціи, въ папскомъ Римѣ. Только мелкія сосѣдскія ссоры и драки нарушали эту монотонную тишину.

Самый полный деспотизмъ царилъ на всемъ протяженіи владѣній Испаніи. Губернаторы имѣли почти неограниченную власть надъ жизнью и смертью подданныхъ, назначали и собирали налоги, вели даже сосѣдскія войны, и сравнительно рѣдко обращались за инструкціями въ Мадридъ. Страны они не знали, а законовъ итальянскихъ не вѣдали и сами аборигены, ибо при постоянной смѣнѣ одного режима другимъ, при безпрерывныхъ войнахъ XII—XVI вв. всевозможныя уложенія и статуты были перепутаны до послѣдней степени вѣроятія. Въ Миланѣ еще было то, что отсутствовало въ другихъ испанскихъ владѣніяхъ: существовалъ, со временъ Карла V, небольшой наслѣдственный сенатъ, состоявшій изъ главныхъ представителей знати и имѣвшій совѣщательный голосъ при губернаторѣ; но и сенатъ этотъ никакого значенія, конечно, не имѣлъ. Налоги на земледѣльческомъ и городскомъ классахъ висѣли тяжкимъ бременемъ, доводившимъ страну до безнадежнаго разоренія: всѣ собираемыя деньги отчасти шли на содержаніе губернаторовъ, отчасти же на корабляхъ перевозились въ Испанію и удовлетворяли

потребностямъ военной политики Филиппа II, ведшаго постоянныя кампаніи въ обоихъ полушаріяхъ. Одинъ лѣтописецъ XVIII столѣтія говоритъ: „не было ни дома, ни человѣка, ничего — изъятаго отъ бремени податей; не было такой вещи, какъ бы она мала и незначительна ни была, ничего, относящагося къ продовольствію, одеждѣ, жилищу,— что не подверглось бы непосильному обложенію". Города, селенія, частныя лица входили въ безнадежные долги, банкротились, нищали подъ бременемъ податей, до нелѣпости несоразмѣренныхъ съ платежеспособностью населенія. Люди сами разоряли свои имѣнія и сносили дома, чтобы не быть принужденными уплачивать подати, превышавшія всякую доходность. Собранныя деньги, какъ сказано, шли исключительно на пользу Испаніи, которую итальянскіе хронографы тѣхъ временъ называютъ „вампиромъ, сосущимъ итальянскую кровь". Одною рукою опустошая карманы населенія, испанскіе губернаторы другою рукою препятствовали всякому развитію торговли и промышленности. Они обложили такими ввозными пошлинами красящія вещества, что въ конецъ искоренили производство цвѣтныхъ суконъ; запретили вывозить шелкъ — и торговля шелковыми матеріями пала. Торговцы хлѣбомъ, спиртными напитками, мельники, всѣ они были обязаны не отлучаться изъ своихъ мѣстъ, не расширять торговли, заводя филіальныя отдѣленія въ другихъ городахъ и т. д. При сравнительно маленькихъ размѣрахъ отдѣльныхъ земель, бывшихъ въ рукахъ Испаніи, у многихъ торговцевъ хлѣбомъ являлось иногда желаніе завести вывозную торговлю, но за это грозило ни болѣе, ни менѣе, какъ обезглавленіе. Контрабанда, разбои, причемъ разбойники держали на откупѣ всю продажную испанскую администрацію, полное истощеніе и обезлюдѣніе страны,—вотъ какія явленія прочно укоренились на полтораста лѣтъ невозбраннаго хозяйничанья испанцевъ на Апеннинскомъ полуостровѣ. Еще во второй половинѣ XVI столѣтія въ Миланѣ было семьдесятъ суконныхъ мануфактуръ; черезъ 30—35 лѣтъ, къ 1616 году, изъ нихъ уцѣлѣло всего пятнадцать; въ 1611 году въ Кремонѣ было тысяча триста купцовъ, — а черезъ 37 лѣтъ,—около 1648 года ихъ насчитывалось лишь сорокъ четыре человѣка; населеніе Кремоны въ 1584 году равнялось сорока

ную свою готовность передаться на сторону Испаніи. Оставалось, пока еще не поздно, помириться съ могущественнымъ врагомъ. Въ 1559 году въ Като-Камбрези былъ заключенъ миръ. Сіенна и Пьяченпа отошли къ Флоренціи, савойскій герцогъ получилъ кое-какія прилегающія къ его землѣ владѣнія въ Ломбардіи; Миланъ, принадлежавшій Филиппу II, былъ окончательно поставленъ подъ верховный протекторатъ германскаго императора: такъ что даже въ случаѣ изгнанія оттуда испанцевъ, все равно, австрійская имперія могла всегда предъявить на все герцогство свои права. Римской церкви и ея руководителямъ приходилось все больше и больше привыкать къ мысли, что чисто политическая роль папства уже невозможна, что единственное дѣло, которое они могутъ дѣлать съ надеждою на успѣхъ это борьба съ реформаціей и поддержка римско-католическихъ догматовъ. Вторая половина XVI вѣка прошла для Италіи однообразно: полнѣйшее безмолвіе царило въ испанскихъ владѣніяхъ Филиппа, во Флоренціи у Медичи, въ обнищавшей Венеціи, въ папскомъ Римѣ. Только мелкія сосѣдскія ссоры и драки нарушали эту монотонную тишину.

Самый полный деспотизмъ царилъ на всемъ протяженіи владѣній Испаніи. Губернаторы имѣли почти неограниченную власть надъ жизнью и смертью подданныхъ, назначали и собирали налоги, вели даже сосѣдскія войны, и сравнительно рѣдко обращались за инструкціями въ Мадридъ. Страны они не знали, а законовъ итальянскихъ не вѣдали и сами аборигены, ибо при постоянной смѣнѣ одного режима другимъ, при безпрерывныхъ войнахъ XII—XVI вв. всевозможныя уложенія и статуты были перепутаны до послѣдней степени вѣроятія. Въ Миланѣ еще было то, что отсутствовало въ другихъ испанскихъ владѣніяхъ: существовалъ, со временъ Карла V, небольшой наслѣдственный сенатъ, состоявшій изъ главныхъ представителей знати и имѣвшій совѣщательный голосъ при губернаторѣ; но и сенатъ этотъ никакого значенія, конечно, не имѣлъ. Налоги на земледѣльческомъ и городскомъ классахъ висѣли тяжкимъ бременемъ, доводившимъ страну до безнадежнаго разоренія: всѣ собираемыя деньги отчасти шли на содержаніе губернаторовъ, отчасти же на корабляхъ перевозились въ Испанію и удовлетворяли

задачу исключительно въ экономической эксплуатаціи страны, не препятствовали населенію вооружаться и, гдѣ возможно, предпринимать правильныя облавы противъ знатныхъ грабителей; въ 1663 году въ Ломбардіи были даже обѣщаны большія денежныя награды за ихъ головы. Можно себѣ представить, насколько такого сорта уголовное правосудіе могло способствовать правильной и спокойной жизни въ Италіи. Въ Неаполѣ дѣло обстояло немногимъ лучше. Можно только замѣтить, что тутъ, въ неаполитанскомъ королевствѣ, при почти одинаковыхъ финансовыхъ и экономическихъ условіяхъ было гораздо меньше анархіи и больше правительственнаго воздѣйствія въ дѣлѣ защиты гражданъ отъ разбойниковъ. Были здѣсь время отъ времени испанскіе намѣстники, которые не шутя принимались за упорядоченіе города и страны, за изгнаніе бандитовъ и т. д., но эти исключительные чиновники были рѣдки. Глубокое равнодушіе къ политическимъ и общественнымъ интересамъ, сильно сказывавшееся въ большинствѣ итальянскаго народа, еще въ XIV—XV вв., окончательно сдѣлалось самою характерною его чертою въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Жадный интересъ обнаруживался только къ такимъ событіямъ, какъ въѣздъ или отъѣздъ губернатора, мелкія войны, предпринимавшіяся губернаторомъ противъ сосѣдей, и т. д. Необыкновенное любопытство возбуждали утонченнѣйшія и всегда публичныя пытки и казни, чуть не ежедневно совершавшіяся надъ бандитами, отравителями и другими уголовными преступниками до воровъ включительно: ихъ разрывали раскаленными щипцами, отрѣзывали черезъ каждые три часа по кусочку тѣла, засѣкали розгами и плетьми, вѣшали за ноги, сдирали кожу ремнями и пр. Нужно сказать, что жестокость уголовныхъ наказаній въ Италіи въ эти столѣтія далеко превзошла средневѣковыя, болѣе простыя и грубыя кары. Искусные палачи славились и превозносились; на казняхъ присутствовали и женщины высшаго класса, и множество дѣтей, которыхъ водили, чтобы внушать отвращеніе къ пороку. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Ломбардіи правосудіе было организовано нѣсколько болѣе сложно, чѣмъ въ не принадлежавшихъ Испаніи земляхъ —Тосканѣ, Церковной области. Въ первыхъ странахъ каждый округъ обладалъ (назначаемымъ) судомъ, рѣшавшимъ

дѣло въ первой инстанціи; далѣе слѣдовалъ апелляціонный судъ второй инстанціи, и, наконецъ, судилище при намѣстникѣ („св. Клары“) для постановки окончательныхъ рѣшеній въ третьей и послѣдней инстанціи, состоявшее изъ десяти итальянцевъ и пяти испанцевъ, непремѣнно подъ предсѣдательствомъ испанца. Впрочемъ, населеніе испанцамъ вѣрило больше, чѣмъ своимъ туземнымъ нобилямъ. Весьма часто нобили, напримѣръ, брали на откупъ сборъ податей, и населеніе тогда умоляло о присылкѣ изъ Мадрида ревизоровъ для изслѣдованія ихъ злоупотребленій и вымогательствъ.

Нужно сказать, что внѣшняя культура ширилась и росла въ это время въ Италіи, но едва ли не въ одномъ только довольно узкомъ направленіи. Для богатыхъ людей удовольствія и развлеченія становились все изящнѣе и разнообразнѣе. Театръ, пѣніе, музыка — всѣ эти искусства процвѣтали въ Италіи, и только въ ней одной. Тогда же распространилась та особая форма уличной жизни, которая потомъ (съ XVIII столѣтія) перешла во Францію и другія страны Европы. Кофейни, кафэ-концерты, открытыя помѣщенія для закусыванія, сады, гдѣ подавался перешедшій изъ Испаніи (въ XVII вѣкѣ) шоколадъ,—все это поражало путешественника, прибывшаго съ сѣвера и создавало нищей и разоренной Италіи репутацію страны легкихъ и изящныхъ удовольствій, страны искусствъ и веселой жизни. Обиліе проститутокъ, въ особенности, привлекало „форестьеровъ“, которые уже тогда, съ XVII столѣтія, становятся весьма замѣтны во Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, Болоньѣ, меньше въ Венеціи и грязной Генуѣ. Красота итальянскихъ женщинъ и страшно возросшее число публичныхъ домовъ создали своеобразную репутацію Италіи, которая еще такъ недавно, въ XIV, XV, даже въ началѣ XVI столѣтія славилась, какъ страна лучшихъ университетовъ и самой богатой литературы. Впрочемъ, литература и все умственное движеніе, столь пышно начатое въ эпоху Ренессанса, со второй половины XVI столѣтія, замерло, какъ бы придавленное католической реакціей.

V.

Замѣчательно, что и въ эти монотонно тянувшіяся столѣтія (XVI—XVII), въ это время чужеземнаго владычества, глубочайшаго политическаго ничтожества, полнаго экономическаго упадка, спорадически появлялись весьма крупныя литературныя величины, но дѣятельность ихъ не давала въ результатѣ ни общей школы, ни отдѣльныхъ крупныхъ направленій, запечатлѣнныхъ общею мыслью, общими, руководящими тенденціями. Только поэтому литература въ Италіи XVI — XVII вв. представляется такою бѣдною и скудною сравнительно съ эпохою Ренессанса.

Освободительныя тенденціи Ренессанса, перейдя во Францію, въ Голландію, въ Германію, въ Англію, въ самой Италіи почти совсѣмъ зачахли. Два свободныхъ мыслителя — Джордано Бруно и Ванини — почти всю свою жизнь провели внѣ предѣловъ родины, и литературная дѣятельность ихъ вліяла на Францію, Англію, Германію гораздо больше, нежели на итальянскую литературу. Впрочемъ, сначала нужно сказать нѣсколько словъ о самомъ выдающемся поэтѣ Италіи въ XVI вѣкѣ.

Торквато Тассо (1541—1595) первый въ Европѣ началъ ту поэтическую идеализацію крестовыхъ походовъ, которая впослѣдствіи составила столь замѣтное содержаніе романтизма. „Освобожденный Іерусалимъ“ не блещетъ, въ сущности, никакими особыми достоинствами, но пройти его молчаніемъ нельзя, принимая во вниманіе огромное распространеніе этой поэмы въ Италіи, гдѣ даже уличные пѣвцы перекладывали на музыку и распѣвали отдѣльныя ея строфы. Аристократическій, монархическій и клерикальный духъ проникаетъ всѣ его произведенія. Его даже подозрѣвали въ религіозномъ помѣшательствѣ, и его покровитель герцогъ Феррарскій Альфонсъ даже заключилъ его въ госпиталь св. Анны, руководствуясь, впрочемъ, повидимому, чисто личными соображеніями. Религіозное чувство Тассо было до такой степени живо и сильно, что онъ себя считалъ величайшимъ грѣшникомъ только потому, что иногда его посѣщали (въ молодости) религіозныя сомнѣнія. Суще-

ствованіе его началось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія іезуитскаго ордена, а оборвалось въ 1595 году, въ самый разгаръ свирѣпствовавшей въ Италіи и Испаніи католической реакціи. Духъ эпохи остался на его произведеніяхъ, но отразился на нихъ не протестомъ, а, такъ сказать, общею придавленностью, угнетенностью мысли, трепетнымъ и благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ католицизмомъ. Въ пять лѣтъ „Освобожденный Іерусалимъ“ разошелся въ количествѣ двадцати изданій. Тассо читали и заучивали наизусть, какъ человѣка, которому удалось опоэтизировать суровую и непреклонную религіозную борьбу, похожую на ту, какая велась въ XVI вѣкѣ противъ реформаціи. Іерусалимъ, освобождаемый отъ невѣрныхъ, и римская церковь, спасаемая отъ лютеранъ и кальвинистовъ, сливались для современниковъ поэта въ одно величавое представленіе; когда католическая реакція ослабѣла, уже въ концѣ XVII столѣтія, даже итальянцы не могли понять впечатлѣнія, произведеннаго „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ на ихъ предковъ, а во Франціи онъ пересталъ читаться еще раньше.

Кромѣ Тассо было въ Италіи XVI—XVII вв. около полутора десятка поэтовъ меньшого дарованія, не представляющихъ никакого общекультурнаго интереса. Гораздо характернѣе въ этомъ смыслѣ дѣятельность и судьба двухъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ философовъ, изъ всѣхъ, жившихъ послѣ Помпонацци.

VI.

Въ Помпонацци мы видѣли послѣдовательнаго философскаго скептика и раціоналиста, отвергавшаго всѣ религіозные догматы, вѣру въ чудеса и т. д. Онъ умеръ совершенно спокойно, въ 1525 г., почитаемый своими товарищами-профессорами, пользуясь благосклонностью папскаго двора. Но начавшаяся и усилившаяся вскорѣ послѣ его смерти католическая реакція заставила забыть объ его ученіяхъ; сжигались люди, не обладавшіе и сотой долею смѣлости Помпонацци, всякое проявленіе мало-мальски отступающей отъ догмата мысли сурово преслѣдовалось и каралось.

Только во второй половинѣ XVI и первой четверти XVII

столѣтія въ Италіи одинъ за другимъ появились и погибли два мыслителя, принявшихъ литературное наслѣдіе автора трактата „О безсмертіи души“. И Джіордано Бруно, и Ванини, къ своему личному несчастью, обладая умственною смѣлостью Помпонацци, жили уже въ несравненно менѣе терпимую эпоху, нежели времена ихъ общаго учителя. Но ихъ смерть на кострѣ какъ бы особенно упрочила и сдѣлала болѣе памятною традицію философскаго свободомыслія. Казнь Ванини, а, еще больше, Бруно всегда выдвигалась, какъ яркій примѣръ самой вопіющей нетерпимости и злодѣйской жестокости папскаго Рима.

Джіордано Бруно (1550—1600) еще въ юные годы покинулъ доминиканскій монастырь, а вскорѣ затѣмъ и Италію, и отправился въ Женеву. Гнала его, повидимому, кромѣ неукротимой жажды свободы, еще и ненависть къ испанскому владычеству. Но кальвинистская Женева была во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно сомнительною хранительницею свободы, и Бруно вскорѣ подвергся тамъ преслѣдованіямъ за слишкомъ рѣзкія и отрицательныя свои сужденія о христіанствѣ. Тогда для Бруно началась скитальческая жизнь, полная треволненій, впечатлѣній и постояннаго философскаго творчества. Онъ посѣтилъ Францію, Англію, гдѣ былъ принять въ высшемъ обществѣ, Германію, гдѣ около него образовался своего рода литературный клубъ, и всюду онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своею богатѣйшею философскою эрудиціей, быстрымъ блестящимъ, оригинальнымъ и сильнымъ умомъ, смѣлостью и глубиною сужденій. Онъ съ глубочайшимъ почтеніемъ относился къ еретическимъ открытіямъ Коперника, и въ своемъ трактатѣ (подъ страннымъ заглавіемъ: „Торжествующее животное“) осыпаетъ самыми ядовитыми сарказмами католическую церковь; уже этихъ двухъ обстоятельствъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ для инквизиціи. Но Джіордано Бруно, сверхъ того, выдвинулъ, цѣлую теорію о сущности міра, весьма фантастическую, однако, очень стройную и поставившую его въ глазахъ католическаго (особенно итальянскаго) клира въ ряды опасныхъ ересіарховъ. Но для исторіи философскихъ ученій система Бруно особаго интереса не представляетъ; она носитъ довольно рѣзко выра-

женный пантеистическій характеръ и основана на предположеніи, что Божественный духъ проникаетъ все сущее, и что весь существующій міръ есть „Богъ въ численности". Съ репутаціей безбожника, атеиста, богохулителя, ересіарха, Джіордано Бруно путешествовалъ тѣмъ не менѣе безъ всякой особой помѣхи; но, соскучившись по родинѣ, онъ имѣлъ неосторожность вернуться въ Италію, поступилъ въ качествѣ воспитателя въ богатый домъ венеціанскаго патриція Мочениго, былъ преданъ своимъ ученикомъ, отправленъ въ Римъ, гдѣ его нѣсколько лѣтъ продержали въ погребѣ инквизиціонной тюрьмы и, наконецъ, сожгли (въ 1600-мъ году), напрасно добиваясь отъ него отреченія отъ „заблужденій". Извѣстіе о его казни вызвало чрезвычайно большое волненіе въ Англіи и Германіи среди всѣхъ знавшихъ его и сильно оживило интересъ къ его ученіямъ. Но нѣкоторая смутность положительныхъ его идей обусловила тотъ фактъ, что и въ Европѣ, и въ Италіи Джіордано Бруно гораздо болѣе былъ извѣстенъ, какъ критикъ и отрицатель католическихъ догматовъ и римской церковной политики, нежели какъ творецъ философской системы. Страдальческая кончина, повторяемъ, упрочила навѣки его славу.

Въ еще большей мѣрѣ можно сказать о другомъ послѣдователѣ и продолжателѣ Помпонацци — молодомъ философѣ Джуліо Ванини, что своею извѣстностью онъ обязанъ не столько своимъ произведеніямъ, сколько эшафоту. Родился онъ недалеко отъ Неаполя, въ 1585 году; первое воспитаніе получилъ въ Римѣ, гдѣ и увлекся до крайней степени ученіемъ Помпонацци. Чтеніе Помпонацци натолкнуло его на изученіе аверроизма, давно уже замершаго на итальянской почвѣ, но оставившаго по себѣ слѣдъ въ видѣ переводныхъ и оригинальныхъ трактатовъ въ книгохранилищахъ Рима, Флоренціи, Милана. Университетскій курсъ ему пришлось уже оканчивать въ Падуѣ, гдѣ особенно были живы помпонацціевскія традиціи, а послѣ университета, уже съ дипломомъ доктора гражданскаго и каноническаго права, онъ отправился путешествовать по Европѣ. Онъ, подобно Джіордано Бруно, посѣтилъ одну за другою почти всѣ страны Европы, но, въ то время какъ его соотечественнику больше всего по сердцу пришлись Англія и Германія,

Ванини облюбовалъ Францію, куда и возвращался постоянно послѣ самыхъ разнообразныхъ экскурсій. Въ 1615 году онъ издалъ свой основной трактатъ подъ витіеватымъ названіемъ: „Театръ вѣчнаго провидѣнія“, а въ 1616 г. (въ Парижѣ) — второе и послѣднее сочиненіе „Діалоги“. Въ этихъ двухъ своихъ произведеніяхъ Ванини развиваетъ и иллюстрируетъ примѣрами мнѣнія о смертности души, объ отсутствіи чудесъ, о произвольности весьма многихъ римскихъ ученій. Онъ еще болѣе откровенный пантеистъ, нежели Джіордано Бруно; существованіе видимаго міра онъ приписываетъ „богинѣ природѣ“, которой и поетъ религіозные гимны. Что касается до чисто отрицательной части его ученій, то она сосредоточивается главнымъ образомъ въ критикѣ Библіи, и рѣже, Евангелія. „Дѣти, рождающіяся слабоумными, весьма способны стать хорошими католиками“, читаемъ въ его діалогахъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „папа благословилъ святую воду и надѣлилъ ее безчисленными привилегіями, и поэтому я не хочу отрицать ея могущества, но, какъ философъ, я имѣю возраженія“. Здѣсь мы видимъ заимствованное у Аверроэса ученіе о двойной истинѣ, которое арабскій философъ формулировалъ такъ: „коранъ говоритъ одно, разумъ — другое; какъ магометанинъ — вѣрю, какъ философъ — отвергаю“.

Въ 1618 году Ванини имѣлъ неосторожность переѣхать на жительство въ Тулузу, городъ католическій, строго клерикальный, находившійся подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ испанскихъ властей. Тулузская молодежь собиралась вокругъ него и жадно его слушала: Ванини былъ одаренъ краснорѣчіемъ. Вскорѣ на него былъ сдѣланъ однимъ изъ слушателей формальный доносъ тулузскому суду по обвиненію въ богохульствѣ и ереси; судъ приговорилъ Ванини къ страшной казни, которая весною 1619 года и была исполнена: ему отрѣзали языкъ, а затѣмъ философа сожгли на кострѣ. Въ Италіи имъ заинтересовались только лишь послѣ этой казни; но вообще помнили больше его мученичество, нежели литературную его дѣятельность.

За нѣсколько мѣсяцевъ до казни Ванини началась тридцатилѣтняя война; для Апеннинскаго полуострова она имѣла лишь

весьма отдаленное и косвенное значеніе, но въ очень сильной степени способствовала тому, что культурная жизнь во всей Европѣ, въ томъ числѣ и въ Италіи, стала еще скуднѣе и непригляднѣе. Католическая реакція достигла своего апогея; литература замерла; философовъ больше не появлялось; политическое ничтожество и расчлененіе казались настолько непреоборимыми, что уже не вызывали никакихъ мало-мальски значительныхъ протестовъ... XVII столѣтіе кончалось для Италіи блѣдно, безцвѣтно и безразсвѣтно, такъ же, какъ шла вся исторія итальянскаго народа со второй трети XVI вѣка, съ окончательнаго водворенія испанцевъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Италія съ конца XVII столѣтія до начала революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ.

I.

Въ теченіе всего времени испанскаго владычества въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ Ломбардіи, Сіеннѣ и Сардиніи — папская область оставалась вполнѣ независимымъ владѣніемъ церкви. Но, будучи безопасною отъ внѣшнихъ нападеній, Церковная область не переставала тяжко страдать отъ безчисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, гулявшихъ по ней вдоль и поперекъ. Умные и энергичные папы Павелъ III, Григорій XIII пробовали принимать мѣры противъ этого зла, но изъ ихъ попытокъ никакихъ ощутительныхъ послѣдствій не выходило. Они слишкомъ заняты были трудною борьбою съ реформаціей, которая пядь за пядью отнимала у католицизма средне-европейскую территорію. Съ другой стороны Оттоманская имперія, основавшаяся и утвердившаяся по сосѣдству съ Италіей, не переставала и въ XVI, и въ XVII вв. дѣлать попытки дессантовъ на всемъ длинномъ побережьи полуострова, и папы, не только въ качествѣ первыхъ представителей католическаго міра, но и какъ итальянскіе государи, находились въ вѣчной тревогѣ и неувѣренности за свое ближайшее будущее и были заняты постоянными дипломатическими попытками образованія союзовъ противъ турокъ для изгнанія ихъ изъ Европы и т. д. Поневолѣ интересы общественной безопасности, торговли, промышленности, земледѣлія въ Церковной области отходили слишкомъ часто на задній планъ.

Напримѣръ, въ семидесятыхъ годахъ XVI вѣка феодалъ герцогъ Пикколомини собралъ вокругъ себя цѣлое правильно органи-

зованное войско бродягъ и разбойниковъ и немилосердно опустошалъ всю Среднюю Италію, хотя испанскія владѣнія все-же больше щадилъ, нежели папскія, потому что неаполитанскій губернаторъ былъ гораздо сильнѣе папы. Кончилось тѣмъ, что папа въ 1581 году заключилъ формальнѣйшій мирный договоръ съ атаманомъ, и послѣдній торжественно, при музыкѣ и факелахъ, въѣхалъ въ Римъ, занялъ цѣлый дворецъ, принималъ просителей и поклонниковъ и, наконецъ, потребовалъ у папы отпущенія всѣхъ грѣховъ. Когда папа взглянулъ на безконечно длинный листъ, гдѣ были перечислены всѣ подвиги Пикколомини, онъ отказалъ въ отпущеніи. Но разбойникъ заявилъ категорически, что онъ убьетъ сына папы, если святой отецъ не отпуститъ грѣховъ. Пришлось согласиться, и Пикколомини съ облегченною душою принялся снова за свою дѣятельность. Такія явленія уже перестали изумлять тогдашнихъ итальянцевъ: деспотизмъ правительственной власти и въ испанскихъ владѣніяхъ, и въ церковныхъ, и во Флоренціи, и въ Венеціи ничуть не гарантировалъ населенія отъ полнѣйшей анархіи и разбойничьихъ набѣговъ; чиновники вымогали деньги открыто, разбойники менѣе регулярно и болѣе по ночамъ, но принципіальная между ними разница въ глазахъ жителей полуострова исчезала все больше и больше. Продажная полиція была въ стачкѣ съ бандитами, и союзники обоюдно и полюбовно дѣлились между собою услугами и добычей. Понтификатъ папы Сикста V (1585—1590) является маленькимъ оазисомъ въ эти столѣтія анархіи, разбоя и повсемѣстнаго грабежа. При немъ, если не вся Италія, то Церковная область нѣсколько отдохнула отъ своихъ бѣдствій. Феличе Перетти, ставшій въ 1585 году папою Сикстомъ V, всю свою жизнь до избранія провелъ въ засѣданіяхъ инквизиціи, въ застѣнкахъ, гдѣ пытали еретиковъ, въ кардинальскихъ собраніяхъ, гдѣ обсуждались мѣропріятія противъ двигавшейся съ сѣвера реформаціи, и всюду обнаруживалъ необыкновенную энергію, работоспособность и настойчивость, наряду съ непреклоннымъ, повелительнымъ складомъ характера. Его кардиналы не любили и, собственно, избрали, только надѣясь на болѣзненность и хрупкость его организма, на его близкую кончину. Но, тотчасъ по избраніи, Перетти вдругъ сталъ какъ будто совсѣмъ другимъ чело-

вѣкомъ: пересталъ охать и жаловаться на боли, выпрямился и обнаружилъ необыкновенный приливъ жизненныхъ силъ. Сикстъ V немилосердно вѣшалъ разбойниковъ, даже если они оказывались ближайшими родственниками кардиналовъ, и вѣшалъ ихъ на самой улицѣ, предъ окнами ихъ квартиръ. Длиннѣйшіе списки разбойниковъ были прибиты во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ съ обѣщаніями значительныхъ денежныхъ наградъ и полнаго помилованія ихъ сообщникамъ, которые доставятъ перечисленныхъ лицъ живыми или мертвыми. Ежедневно слѣдовали безконечныя казни; казнили и матерей, и женъ разбойниковъ, если была хоть тѣнь подозрѣнія въ укрывательствѣ или недонесеніи; вѣшали 12—13-лѣтнихъ мальчиковъ, если находили ихъ вооруженными въ лагерѣ разбойниковъ; вѣшали всякаго полицейскаго, уличеннаго въ сношеніяхъ съ бандитами. Папа высылалъ изъ города или сажалъ въ тюрьмы и подвергалъ бичеванію всякаго, кто не могъ точно и ясно объяснить свои доходы. Благодаря этимъ драконовскимъ мѣрамъ, бандиты, дѣйствительно, временно перенесли свою дѣятельность за границы папскихъ владѣній. Съ мирными подданными своими Сикстъ V обращался также весьма круто, но его любили, потому что послѣ очень долгаго промежутка видѣли на папскомъ престолѣ человѣка, дѣйствительно поглощеннаго интересами своего народа. Онъ устраивалъ хлѣбные магазины, изъ которыхъ раздавались припасы въ голодные годы нуждающимся; сильно сократилъ расходы папскаго двора, и изъ $1^1/_2$ милліона золотыхъ экю, получаемыхъ ежегодно въ тѣ времена куріей,—успѣвалъ и платить проценты по обязательствамъ своихъ предшественниковъ, и откладывать огромныя суммы про запасъ, и вести придворное хозяйство. Конечно, за пять лѣтъ его понтификата финансовое положеніе Церковной области поправиться не могло; голодовки въ народѣ, нищета въ папской казнѣ были постоянными явленіями до начала и послѣ конца правленія Сикста. Въ срединѣ XVI столѣтія населеніе Рима равнялось приблизительно 45 тысячамъ душъ, хотя, конечно, тогдашней статистикѣ особенно довѣрять было бы наивно.

Въ XVII вѣкѣ число это уменьшилось вслѣдствіе голодовокъ, бѣгства въ другія области и всяческаго раззоренія, прогрессировав-

шаго изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, но во времена Сикста V Папская область считалась, наряду съ Тосканою, наиболѣе населенною изъ всѣхъ независимыхъ отъ испанцевъ земель. Герцогъ флорентійскій Фердинандъ, современникъ Сикста V, вступилъ съ папою въ самыя дружественныя сношенія; интересно, что какая-то смутная пока національная тенденція руководила обоими союзниками при этомъ сближеніи въ виду расположенныхъ въ Ломбардіи и Неаполѣ испанскихъ войскъ; вскорѣ къ нимъ примкнула и Венеція. Но Сикстъ V умеръ, и встревожившійся было Филиппъ II могъ опять успокоиться. Въ XVII столѣтіи потянулись нескончаемыя распри и ссоры между самостоятельными итальянскими владѣтелями и испанскими губернаторами по поводу мелкихъ земельныхъ участковъ, сомнительныхъ границъ, невыдачи бандитовъ и т. д. Никакой общей идеи, никакихъ твердо обоснованныхъ и выясненныхъ общихъ интересовъ— національныхъ-ли, сословныхъ-ли, экономическихъ-ли—нельзя усмотрѣть въ подавляющей массѣ этихъ безпрерывныхъ, похожихъ другъ на друга свалокъ между населеніемъ отдѣльныхъ государствъ и провинцій полуострова. Изрѣдка, зарницами, вспыхивали (обыкновенно, въ испанскихъ провинціяхъ) тревожные огоньки, которымъ только слишкомъ сильное матеріальное сопротивленіе не давало разгорѣться въ большой пожаръ, но которые оставались надолго въ народной памяти. Безчисленныя династическія войны и драки канули въ Лету весьма быстро, а, напримѣръ, такое, въ сущности, совершенно безрезультатное происшествіе, какъ возмущеніе Мазаніелло въ Неаполѣ, удержалось въ преданіяхъ, сказаніяхъ и народной поэзіи до настоящаго времени: Мазаніелло остался въ итальянской легендѣ представителемъ демократическихъ и національныхъ интересовъ, и это выдѣлило его навсегда изъ безцвѣтной массы политическихъ дѣятелей Италіи XVI, XVII, XVIII вв. Событіе, связанное съ его именемъ, происходило такъ. Съ самаго начала своего управленія Франціею кардиналъ Мазарини не переставалъ дѣлать попытки территоріальныхъ завоеваній на почвѣ неаполитанскихъ владѣній Испаніи: сокрушеніе (уже, впрочемъ, клонившагося къ упадку) испанскаго могущества, было, какъ извѣстно, однимъ изъ руководящихъ мотивовъ всей политики французскаго правителя. Испанскій намѣстникъ,

вице-король неаполитанскій, долгіе годы отражалъ всѣ французскія тайныя интриги и открытыя морскія нападенія, не получая почти никакой поддержки изъ Мадрида. Вообще, нужно замѣтить, что испанское центральное правительство ничуть не тревожило себя размышленіями объ охранѣ своихъ отдаленныхъ провинцій: это дѣло цѣликомъ лежало на вице-короляхъ. Они должны были заботиться и о деньгахъ, и о войскахъ, нужныхъ для отраженія непріятеля. Правда, контроль надъ доходами и расходами провинцій, и безъ того весьма слабый, совершенно отмѣнялся въ минуты военныхъ невзгодъ, но отъ этого вице-королямъ бывало не легче, потому что финансы приходилось пополнять новыми и новыми налогами все съ того же обнищавшаго и вѣчно голоднаго населенія. Въ 1647 г. борьба съ французами заставила вице-короля учредить новый налогъ, и самый тяжелый для народа,—налогъ на фрукты, ибо всѣ уже существовавшіе были сданы на откупъ, деньги откупщиками уже внесены и давно истрачены. Налогъ на фрукты тяжко поражалъ интересы неаполитанской голытьбы, весьма многочисленной, издавна разоренной испанскимъ владычествомъ и питавшейся только дешевыми плодами, въ изобиліи ростущими въ этомъ климатѣ. Лѣтомъ 1647 года, вскорѣ послѣ объявленія новаго налога, въ Неаполѣ началось броженіе, во главѣ котораго сталъ молодой рыбакъ изъ города Амальфи нѣкій Томмазо Аніелло; предводительствуя толпами народа, этотъ юноша, котораго въ просторѣчіи называли сокращенно—Мазаніелло,—устраивалъ одну за другою самыя внушительныя демонстраціи противъ новаго налога. Наконецъ, населеніе, подъ вліяніемъ Мазаніелло, окончательно отказалось платить новый налогъ, сожгло податныя книги, избило сборщиковъ и бурно окружило дворецъ вице-короля. Толпа кричала, что она повинуется и будетъ впредь повиноваться испанскому королю, но что народъ умираетъ отъ голода, что администрація грабитъ его и т. д. Вице-король перепугался чрезвычайно, и умолялъ толпу успокоиться, обѣщая общее прощеніе для всѣхъ взбунтовавшихся. Когда это не помогло, онъ пообѣщалъ вѣчную пенсію Мазаніелло, если тотъ воспользуется своимъ вліяніемъ, чтобы успокоить толпу. Мазаніелло отказался наотрѣзъ отъ подобнаго предложенія, и съ удвоенною яростью продолжалъ

наступательныя дѣйствія противъ вице-короля. Весьма скоро бунтовщики овладѣли городомъ, разбили тюрьмы, выпустили всѣхъ арестованныхъ за неуплату податей, роздали освобожденнымъ оружіе, и Мазаніелло сдѣлался фактическимъ диктаторомъ Неаполя. Интересно, что при всѣхъ этихъ быстрыхъ успѣхахъ инсургенты совершенно не надѣялись избавиться отъ испанскаго владычества окончательно; они не переставали кричать: „да здравствуетъ король“, сжигая казенныя зданія, выносили оттуда предварительно портретъ короля, и всячески подчеркивали, что Мазаніелло протестуетъ противъ мѣстнаго управленія и его злоупотребленій, а не противъ владычества Испаніи. Они ясно понимали, что обязаны своими успѣхами, преимущественно, тому обстоятельству, что войска отосланы на границы королевства; свою побѣду Мазаніелло первый готовъ былъ считать скоропреходящею. Вице-король также довольно скоро опомнился отъ своего испуга; онъ одного за другимъ подослалъ пять тайныхъ убійцъ, чтобы покончить съ Мазаніелло, но всѣ убійцы попали въ руки народа и были растерзаны, не успѣвши совершить своего дѣла. Эти предательскія попытки сильно разъярили армію лаццарони, собравшуюся вокругъ Мазаніелло, и вице-король счелъ долгомъ пригласить народнаго предводителя для личныхъ переговоровъ. Переговоры состоялись, благодаря вмѣшательству духовенства, въ полномъ составѣ находившагося на сторонѣ испанскаго правительства. Архіепископъ угрожалъ Мазаніелло отлучить его отъ церкви, если тотъ не согласится на переговоры съ вице-королемъ, и не одѣнется для этого случая поприличнѣе. Свиданіе состоялось; нѣсколько десятковъ тысячъ лаццарони окружили дворецъ, гдѣ оно происходило, и Мазаніелло нѣсколько разъ долженъ былъ выходить къ нимъ и увѣщевать вести себя спокойнѣе. Вице-король чрезвычайно ласково и предупредительно съ нимъ обошелся, называлъ смѣлаго рыбака „сынъ мой“, и согласился на большую часть требованій объ отмѣнѣ тяжкихъ налоговъ. Колоссальная народная овація была устроена Мазаніелло при его выходѣ; но Мазаніелло, переживавшій теперь дни славы, могущества и блеска, гналъ отъ себя заискивавшихъ предъ нимъ испанскихъ рыцарей, и не переставалъ повторять, что его мечта—поскорѣе успокоить городъ и вернуться къ своему ры-

бацкому челноку. Но волненіе утихало слишкомъ медленно; а пока съ Мазаніелло начало происходить нѣчто неладное. Онъ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ, не разобравши толкомъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ; скакалъ на бѣшеныхъ коняхъ по городу, давя прохожихъ; швырялъ въ толпу деньги, собранныя для дальнѣйшихъ цѣлей возстанія и т. д. Слухъ о его помѣшательствѣ дѣлался все болѣе и болѣе настойчивымъ; вице-король, ни одной минуты, конечно, не помышлявшій искренно о мирѣ съ Мазаніелло,—подъ рукою распространялъ и подтверждалъ этотъ слухъ. Боясь открыто порвать связи съ Мазаніелло, вице-король приказалъ послушному ему духовенству заманить диктатора въ исповѣдальню далекой церкви, и когда это было исполнено, убійцы зарѣзали Мазаніелло. Похороны ему были устроены самыя пышныя; рядомъ съ плачущимъ народомъ шли посланныя вице-королемъ траурныя испанскія войска. Но это притворство не особенно много помогло. Возстаніе вспыхнуло съ новою силою и пріобрѣло уже характеръ соціальнаго бунта; крики: „смерть богатымъ“, разрушеніе нѣсколькихъ великолѣпныхъ дворцовъ не только испанскихъ, но и итальянскихъ, убійство не только сборщиковъ податей, но и откупщиковъ, — все это показывало, что дѣло идетъ не объ одномъ лишь налогѣ на фрукты. Сынъ короля испанскаго Филиппа IV, Донъ-Жуанъ Австрійскій, пріѣхалъ со спеціальнымъ флотомъ и войскомъ, чтобы покарать бунтовщиковъ, и послѣ многихъ перипетій, разстрѣливанія народа изъ пушекъ, примиреній, обѣщаній, амнистій и т. д., послѣ появленія въ Неаполитанскомъ заливѣ французской эскадры и ея бѣгства, испанское правительство могло, наконецъ, считать неаполитанскую свою провинцію болѣе или менѣе замиренною. Все осталось по-прежнему; снова мало-по-малу, одинъ за другимъ, были утверждены налоги на хлѣбъ, на предметы первой необходимости; снова нищее населеніе погрузилось въ свое вялое и дремотное прозябаніе. Что же касается, собственно, до національнаго итальянскаго дѣла, то оно скорѣе проиграло, нежели выиграло отъ этой вспышки: при Мазаніелло и послѣ него много знатныхъ итальянцевъ погибло отъ рукъ народа вмѣстѣ со своими замками и имуществомъ, не мало ихъ пострадало также отъ казней, конфискацій и иныхъ репрессій во время усмиренія воз-

станія, ибо исторія 1647 —48 г. г. была полна самыхъ неожиданныхъ перипетій и перетасовокъ. Когда же все успокоилось, многими землями, оставшимися безъ хозяевъ, завладѣли вельможи и рыцари испанскаго происхожденія. Снова потянулись для Италіи, состоявшей подъ испанскою властью, и, въ частности, для Неаполя тяжелыя, безпросвѣтныя времена, времена истощенія и нищеты большинства народа, и сомнительнаго благополучія меньшинства, примыкавшаго къ испанцамъ и начинавшаго утрачивать свою національность. „Фальшивые монетчики, грабители, бандиты, испанцы, полунищая полуразбойничья аристократія, алчные откупщики налоговъ, нищій народъ"—вотъ какія явленія, безпрестанно поминаемыя современными писателями, доминировали въ итальянской жизни въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

II.

Конецъ XVII в. былъ временемъ, когда католическая реакція уже повсемѣстно ослабѣла; реформація и католицизмъ застыли въ тѣхъ своихъ географическихъ границахъ, въ какихъ застало ихъ начало тридцатилѣтней войны; наступленіе реформаціи окончилось, одновременно прекратилась и оборона католицизма. На престолѣ св. Петра снова стали появляться одинъ за другимъ жалкіе, дряблые, своекорыстные люди, думавшіе только о благополучіи и обогащеніи своихъ дѣтей и племянниковъ, и нисколько не занятые какими-бы то ни было общими интересами. Общая тенденція римской куріи въ концѣ XVII столѣтія заключалась въ стремленіи завязать прочныя дипломатическія связи съ французскимъ дворомъ и противупоставить могущественную поддержку Людовика XIV всѣмъ поползновеніямъ Испаніи захватить сосѣднія съ Неаполомъ или Ломбардіей земли. Въ это же время стало быстро крѣпнуть государство, которое въ предшествующіе вѣка считалось однимъ изъ ничтожнѣйшихъ и которому суждено было впослѣдствіи объединить Италію.

Двѣ сосѣднія сѣверо-итальянскія мѣстности—Савойя и Пьемонтъ съ средины XI столѣтія находились во власти самостоятельныхъ владѣльцевъ

савойскихъ графовъ. Въ XIII столѣтіи савойская династія, всегда стоявшая на сторонѣ гибеллиновъ, потеряла Пьемонтъ, но пріобрѣла сто лѣтъ спустя огромное феодальное владѣніе—ниццское графство, а черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого событія возсоединила и Пьемонтъ. Столица савойскихъ графовъ Туринъ всегда подвергалась чрезвычайнымъ опасностямъ при всѣхъ нашествіяхъ на Апеннинскій полуостровъ, потому что для французскихъ армій этотъ городъ являлся первымъ итальянскимъ этапомъ, первою и самою близкою приманкою. Не разъ во время войнъ за Италію французы занимали всю страну и жестоко грабили ее, и враждебная французамъ традиція весьма долго и упорно держалась въ савойской политикѣ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія дѣло доходило даже до наступательныхъ дѣйствій герцогства противъ Франціи, раздиравшейся религіозными внутренними войнами. Конечно, никакихъ результатовъ эта политика герцога Карла-Эммануила не дала. Въ эпоху испанскаго владычества въ Ломбардіи и Неаполѣ, полнаго упадка Генуи, ослабленія Флоренціи и всего тосканскаго герцогства Медичи, тяжкой борьбы Венеціи съ турками, политическаго ничтожества римской куріи,—Савойская династія являлась единственною, хоть немного благоустроенною и независимою страною въ Италіи. Впрочемъ, она со второй половины XVII столѣтія вступила на путь сближенія съ Франціей, и это тотчасъ же отразилось на ней весьма большими затратами на войска, ибо при вѣчныхъ войнахъ Людовика его союзники были столь же мало гарантированы, какъ и его враги отъ внезапныхъ военныхъ предпріятій, походовъ, нашествій и т. д. Впослѣдствіи, уже въ XIX столѣтіи, когда Савойская династія стала въ первыхъ рядахъ объединительнаго движенія, многіе панегиристы приписывали ей роль носительницы итальянской національной идеи уже въ минувшіе вѣка. Это совершенно невѣрно. Случаю угодно было, чтобы ко времени начала національнаго движенія Савойская династія являлась единственною чисто итальянскою и, притомъ, довольно сильною на полуостровѣ. И если взоры націи съ начала XIX столѣтія не переставали обращаться къ ней, какъ къ наиболѣе естественному матеріальному центру, вокругъ котораго проще всего можетъ начаться объединеніе, то и сама Савойская

династія, съ своей стороны, не имѣла причинъ отвращаться отъ перспективы такого огромнаго возвышенія. Но въ XV, XVI, XVII, XVIII вѣкахъ интересы итальянской національности, какъ цѣлаго, не играли ни малѣйшей роли въ дипломатіи какого-бы то ни было изъ государствъ полуострова. Савойско-пьемонтское герцогство вступило въ войну за испанское наслѣдство въ качествѣ довольно виднаго союзника Франціи, вскорѣ измѣнило ему, и, весьма ловко маневрируя между борющимися державами, герцогъ Викторъ-Амедей II добылъ себѣ къ концу войны королевскій титулъ, окрестныя монферратскія и, отчасти, миланскія владѣнія и островъ Сицилію. Вообще, эта война имѣла для Италіи весьма большое политическое значеніе.

Къ концу XVII вѣка становилось все яснѣе и яснѣе, что испанское владычество долго въ Италіи не продержится. Собственно, населеніе Ломбардіи и Неаполя по прежнему было покорно, платило налоги, попытки вродѣ возстанія Мазаніелло не повторялись, и шататься испанское могущество на полуостровѣ начало вовсе не отъ внутренняго протеста, а, просто, отъ интригъ, угрозъ и нападеній французскаго короля Людовика XIV. Нищее и разоренное итальянское населеніе такъ апатично относилось къ своей судьбѣ, что, пробѣгая монотонныя страницы хронографовъ XVII столѣтія, ровно ничего не видишь дѣйствительно важнаго, характернаго для настроенія общества, для положенія народа; все одно и то же: мелкія чисто династическія войны, ведущіяся руками наемныхъ кондотьеровъ, вымоганіе у населенія денегъ для платы этимъ наемникамъ и для постройки роскошныхъ дворцовъ—вотъ чѣмъ полны страницы исторіи и Тосканы, и Савойи, и папской области, и испанскихъ Ломбардіи и Неаполя. Общенаціональная апатія была такъ велика, что, въ сущности, и къ Людовику XIV въ Италіи относились съ чрезвычайною подозрительностью: на всѣ его вмѣшательства въ дѣла полуострова большинство смотрѣло, какъ на попытки послѣ полутораста лѣтъ снова воскресить старое вліяніе и старый деспотизмъ французовъ въ Италіи. Напримѣръ, жители города Мессины въ Сициліи возмутились въ 1674 году противъ испанскаго вице-короля, и Людовикъ поспѣшилъ послать въ

итальянскія воды довольно внушительную эскадру. Желая во что бы то ни стало побѣдить застарѣлую ненависть сицилійцевъ къ французамъ, Людовикъ категорически обѣщалъ имъ всяческую помощь и содѣйствіе для выбора національнаго сицилійскаго короля, лишь бы только изгнать съ острова испанцевъ. Кончилось тѣмъ, что бунтъ потухъ; испанцы остались въ Сициліи и отмстили инсургентамъ звѣрскою расправою, а эскадра Людовика ушла домой, ровно ничего не достигнувъ. Викторъ-Амедей, герцогъ савойскій и Фердинандъ, герцогъ тосканскій, герцоги Модены и Мантуи, сгруппировались въ лигу вокругъ Людовика XIV. Не то, чтобы имъ очень нравился французскій союзъ, но они боялись Людовика и переставали бояться Испаніи, и это-то обусловило, главнымъ образомъ, ихъ поведеніе. Венеціанская республика не обладавшая уже къ этому времени и третьею долею своего былого могущества, приняла дружественный нейтралитетъ по отношенію къ французамъ, потому что ей нужно было имѣть обезпеченный тылъ для болѣе спокойныхъ и энергичныхъ дѣйствій противъ турокъ. Порта тѣснила Венецію, и ежегодно грозила либо походомъ черезъ Иллирію и Альпы, либо морскимъ десантомъ; ссориться съ могущественнымъ французскимъ королемъ при такихъ условіяхъ было невозможно, а испанцевъ, все еще стоявшихъ гарнизонами въ Ломбардіи, Венеція уже не боялась. Папская курія относилась къ Людовику иногда враждебно, чаще — миролюбно. Такова была общая группировка итальянскихъ государствъ, когда началась борьба европейскихъ коалицій противъ Людовика XIV; эта группировка за тридцать пять лѣтъ борьбы нѣсколько разъ измѣнялась, но въ общихъ очертаніяхъ, оставалась въ указанномъ видѣ. Генуя, всегда стоявшая на сторонѣ Испаніи, особенно много страдала отъ французскаго флота, а савойскій герцогъ, боясь, что его владѣнія будутъ насильственно присоединены Людовикомъ, въ концѣ концовъ перешелъ на сторону его враговъ. Австрійскій генералъ Евгеній Савойскій разорялъ всю Сѣверную Италію, ища по всей территоріи французскія и дружественныя Франціи войска; населеніе снова переживало худшіе дни войнъ 1494—1531 гг., но на этотъ разъ даже война не пробудила страну изъ ея вѣкового сна. Съ полнѣйшимъ равно-

душіемъ, точно не о нихъ шло дѣло, итальянскіе города встрѣчали то французскихъ, то австро-испанскихъ генераловъ, не интересуясь, подъ какимъ именно флагомъ будетъ происходить грабежъ страны. Въ 1699 году Венеціи удалось, заключивши миръ съ турками, и миръ очень выгодный, нѣсколько успокоиться отъ военныхъ тревогъ, расходовъ и разоренія; почти въ то же время и герцогъ Савойскій помирился съ Людовикомъ на условіяхъ полной неприкосновенности своихъ владѣній. Это все случилось въ 1698—1699 гг.

Вмѣстѣ съ XVIII столѣтіемъ началась послѣдняя и самая страшная война Людовика XIV,—война за испанское наслѣдство. На Апеннинскомъ полуостровѣ находились двѣ небольшія, но считавшіяся важными, части этого наслѣдства: неаполитанское королевство и Ломбардія. Послѣ смерти Карла II, короля испанскаго, какъ извѣстно, на его наслѣдство, стало быть, и на итальянскія его владѣнія, заявили притязанія и французскій, и австрійскій дворы. Современный историкъ сравниваетъ состояніе Италіи съ заколдованнымъ сномъ, въ которомъ находится сказочная красавица, пока рыцари ломаютъ изъ за нея копья, а поэтъ тѣхъ временъ объясняетъ эту глубочайшую апатію Италіи къ рѣшенію собственной участи тѣмъ обстоятельствомъ, что все равно, кто бы ни побѣдилъ въ этой войнѣ Людовика съ коалиціей, Италія осталась бы подъ чужеземнымъ игомъ—(...per servire sempre, o vincitrice, o vinta). Послѣ страшнаго четырнадцатилѣтняго опустошенія, грабежа, вѣчныхъ контрибуцій и экзекуцій, война для Италіи, наконецъ, окончилась: чтобы вознаградить императора Австрійскаго за Испанію, доставшуюся Филиппу (внуку Людовика XIV), ему были отданы итальянскія владѣнія Испаніи: вся Ломбардія, Неаполь, Сардинія; савойскій герцогъ Викторъ-Амедей получилъ Сицилію, а Мантуя, послѣ нѣкоторыхъ пререканій между договаривавшимися сторонами, отошла также къ Австріи, т. е. потеряла свою независимость. Но уже черезъ три года Викторъ Амедей принужденъ былъ отдать Австріи Сицилію и взамѣнъ того получилъ Сардинію: населеніе этихъ островов не выразило ни радости, ни горя отъ этого обмѣна. Вскорѣ событія показали, что, вообще, съ итальянцами того

времени возможно было, съ полною безопасностью, обращаться, какъ съ неодушевленнымъ имуществомъ: продавать, вымѣнивать земли, давать въ приданое и т. п. Въ 1730 году, воспользовавшись смертью герцога Пармскаго, австрійскій императоръ Карлъ VI ввелъ изъ принадлежавшей ему теперь Ломбардіи войска въ Парму и Пьяченцу, и заявилъ, что считаетъ отнынѣ эти земли подъ своимъ сюзеренитетомъ; въ отвѣтъ на это испанскій король захватилъ Флоренцію и объявилъ своего сына Донъ-Карлоса герцогомъ Тосканскимъ (прямыхъ наслѣдниковъ у послѣдняго герцога изъ династіи Медичи не оказалось). Началась война, въ которой Донъ-Карлосъ имѣлъ поддержку отца своего, испанскаго короля, и Людовика XV, своего близкаго родственника (слѣдуетъ помнить, что Испанія послѣ войны „за наслѣдство" досталась Филиппу Бурбону, внуку Людовика XIV). Главнымъ театромъ войны вскорѣ стало неаполитанское королевство: австрійскіе губернаторы, управлявшіе имъ отъ лица императора Карла VI, были побѣждены одинъ за другимъ, сдали на капитуляцію всѣ крѣпости, населеніе не оказало имъ ни малѣйшей поддержки, и Донъ-Карлосъ воцарился въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Неаполь и островъ Сицилія весьма быстро попали въ полную его власть. Еще раньше, въ 1720 году окончательно былъ ратификованъ насильственный (для короля Виктора-Амедея II) обмѣнъ Сициліи на Сардинію. Сардинія при всей своей некультурности, дикости, бѣдности, малонаселенности имѣла также для Савойскаго дома свои привлекательныя стороны: ее гораздо легче было удержать въ рукахъ, какъ вслѣдствіе большей близости этого острова къ территори Савойи и Пьемонта, такъ и вслѣдствіе того, что никто на Сардинію особенно не зарился; присоединеніе острова сыграло выдающуюся роль въ исторіи савойской династіи, и, даже, все соединеніе земель— Савойи, Пьемонта, ниццскаго графства частей Монферрата, и Сардиніи—стало все чаще и чаще называться Сардинскимъ королевствомъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, какъ уже сказано, произошли немаловажныя дипломатическія и политическія перемѣны на всемъ полуостровѣ. Парма и Пьяченца, до сихъ поръ занятыя Донъ-Карлосомъ,

были уступлены (въ 1735—38 гг.) Францу—Стефану, зятю австрійскаго императора и мужу Маріи-Терезіи, австрійской наслѣдницы; взамѣнъ этого австрійскій императоръ подарилъ Донъ-Карлосу въ вѣчное владѣніе королевство Обѣихъ Сицилій (и безъ того, впрочемъ, почти совсѣмъ завоеванное Донъ-Карлосомъ); наконецъ, въ 1737 году, когда уже погасла династія Медичи, триста лѣтъ правившая Флоренціей, Флоренція и вся Тоскана также попали въ руки Франца-Стефана. Нѣмецкое вліяніе прочно и надолго утвердилось на сѣверѣ Италіи; на югѣ — королевствомъ Обѣихъ Сицилій владѣлъ Донъ-Карлосъ, начавшій собою неаполитанскую вѣтвь Бурбоновъ; папская область осталась въ прежнемъ состояніи ненадежнаго политическаго ничтожества; вся Ломбардія была въ полномъ и прямомъ подчиненіи отъ австрійской короны, и съ 1740 г. чета Маріи-Терезіи и Франца-Стефана, обладавшая огромными владѣніями на сѣверѣ, являлась самою могущественною величиною на полуостровѣ. Сардинское королевство, которое въ 1734 г., въ союзѣ съ французами, заняло было Миланъ,—должно было отъ него отказаться и получило лишь Новару, Тортону и еще нѣкоторыя западно-ломбардскія мѣстности. Наступила эпоха сравнительной тишины и спокойствія, длившаяся до начала революціонныхъ и наполеоновскихъ нашествій. Впрочемъ, эту тишину нужно понимать въ весьма ограниченномъ и узкомъ смыслѣ: мелкія сосѣдскія драки и свалки почти не прекращались, безопасности для частныхъ лицъ отъ разбойниковъ не было, владѣтели замковъ часто творили и въ австрійскихъ, и въ неаполитанскихъ, и въ церковныхъ имѣніяхъ самыя невозможныя вещи, вродѣ осады городовъ и т. п. Но просвѣтительный духъ XVIII столѣтія повѣялъ и на полуостровѣ; и здѣсь эта замѣчательная культурная эра оставила свои слѣды.

III.

Въ столь общей и поневолѣ краткой исторіи итальянскаго народа, какъ настоящая, очеркъ художественной литературы можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда художественная литература почему—

либо пріобрѣтаетъ серьезную, исторически-услѣдимую важность для всей культуры страны. Вотъ почему мы не могли обойти молчаніемъ ни Петрарку, ни Боккачіо, и принуждены опустить разсказъ о всей художественной литературѣ XVIII столѣтія. Въ кое-какихъ литературныхъ произведеніяхъ, правда, звучитъ скорбь о печальномъ положеніи отечества, но большинство ихъ чрезвычайно далеки отъ современной имъ жизни: ложноклассическая традиція мертвила многія настоящія дарованія. Ни одной новой мысли не выдвинула итальянская художественная литература XVIII столѣтія, ни одной тенденціи просвѣтительной эпохи не пробовала даже популяризовать, ни одного изъ чаяній и волненій тогдашнихъ передовыхъ кружковъ въ нее не проникло. Мало того: даже съ чисто художественной стороны, со стороны формы она не дала, кромѣ Альфіери, ни одного выдающагося поэта.

Но, даже въ самой общей исторіи Италіи, ни одинъ добросовѣстный авторъ не имѣетъ права пройти молчаніемъ итальянской публицистической литературы. При всемъ сравнительно небольшомъ практическомъ ея значеніи, она, тѣмъ не менѣе, является самымъ яркимъ оазисомъ на тускломъ фонѣ тогдашней итальянской литературы. Вліяніе французскихъ писателей на итальянскихъ публицистовъ XVIII столѣтія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мало того, была такая область публицистической литературы, въ которой совершенно несомнѣнно можно подмѣтить прогрессъ, сдѣланный итальянскою мыслью, сравнительно съ тѣмъ, что она получила изъ Франціи. Мы говоримъ о крестьянскомъ вопросѣ. У Вобана и Буагильбера, впервые формулировавшихъ этотъ вопросъ во Франціи, разореніе крестьянскаго сословія приписывается безобразной, по ихъ мнѣнію, податной системѣ. Почти полстолѣтія спустя по выходѣ книгъ Вобана и Буагильбера одна за другою въ концѣ 30-хъ и въ концѣ 40-хъ гг. XVIII столѣтія появились книги — сіенскаго экономиста Бандини (1737 г.) и неаполитанскаго—Броджіа (1748 г.). Докладъ Бандини тосканскому правительству о запустѣніи и разореніи южной Тосканы является своего рода обвинительнымъ актомъ противъ халатной и воровской администраціи, выжимавшей изъ крестьянъ всѣ соки и ничего не дававшей имъ взамѣнъ. Бандини

указываетъ, что разоряемые и гонимые призракомъ голодной смерти крестьяне переселяются въ города, гдѣ скучивается населеніе, дешевѣетъ трудъ, и жить работникамъ становится все хуже и хуже. Бандини предлагаетъ правительству уничтожить всѣ безъ исключенія сложные и стѣснительные налоги и вмѣсто нихъ всѣхъ ввести одинъ—равномѣрный и справедливый налогъ на землю; мало того: правительство должно заставить крупныхъ землевладѣльцовъ сдавать крестьянамъ въ аренду участки настолько большіе, чтобы семьѣ арендатора было чѣмъ прокормиться, и за умѣренную, опредѣленную самимъ правительствомъ, плату. Неаполитанецъ Броджіа въ своихъ мнѣніяхъ о податной реформѣ примыкаетъ къ Бандини, но онъ борется и съ другимъ зломъ, котораго уже не знала Тоскана, но которое слишкомъ давало себя чувствовать въ Неаполѣ. Общій строй феодальныхъ отношеній сохранился въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій въ болѣе цѣльномъ видѣ, нежели въ любой другой мѣстности Апеннинскаго полуострова. Броджіа съ жаромъ борется противъ этихъ феодальныхъ пережитковъ. Онъ упрекаетъ государственную власть въ томъ, что она слишкомъ ласково относится къ знати и слишкомъ сурово преслѣдуетъ поборами и налогами бѣдствующее большинство. По его мнѣнію вреденъ и несправедливъ всякій налогъ, который долженъ уплачивать каждый рабочій человѣкъ только за то, что онъ существуетъ (подушная подать) или занимается своимъ трудомъ (налогъ на воловъ). Самый справедливый налогъ — есть налогъ на капиталы, соразмѣряющійся съ размѣрами облагаемаго состоянія. Но кромѣ того, по мнѣнію Броджіа, должны быть стерты съ лица земли всѣ слѣды какой бы то ни было зависимости крестьянъ по отошенію къ помѣщикамъ; правительство должно озаботиться, чтобы крестьяне, уже послѣ окончательнаго освобожденія ихъ отъ всякой зависимости, все-таки сохранили за небольшую арендную плату свои земельные участки, а безземельные батраки, чтобы не страдали отъ чрезмѣрно низкой заработной платы. Онъ считаетъ государство обязаннымъ обо всемъ этомъ заботиться, ибо по его мнѣнію благоденствіе страны тѣснѣйшимъ образомъ связано съ процвѣтаніемъ именно крестьянскаго сословія. Трактатъ Броджіа пользовался до конца столѣтія большею славою и въ

Италіи, и, даже, въ Германіи и Франціи. Въ Италіи онъ скоро нашелъ продолжателей. Въ 1755 году въ неаполитанскомъ университетѣ началъ читать политическую экономію профессоръ Дженовези, который еще ярче, нежели Броджіа, изложилъ антифеодальную теорію. Можетъ быть, дворянство, и есть краса государства, говорилъ Дженовези, однако, всякая истинная краса познается по своей цѣнности, а нынѣ (т. е. въ срединѣ XVIII столѣтія) дворянство сохраняетъ всю свою жизнь полнѣйшую праздность и, поэтому, уваженія вовсе не заслуживаетъ. Феодальные пережитки, по мнѣнію Дженовези, вредны для благосостоянія трудящагося большинства и, въ концѣ концовъ, пагубны для государства. Майораты, неотчуждаемость дворянскихъ имѣній — все это вредное старье, подлежащее немедленному упраздненію. Люди, занимающіеся физическимъ трудомъ, должны быть такъ же свободны, какъ и всѣ остальные, иначе никогда производительность труда ихъ не поднимется, и всегда страна останется нищей. Что пользы, восклицаютъ Дженовези и современникъ его Занонъ,—что пользы въ томъ, что крестьяне въ Италіи будто бы не считаются рабами? На дѣлѣ — они рабы, и самые безотвѣтные, ибо феодальный владѣлецъ можетъ дѣлать со своимъ арендаторомъ или, еще хуже, батракомъ, все, что заблагоразсудится, а если тотъ посмѣетъ протестовать, тогда въ одинъ день его выгонятъ изъ помѣстья и оставятъ съ семьею на жертву голоду. Крупная собственность, по мнѣнію Дженовези, есть то коренное зло, съ которымъ надлежитъ бороться. Исходя все время съ точки зрѣнія общегосударственной выгоды, Дженовези, не перестаетъ повторять, что слѣдуетъ уничтожить майораты и заповѣдность дворянскихъ имѣній, всякую зависимость крестьянскаго сословія отъ дворянства, что необходимо всячески облегчить крестьянству возможность пріобрѣтенія земельныхъ участковъ въ собственность или выгодную ихъ аренду: „на своей землѣ лучше работается, батракъ не сдѣлаетъ никогда и половины того, что хозяинъ“, такова одна изъ любимыхъ мыслей Дженовези. Онъ всецѣло стоитъ за упроченіе монархической власти и въ королѣ видитъ главное, если не единственное, орудіе для уничтоженія феодальныхъ притязаній. Духъ просвѣщеннаго абсолютизма явственно

вѣетъ въ сочиненіяхъ Дженовези. Отъ правительства онъ ждетъ, между многимъ прочимъ, и такого блага, какъ точное, ясное и непререкаемое опредѣленіе размѣровъ арендной платы. Знаменитый Беккаріа поддерживалъ всецѣло идеи Дженовези; оба публициста не переставали повторять, что дворянство должно быть совершенно лишено всѣхъ своихъ особыхъ прерогативъ, что податная система должна налагать на каждаго бремя, прямо, а не обратно пропорціональное его достатку, наконецъ, что сильная государственная власть одна только можетъ трудящемуся населенію облегчить жизнь нужными реформами.

Послѣдній, по времени, выдающійся итальянскій публицистъ XVIII столѣтія Филанджіери, выпустившій въ свѣтъ въ 1781—1785 гг. свои трактаты „Экономическіе законы" (Leggi economiche) и „Наука о законодательствѣ" (Scienza della legislazione) еще рѣзче и ярче выражаетъ свой протестъ противъ экономическихъ нестроеній той эпохи. Филанджіери смотритъ на экономическое настоящее своего отечества чрезвычайно пессимистично. Населенность Италіи, по его словамъ, рѣдкая, нищета всеобщая, огромныя земельныя пространства лежатъ впустѣ, единственнымъ спасеніемъ для голодающихъ является уходъ въ бандитскія шайки. Мало того: не только въ Италіи, но во всей Европѣ, по убѣжденію автора, правительственная власть не сдѣлала ровно ничего для поднятія благосостоянія трудящихся массъ, для облегченія имъ возможности не умереть голодною смертью. Колоссальныя земельныя угодья находятся еще отъ феодальныхъ временъ въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ лицъ, а милліоны бѣдствуютъ на своихъ крошечныхъ арендныхъ или, что еще рѣже, собственныхъ участкахъ, идутъ за грошевую плату въ батраки, голодаютъ и вымираютъ. Собственники и бездомные батраки, восклицаетъ Филанджіери, являются двумя враждебными лагерями, между которыми невозможенъ прочный миръ, которыхъ не приведутъ къ согласію ни священники, ни моралисты. Собственникъ всегда видитъ предъ собою сотни людей на перебой предлагающихъ ему свои рабочія руки, и онъ имѣетъ полную возможность предложить имъ самое нищенское вознагражденіе и быть увѣреннымъ, что еще батракъ, нанявшійся будетъ считать себя

счастливѣе товарищей. Феодальные порядки, существующіе въ Европѣ, и, въ частности, въ Италіи, являются въ глазахъ Филанджіери коренным зломъ экономической жизни. Пользуясь разными устарѣвшими, обветшавшими, но сохраняющими юридическую свою силу правами, феодальные владѣльцы держатъ съ незапамятныхъ временъ въ своихъ рукахъ огромныя земельныя площади, передающіяся, по праву первородства, отъ отца къ сыну, и даже не обрабатываютъ ихъ. Что же мудренаго, если въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ народъ гибнетъ отъ голоду? Даже сами феодалы не столько виноваты въ подобномъ плачевномъ положеніи дѣлъ: они. можетъ быть, были бы рады продать излишекъ своихъ земельныхъ владѣній, но нелѣпые и старые феодальные законы воспрещаютъ отчужденіе, и, такимъ образомъ, создаются даромъ пропадающія пустыни рядомъ съ селеніями, погибающими отъ недостатка пахотной площади. Кто изъ батраковъ, получающихъ грошевую плату и живущихъ впроголодь, восклицаетъ Филанджіери, рѣшится обзавестись семьею? Конечно, никто, и такъ-то „жалкая глупость людская (не отмѣняющая феодальныхъ порядковъ) хуже и вреднѣе самой смертоносной чумы, ибо чума убиваетъ людей, уже поживщихъ хоть немного, а господствующій экономическій строй не даетъ людямъ даже родиться на свѣтъ“. Феодализмъ есть безсмыслица, продолжаетъ онъ; право охоты и рыбной ловли, нелѣпые старые феодальные поборы съ земледѣльцевъ, все это также разоряетъ земледѣліе. Въ большей части Европы свобода составляетъ принадлежность лишь нѣсколькихъ тысячъ дворянъ и священниковъ, остальная часть населенія состоитъ изъ рабовъ, прикованныхъ къ той же землѣ, на которой они родились, обрабатывающихъ землю, не принадлежащую имъ, и отдающихъ всѣ результаты своего труда въ руки тирана, угнетающаго ихъ. Правда, государство значительно ослабило силу сеньоровъ, но оно сохранило такую массу злоупотребленій, связанныхъ съ правами дворянъ, что, въ сущности, не произошло особенныхъ измѣненій въ состояніи земледѣльческаго класса. Много привилегій сохранилось за высшими классами, и одна часть населенія оказывается покровительствуемой во вредъ другой, самой большой и самой полезной. Такіе порядки могли существовать въ

то время, когда верховная власть простиралась лишь на небольшую часть территоріи, когда феодалы раздѣляли власть съ нею или, вѣрнѣе, угнетали ее. Тогда имѣло еще смыслъ, было основаніе жертвовать интересами всего народа интересамъ той части территоріи, гдѣ король былъ всесиленъ, разорять земледѣліе во всей странѣ, чтобы поддерживать его въ собственныхъ владѣніяхъ. Теперь, съ усиленіемъ центральной власти, все это утратило свое прежнее значеніе, а, между тѣмъ, все осталось по прежнему". „Удивительно ли послѣ всего этого, спрашиваетъ Филанджіери, если земледѣліе находится въ самомъ жалкомъ состояніи, если земледѣльческій классъ страшно бѣдствуетъ? А эта нищета будетъ до тѣхъ поръ царствовать среди наиболѣе важнаго и заслуживающаго наибольшее уваженіе класса, пока будутъ существовать и производящія ее причины, пока законы будутъ благопріятствовать скопленію собственности въ рукахъ немногихъ лицъ, пока феодальныя злоупотребленія не будутъ подвергнуты коренному измѣненію, а въ деревняхъ сохранится крѣпостное право, и крѣпостной и батракъ будутъ устраняемы отъ владѣнія землею. Уничтоженіе феодальныхъ отношеній—первый шагъ къ улучшенію низшихъ классовъ, къ поднятію земледѣлія. За нимъ должны слѣдовать реформы въ государственномъ управленіи и въ системѣ налоговъ, которые отнимаютъ у земледѣльца всякую надежду улучшить свое положеніе, и отнятіе у духовенства богатствъ и земли, сосредоточеніе которыхъ въ его рукахъ представляетъ собою не меньшее зло, чѣмъ существующія феодальныя отношенія". Неудивительно, что историкъ крестьянской реформы на Западѣ (И. В. Лучицкій) называетъ эти сужденія Филанджіери „высшей точкой развитія, до которой достигла экономическая мысль того времени". Названные итальянскіе публицисты (Бандини, Броджіа, Дженовези, Филанджіери) имѣли весьма большое вліяніе на постановку крестьянскаго вопроса въ литературѣ XVIII столѣтія; къ сожалѣнію, вліяніе ихъ на жизненныя условія Италіи, было несравненно слабѣе.

Но гораздо большей славою пользовался современникъ и, отчасти, единомышленникъ ихъ—Беккарія, авторъ знаменитаго трактата „О преступленіяхъ и наказаніяхъ". Чезаре Беккарія (1738—

1794 г.) ничего исторически-важнаго, кромѣ этого трактата, и не написалъ, но широта и новизна его взглядовъ на задачи уголовнаго возмездія, снискали ему тогда же громкую славу среди юристовъ, философовъ, государственныхъ людей тогдашней Европы. Уроженецъ и постоянный житель Милана, Беккарія съ юношескихъ лѣтъ вступилъ въ оживленную переписку со многими выдающимися людьми тогдашняго европейскаго міра, и въ самомъ Миланѣ вокругъ него образовался кружокъ молодежи, увлекавшейся мнѣніями французскихъ энциклопедистовъ. Рѣшающее значеніе для Беккарія имѣлъ процессъ несчастнаго Жана Каласа, казненнаго вслѣдствіе происковъ французскаго духовенства (въ 1762 г.) и нашедшаго горячаго защитника своей памяти въ Вольтерѣ. Глубоко взволнованный этимъ вопіющимъ проявленіемъ фанатизма и пенитенціарнаго варварства, Беккарія, по настоянію членовъ своего кружка, написалъ меньше, нежели въ одинъ годъ, книгу „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", которая и была издана въ 1764 году въ Тосканѣ, гдѣ какъ разъ переживался разгаръ либеральныхъ вѣяній и реформъ герцога Леопольда. Беккарія первый въ Европѣ (послѣ забытаго Томаса Мора) выдвинулъ мнѣніе, что варварски жестокія казни ни въ какомъ случаѣ не могутъ искоренить преступленія; напротивъ, привычка къ нимъ ожесточаетъ зрителей, да и все общество, и создаетъ благопріятную атмосферу для совершенія новыхъ преступленій. Смертная казнь вредна и заслуживаетъ полной отмѣны, ибо противорѣчитъ христіанству, безполезна по существу своему, непоправима въ случаѣ судебной ошибки, пріучаетъ людей не дорожить жизнью. Но Беккарія сильно боялся преслѣдованій за свою книгу, и, поэтому, къ сужденіямъ о смертной казни весьма нелогично прибавляетъ, что это все онъ говоритъ о казни за уголовныя преступленія, а за политическія— казнь цѣлесообразна, забывая, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ, что именно въ судопроизводствѣ по политическимъ дѣламъ въ его время судебныя ошибки были чуть ли не чаще, нежели—sit venia verbo—„справедливые" приговоры. Рядъ драгоцѣнныхъ мыслей высказываетъ Беккарія о томъ, что въ каждомъ преступленіи отчасти виновато все общество, что преступленія слишкомъ часто обусловливаются нищетою и другими плодами со-

ціальнаго неустройства, что государство обязано поднять уровень народной зажиточности, всѣми мѣрами развить образованіе, смягчить звѣрскія чувства въ массахъ, и уже тогда ожидать уменьшенія преступности именно отъ этихъ своихъ мѣръ, а не отъ жестокихъ казней. Уничтоженіе привилегій, уравненіе всѣхъ передъ закономъ, сглаженіе соціальныхъ контрастовъ Беккарія признаетъ необходимымъ условіемъ для оздоровленія общества и избавленія его отъ преступныхъ посягательствъ на жизнь, здоровье и имущество мирныхъ гражданъ. Съ удивительною литературною силою и энергіей негодованія говоритъ онъ о пыткахъ, бывшихъ тогда повсюду тайнымъ или, чаще, явнымъ условіемъ, сопутствовавшимъ всякому уголовному дознанію. Его мнѣнія сильно повліяли на криминалистовъ всей Европы и легли краеугольнымъ камнемъ въ основу тогдашней передовой криминалистики. Въ Италіи тосканское правительство, а за нимъ неаполитанское и пьемонтское, принялись довольно дѣятельно за уничтоженіе пытокъ и квалифицированныхъ казней (колесованія и т. п.). Герцогъ Леопольдъ совсѣмъ уничтожилъ въ Тосканѣ пытки и смертную казнь, но послѣ его смерти казни снова появились въ его странѣ. Беккарія, переведенный на французскій языкъ, читался нарасхватъ во всей Европѣ, и всюду страстность чувства, новизна мыслей завоевывали ему новыхъ и новыхъ поклонниковъ. Много читали его при различныхъ дворахъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что завѣты его еще очень долго не были исполнены на практикѣ (да и въ наше время смертная казнь держится и находитъ еще убѣжденныхъ сторонниковъ). Идеи Беккарія, какъ извѣстно, сильно повліяли на екатерининскій Наказъ; уничтоженіе (если не на практикѣ, то на бумагѣ) пытокъ въ самыхъ отсталыхъ европейскихъ странахъ можно привести въ фактическую связь съ появленіемъ трактата миланскаго криминалиста. Меньше всего было его вліяніе на такъ называемое ученіе о доказательствахъ, игравшее весьма важную роль въ тѣ времена письменнаго процесса. Въ этой области, трудно поддающейся регулированію, произволъ такъ и остался произволомъ вплоть до временъ повсемѣстнаго введенія суда присяжныхъ въ XIX столѣтіи, уже послѣ объединенія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и вообще гуманизи-

рующее вліяніе Беккаріи отозвалось, главнымъ образомъ, на космополитической, общеевропейской интеллигенціи, главной носительницѣ взглядовъ энциклопедической философіи; безграмотный итальянскій народъ не имѣлъ никакого представленія о Беккаріи вплоть до временъ объединенія Италіи и развитія элементарнаго школьнаго обученія. Беккарія слишкомъ опередилъ свое время; въ наши дни, въ двадцатомъ столѣтіи, ученый германскій юристъ, имѣющій громадную аудиторію и выработанную школу, горячо проповѣдуетъ введеніе въ уголовный кодексъ розги и палки (Миттельштедтъ); замѣчательный мыслитель (Джонъ-Стюартъ Милль) стоялъ за смертную казнь; знаменитый ученый (Штраусъ, авторъ „Жизни Христа") примыкаетъ къ нему; одна изъ вліятельнѣйшихъ европейскихъ газетъ (Times) называетъ въ принципѣ всякія петиціи о помилованіи 18-ти-лѣтней, помѣшанной дѣвушки „дерзкими сумасбродствами" (по поводу казни Мэри Энсель въ 1898 году). Можно-ли послѣ этого думать, что привыкшее къ деспотамъ, грабителямъ и бандитамъ нищее и голодное населеніе Италіи XVIII вѣка могло явиться подходящей аудиторіей для проповѣди Беккаріи? Но въ исторіи европейской публицистики и науки уголовнаго права, имя миланскаго мыслителя навсегда осталось вписаннымъ на одномъ изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ.

Обратимся теперь къ наиболѣе выдающимся явленіямъ внутренней жизни полуострова, за все это время безцвѣтнаго прозябанія и отсутствія мало-мальски яснаго національнаго или, хотя-бы, классоваго самосознанія. Проявленія такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма" поневолѣ станутъ здѣсь на первомъ планѣ.

IV.

Во время восьмилѣтней войны изъ-за австрійскаго наслѣдства, начатой тотчасъ же по вступленіи Маріи-Терезіи на престолъ, французскій дворъ въ союзѣ съ Генуей и съ Испаніей пытался отнять у австрійцевъ ихъ владѣнія, но эта попытка не удалась. Ломбардія осталась за Австріей, Генуя, не смотря на жестокое опустошеніе, сохранила свою самостоятельность, Бурбонская династія окон-

ціальнаго неустройства, что
народной зажиточности, весьма
звѣрскія чувства въ массахъ
преступности именно отъ
казней. Уничтоженіе приви
сглаженіе соціальныхъ ко
мымъ условіемъ для
преступныхъ посягате
ныхъ гражданъ.
негодованія гово
нымъ или, чаще
ловному дозна
всей Европы
передовой
а за нимъ
тельно
сованія
сканѣ
появи
язык
чув
кл
в
б

. Францъ-Сте-
скимъ, Новара
но большой тер-
же это было под-

ихъ революціонныхъ
Апеннинскій полуостровъ
ямъ. Но уже такъ давно
кальски нормальною, спо-
сравнительнаго спокойствія
ить свои матеріальныя обсто-
публицистовъ XVIII столѣтія
ложенія ихъ родины и пред-
Какъ уже замѣчено нами, рас-
ужеземцамъ, словомъ, ***полити-***
ы ихъ отечества, производили
ія. а соціальныя ея нестроенія,
ихъ вниманіе. Это явленіе —
тельной эпохи, въ духовномъ ба-
вершенно отсутствуетъ. Феодаль-
ли большинство земледѣльческаго
папской области и королевствѣ
лога не осушались за полнѣйшимъ
стема, почти не касавшаяся выс-
венства, — всею своею тяжестью па-
ла послѣдніе соки изъ ихъ хозяйства;
и почти не существовала, кромѣ
ктически царила всюду, ибо кресть-
либо батракомъ у помѣщика и все-
чанная юстиція удержалась отъ фео-
въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій,
Тосканы, даже въ большей части
Ломбардіи. Вообще, судопроизводство во
ѣза было крайне сложно и запутанно, ибо
вателей въ Италіи удержалось множество

...хъ, не отмѣненныхъ или реставрированныхъ уложеній и судеб... ...въ, слишкомъ часто одинъ другому противорѣчившихъ. Не мало ...дѣйствовали вящему осложненію всей этой путаницы церковные суды; вообще, церковь въ Италіи, кромѣ одного лишь Пьемонта, рабски подчинялась папѣ и не проявляла даже тѣни самостоятельности; споры съ духовными лицами и съ монашескими орденами всегда кончались для свѣтскихъ властей полуострова пораженіемъ и необходимостью дѣлать уступки. Церковная область не была ни велика, ни сильна, но съ ея владѣтелемъ приходилось считаться, вслѣдствіе многообразныхъ средствъ, моральныхъ и матеріальныхъ, которыми располагалъ римскій папа. Впрочемъ, при чисто азіатскомъ административномъ произволѣ, невозбранно царившемъ во всей Италіи, всякіе суды являлись только простою формальностью: все равно, администрація рѣшала всевозможные споры такъ, какъ ей это было угодно. Торговля, нѣкогда процвѣтавшая на сѣверѣ Италіи, подкошенная великими географическими открытіями Колумба и Васко де Гама, совершенно почти свелась въ XVIII столѣтіи къ нулю, благодаря нелѣпой и для самого же правительства убыточной системѣ налоговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ таможенныхъ сборовъ и т. д. Склады шелку иногда гнили безъ пользы въ Ломбардіи, и ни одинъ кусокъ его не могъ попасть въ Пьемонтъ; бочки вина опорожнялись прямо на землю, чтобы освободить посуду для новаго сбора, гдѣ нибудь въ Тосканѣ, а въ церковной области ощущался въ винѣ недостатокъ, и подобные случаи бывали далеко нерѣдко. Стоило поссориться двумъ сосѣднимъ владѣтелямъ, и торговлѣ обѣихъ странъ наносился страшный ударъ, разорявшій десятки фирмъ.

Но знаменательная эпоха, переживавшаяся тогда всею Европою, отозвалась въ Италіи не только оживленіемъ умственной жизни, о которомъ мы упомянули выше: итальянская исторія XVIII столѣтія знаетъ нѣсколько попытокъ реформъ сверху, предпринимавшихся въ эти годы „просвѣщеннаго абсолютизма“ и въ Даніи, и въ Португаліи, и въ Австріи, и въ Россіи. Въ герцогствѣ тосканскомъ, впрочемъ, всѣ усилія правительства Франца-Стефана были направлены на техническую помощь разоренному населенію: гидравлическія и ирригаціонныя работы были предприняты въ самыхъ широкихъ

размѣрахъ; на нихъ не щадили ни средствъ, ни труда, въ особенности же эти работы усердно велись въ Ломбардіи, принадлежавшей Австріи, но подвѣдомственной Францу-Стефану, какъ уполномоченному супругу Маріи-Терезіи и германскому императору.

Въ Тосканѣ былъ также предпринятъ пересмотръ всего финансоваго устройства страны, затѣвалась реформа администраціи и суда; но ничего опредѣленнаго изъ этихъ усилій не вышло.

Но при сынѣ и преемникѣ Франца герцогѣ Леопольдѣ I (вступившемъ на престолъ въ 1765 году), реформаторская дѣятельность въ Тосканѣ на самомъ дѣлѣ весьма сильно оживилась. Прежде всего, онъ поручилъ двумъ юристамъ (Верначини и Чіани) проредактировать общій для всего герцогства сводъ законовъ, ибо до тѣхъ поръ въ Тосканѣ существовало около 4 независимыхъ другъ отъ друга судебника и еще большее количество своеобразныхъ обычно-правовыхъ формъ судопроизводства. Этотъ сводъ такъ и не былъ окончательно составленъ, но весьма многое на пути выясненія правовыхъ нормъ было имъ всетаки сдѣлано. Онъ изгналъ смертную казнь, полагавшуюся тогда за 40—50 особыхъ родовъ преступленій, допустилъ въ извѣстныхъ случаяхъ публичность и устность уголовнаго процесса, установилъ опредѣленный комплектъ судей для каждой мѣстности. Мало того: Леопольдъ, большой поклонникъ новыхъ физіократическихъ и просвѣтительныхъ идей, отмѣнилъ главнѣйшіе виды торговой государственной монополіи; продажа табаку и водки сдѣлалась совершенно свободной. Были уничтожены почти всѣ внутреннія заставы и таможни, убивавшія торговлю, и это тотчасъ отразилось на оживленіи торговаго обмѣна, отъ чего слишкомъ ужъ давно Тоскана отвыкла. Не остался молодой герцогъ глухъ и къ указаніямъ современныхъ ему публицистовъ (о которыхъ мы уже говорили): онъ совсѣмъ подкосилъ и безъ того, впрочемъ, не твердо державшіеся въ Тосканѣ феодальные обычаи и права, уничтожилъ заповѣдность очень многихъ имѣній, разрѣшилъ крестьянамъ покупать и огораживать землю, считавшуюся до сихъ поръ общинною и стоявшую почти впустѣ, вслѣдствіе рѣдкаго населенія. Были высушены три огромныхъ болота, и оздоровленная мѣстность стала быстро населяться крестьянами-пролетаріями изъ церковной области и другихъ

мѣстъ. Леопольдъ началъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ публиковать роспись государственныхъ приходовъ и расходовъ, что съ непривычки вызвало нареканія всѣхъ коронованныхъ сосѣдей. Доходы казны сразу увеличились параллельно съ общимъ оживленіемъ торгово-промышленной жизни страны. Вывозъ хлѣбныхъ продуктовъ, вина, сахару принялъ небывалые прежде размѣры, и хотя до полнаго „воскресенія Тосканы изъ мертвыхъ“, о которомъ говорили придворные энтузіасты, было всетаки далеко, тѣмъ не менѣе такого знаменательнаго времени страна эта никогда больше не переживала вплоть до объединенія Италіи. Особенно яркій и интересный колоритъ всей эпохѣ придала полная свобода печати, царившая тогда въ Тосканѣ и неизвѣстная рѣшительно нигдѣ болѣе на всемъ континентѣ Европы. Мыслители, вродѣ Беккаріи, боявшіеся цензуры ломбардской, венеціанской, неаполитанской, пьемонтской и т. д., печатали свои произведенія только въ тосканскихъ типографіяхъ. Вообще, Леопольда можно назвать самымъ искреннимъ послѣдовательнымъ и смѣлымъ изъ всѣхъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма въ XVIII вѣкѣ. Но до передѣлки государственныхъ учрежденій, въ смыслѣ расширенія народныхъ правъ, не дошелъ и онъ: это, впрочемъ, и не составляло ясно опредѣленнаго требованія ни одной значительной группы населенія.

Современникъ Леопольда тосканскаго, министръ и руководящій государственный дѣятель королевства Обѣихъ Сицилій, Тануччи, занимавшій много лѣтъ свой постъ при королѣ Карлѣ Бурбонскомъ, подпавши также отчасти новымъ вѣяніямъ просвѣтительной эпохи, но, кажется, еще больше вслѣдствіе твердаго намѣренія поправить жалкіе финансы королевства, совершенно преобразовалъ сверху до низу администрацію и вѣдомство сборовъ и налоговъ. Во главѣ фискальнаго дѣла онъ поставилъ особое учрежденіе „магистратуру экономіи“, которое, путемъ сложнаго и строгаго контроля обязано было препятствовать казнокрадству и незаконнымъ поборамъ; началось составленіе однообразнаго кодекса гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, ибо безнадежная путаница царила въ дѣйствовавшемъ неаполитанскомъ законодательствѣ, составленномъ изъ мозаики постановленій Гогенштауфеновъ, арабскихъ шейховъ, Анжуйской ди-

настіи, испанскихъ и т. д.: всѣ разнообразные владыки Неаполя и Сициліи за послѣднія пятьсотъ-шестьсотъ лѣтъ оставляли по себѣ указы и законы, часто другъ другу противорѣчившіе и почему-то не отмѣненные. Тануччи, при помощи юриста Чирилло, почти совсѣмъ упорядочилъ неаполитанскую кодификацію. Тогда же были уничтожены прежніе драконовскіе законы противъ евреевъ, и они вновь привлечены въ королевство: доходы съ оживившейся торговли дали правительству возможность путемъ посылки ряда морскихъ экспедицій обезопасить до извѣстной степени западную часть Средиземнаго моря отъ варварійскихъ пиратовъ, обитавшихъ на сѣверномъ берегу Африки и не дававшихъ покою купеческимъ судамъ. Въ 1759 году король Карлъ, унаслѣдовавшій испанскій престолъ, переѣхалъ въ Мадридъ, а неаполитанскую корону предоставилъ малолѣтнему своему сыну Фердинанду (IV), а Тануччи просилъ оставаться при сынѣ въ качествѣ руководителя. Тогда Тануччи еще смѣлѣе, нежели прежде, принялся за реформы. Онъ пробовалъ нанести ударъ остаткамъ феодализма, какъ этого требовали упомянутые нами публицисты Броджіа, Дженовези, а впослѣдствіи Филанджіери. Онъ отнялъ у феодальныхъ бароновъ право вотчиннаго судопроизводства, вмѣшивался въ слишкомъ ужъ жестокіе поборы ихъ съ крестьянъ; впрочемъ, сокрушить эту силу онъ не былъ въ состояніи: боялся возбудить дворянское возстаніе противъ династіи. Точно также въ предѣлахъ, казавшихся ему безопасными, Тануччи боролся съ непомѣрнымъ вліяніемъ духовенства въ Обѣихъ Сициліяхъ: все населеніе королевства равнялось приблизительно $3^1/_3$—$4^1/_2$ милліоновъ душъ, а духовенства разныхъ наименованій было тамъ около 150 тысячъ, и всякій монастырь, всякая церковь уже претендовали на свой, особенный, чисто духовный судъ, которому должна быть подчинена вся округа, жители земли, зависящей отъ данной церкви или монастыря. Тануччи изъялъ всѣ свѣтскія дѣла изъ церковной подсудности, оставивши духовнымъ судамъ лишь разбирательство по процессамъ духовенства и по обвиненію кого-либо въ святотатствѣ. Когда папа сталъ обнаруживать явные признаки неудовольствія по этому поводу, Тануччи заявилъ, что не допуститъ ни одной папской буллы къ опубликованію и къ приведенію въ дѣйствіе въ коро-

левствѣ Обѣихъ Сицилій, пока неаполитанскій король этого не разрѣшитъ. Но послѣ Тануччи, уже при управленіи Фердинанда IV, новыя вѣянія начали сильно тускнѣть въ Неаполѣ; правда, финансовыя реформы сильно поправили положеніе дѣлъ казны; торговля поднялась, шелкъ и другія матеріи тысячами штукъ вывозились въ Испанію и въ сосѣднія итальянскія страны. Но, напримѣръ, о сокрушеніи феодальныхъ порядковъ на благо крестьянству правительство уже не мечтало совершенно; финансовые излишки шли на постройку военныхъ кораблей и на увеличеніе арміи; а увеличеніе арміи нужно было для усмиренія вѣчныхъ мятежей въ голодающей, угнетенной феодалами Сициліи. Правительство требовало ввести въ сицилійское дворянское собраніе (юнту) также представителей городовъ, но цѣли не достигло, ибо, хотя по закону буржуазія острова и могла имѣть въ юнтѣ представителей, но на дѣлѣ дворяне не позволяли ей этимъ пользоваться. Впрочемъ, вообще, юнта не имѣла (не говоря уже о всемъ королевствѣ) даже для острова Сициліи никакого политическаго значенія. Весь югъ Италіи былъ въ фактической власти разбойничьихъ шаекъ, и неаполитанское правительство ничего съ бандитами подѣлать не могло: для бандитовъ XVIII вѣкъ былъ такимъ же золотымъ временемъ, какъ и всѣ предшествующіе ему.

Не прошли новыя вѣянія безъ слѣда и въ Ломбардіи, принадлежавшей австрійской коронѣ. Австрійскій намѣстникъ Фирміанъ освободилъ земледѣльческое сословіе отъ нѣкоторыхъ чрезвычайно отяготительныхъ налоговъ, взимавшихся, напримѣръ, при продажѣ хлѣба владѣльцамъ крупныхъ складовъ; земельная подать была распредѣлена несравненно справедливѣе, нежели прежде, ибо спеціально для этой цѣли былъ устроенъ общій поземельный кадастръ, установившій совсѣмъ новыя и часто неожиданныя цифры земельныхъ владѣній. Рядъ канализаціонныхъ и ирригаціонныхъ работъ, чрезвычайно важныхъ для населенія, былъ исполненъ Фирміаномъ отчасти на ломбардскія, отчасти на австрійскія деньги; это сдѣлало его эпоху надолго памятною въ Ломбардіи. Свобода печати при немъ не была столь полною, какъ въ Тосканѣ при Леопольдѣ, но во всякомъ случаѣ, такая, что о ней со вздохомъ вспоминали пять-

десять лѣтъ спустя, въ меттерниховскія времена. Іосифъ II сохранилъ въ неприкосновенности все, сдѣланное намѣстникомъ Фирміаномъ при Маріи-Терезіи, и, съ своей стороны, оказалъ живѣйшую денежную и моральную поддержку павійскому университету, который, также, въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, имѣлъ случай сравнить меттерниховскій гнетъ съ счастливыми 60—70—80-ми годами XVIII столѣтія. Вообще, Іосифъ ничего не жалѣлъ для Ломбардіи: отсутствіе тамъ національнаго самосознанія привлекло къ ней императора-централиста, а съ нуждами государственнаго благоустройства онъ всегда искреннѣйшимъ образомъ хотѣлъ покончить къ выгодѣ подданныхъ. Онъ учредилъ верховный апелляціонный судъ, засѣдать въ которомъ призвалъ, между прочими и Беккарію; для упорядоченія сбора и расходованія податей была учреждена особая, подвѣдомственная не намѣстнику, а самому императору, контрольная палата. Населеніе Ломбардіи, съ 70-хъ гг. равнявшееся одному милліону съ нѣсколькими десятками тысячъ человѣкъ, къ концу столѣтія замѣтно возросло въ австрійскихъ владѣніяхъ.

Въ сардинскомъ королевствѣ просвѣщенный абсолютизмъ нашелъ довольно безцвѣтнаго представителя въ Карлѣ-Эммануилѣ I, который, правда, нѣсколько расширилъ свободу книгопечатанія, ограничилъ самоуправство феодальнаго дворянства по отношенію къ крестьянамъ, уничтоживъ монастырскія темницы, гдѣ часто годами хоронились люди, вовсе не подвѣдомственные духовному суду. На полудикомъ островѣ Сардиніи были основаны школы и двѣ гимназіи, почему-то носившія громкое названіе университетовъ; податное бремя также было отчасти переброшено съ крестьянскаго сословія на духовенство и помѣстное дворянство, впрочемъ въ довольно незначительной степени. Вообще, для Сардиніи присоединеніе ея къ Пьемонту имѣло немалое цивилизующее значеніе: подъ вліяніемъ строгихъ судебныхъ приговоровъ и дѣятельнаго вмѣшательства администраціи во всѣ старые счеты и споры сардинскаго населенія, обычай кровавой мести сталъ изчезать въ Сардиніи почти на сто лѣтъ раньше, нежели изъ сосѣдней Корсики.

Что касается до церковной области, то въ XVIII столѣтіи въ ней свирѣпствовала самая полная теократическая реакція. Осо-

бенно съ 1758 года, съ начала понтификата Климента XIII, она дала себя почувствовать. Когда либеральный министръ Тануччи изгналъ іезуитскій орденъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій, а герцогъ Фердинандъ Пармскій изъ своего герцогства, Климентъ XIII утроилъ полицейскія и цензурныя строгости въ своихъ владѣніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, разсорился весьма рѣзко и круто со всѣми просвѣщенно-абсолютистскими правительствами Италіи. Въ отвѣтъ на его буллы объ отлученіи герцогъ Фердинандъ Пармскій отмѣнилъ у себя инквизицію; его примѣру послѣдовали другіе (Модена, Тоскана). Всюду стали уничтожаться огромные, существовавшіе со временъ Карла Великаго церковные иммунитеты, представлявшіе во всей Италіи оазисы, подчиненные папѣ и его ставленникамъ; всюду эта экстерриторіальность уничтожалась самымъ рѣшительнымъ образомъ. Положеніе населенія церковной области при Климентѣ XIV было невыносимо, ибо папа въ отвѣтъ на всѣ неблагопріятныя для него мѣропріятія иностранныхъ государей удваивалъ стѣсненія для своихъ подданныхъ, думая этимъ бороться противъ тенденцій вѣка. Умеръ онъ, ничего не достигнувъ, проклиная Тануччи, Леопольда и французскаго министра Шуазеля, а преемникъ его (Климентъ XIV) долженъ былъ въ 1773 году особою буллою уничтожить орденъ іезуитовъ. Для Генуи XVIII столѣтіе было временемъ дѣятельности, направленной противъ опасныхъ сосѣдей — пьемонтскаго короля и Ломбардіи, грозившихъ поглотить маленькую и обнищавшую генуэзскую республику. Аристократическая конституція Генуи, передававшая всю власть въ руки знати, не подверглась за это время никакому существенному измѣненію; торговля продолжала падать изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, флотъ, все еще весьма сильный, чаще и чаще отдавался въ наймы кому-нибудь изъ нуждавшихся въ немъ итальянскихъ правительствъ. Долгое и кровавое возстаніе Корсики противъ своей метрополіи — Генуи никакъ не могло быть подавлено, и, отчаявшись въ ея обратномъ завоеваніи, Генуя уступила Корсику французскому королю; въ 1769 году французская армія разбила инсургентовъ и присоединила островъ къ Франціи. Генуя совсѣмъ обезсилѣла послѣ этой утраты.

Столь же чуждой вѣяніямъ вѣка, какъ и Генуя, осталась и

другая аристократическая республика — Венеція, которая нерушимо сохраняла свое государственное устройство, со всею его олигархическою замкнутостью и безпощаднымъ преслѣдованіемъ своихъ враговъ. Всѣ усилія Венеціи были направлены уже не на поднятіе торговли и былого могущества,—объ этомъ правительство еще въ XVII столѣтіи перестало даже мечтать, а только на удержаніе самостоятельности и на охраненіе своихъ островныхъ владѣній на Адріатическомъ морѣ. Эта задача была вплоть до революціонныхъ французскихъ нашествій разрѣшена вполнѣ удовлетворительно.

Восемнадцатый вѣкъ подходилъ къ концу, оставляя Италію все же въ лучшемъ состояніи, нежели то, въ которомъ онъ засталъ ее. Однако, главная задача исполнена не была: феодальные пережитки продолжали тяготѣть надъ громаднымъ большинствомъ населенія и препятствовать нормальному развитію общественности и экономической жизни. Просвѣщенный абсолютизмъ кое-что для Италіи, какъ мы видѣли, сдѣлалъ, но его благодѣянія были слишкомъ непрочны, слишкомъ связаны съ личностью государей. Безграмотный и нищій народъ не зналъ и не понималъ намѣреній просвѣщенно-абсолютистскихъ правительствъ, среднее сословіе только въ Ломбардіи, и только къ концу вѣка, стало поднимать голову, феодальное дворянство было рѣзко враждебно настроено противъ подобныхъ новшествъ, духовенство также, а духовенство имѣло надъ населеніемъ поистинѣ колоссальную моральную власть. Немудрено, что французскія революціонныя арміи, разлившись по Апеннинскому полуострову, всюду заставали типичныя формы стараго режима, и всюду отмѣчали свой путь глубочайшими переворотами всѣхъ житейскихъ отношеній.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Италія въ эпоху революціонныхъ нашествій и наполеоновскаго владычества (1796—1814 гг.).

I.

Когда еще при конвентѣ начались войны французской республики противъ европейскихъ державъ, для самыхъ недальновидныхъ людей было ясно, что Италія очень скоро сдѣлается однимъ изъ первыхъ и главныхъ театровъ ожесточенной борьбы. Группа небольшихъ, разъединенныхъ государствъ и владѣній, безъ сильныхъ армій, безъ денегъ, безъ общаго, столь необходимаго имъ всѣмъ союза, не могли надѣяться отбросить французское нашествіе, ибо соотношеніе силъ между Франціей и странами Апеннинскаго полуострова въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія было еще плачевнѣе для Италіи, нежели въ 90-хъ годахъ XV-го, въ эпоху Карла VIII, Савонаролы, Людовика Моро и т. д. Нужно сказать, что и Австрія также была далеко не спокойна за свои итальянскія владѣнія, и ея безпокойство слишкомъ оправдалось во время перваго похода Бонапарта; впрочемъ, австрійцы были для Италіи такими же чужеземцами, какъ и угрожавшіе ей французы. Столѣтнее владычество ихъ не сблизило съ кореннымъ населеніемъ нисколько. Что касается до папскихъ владѣній, то они охранялись полунаемными, полурекрутированными войсками численностью въ три-четыре тысячи человѣкъ; тосканское герцогство могло выставить отъ 5 до 6 тысячъ; Сардинское королевство было сильнѣе всѣхъ, такъ какъ обладало арміей отъ 22 до 25 тысячъ человѣкъ; въ Пармѣ былъ отрядъ въ семьсотъ человѣкъ, въ Генуѣ — $1^1/_2$ тысячи, въ Моденѣ тысяча, въ Луккѣ — двѣсти-триста чел., въ Венеціи — 2 тысячи. Немудрено, что первое-же нашествіе французовъ оказалось полнымъ тріумфомъ. Но италь-

янскимъ правительствамъ какъ будто было недостаточно своего физическаго безсилія: они постарались усугубить его и безсиліемъ моральнымъ; какъ только началось французское революціонное движеніе, мгновенно прекратились всѣ проявленія „просвѣщеннаго абсолютизма“, и началось преобладаніе противоположныхъ тенденцій. Въ Неаполѣ, въ Тосканѣ поспѣшно отмѣнялись всѣ благія реформы послѣднихъ десятилѣтій, подкрѣплялось и починялось ветшавшее феодальное зданіе, дворянство призывалось сплотиться вокругъ правительственной власти, и дать отпоръ идущимъ изъ Франціи демократическимъ началамъ. Марія—Каролина, королева неаполитанская, преслѣдовала даже такія невинныя ассоціаціи, какъ масонскія братства, всюду терпѣвшіяся въ продолженіе всего XVIII столѣтія. Къ этому времени Габсбурги породнились съ неаполитанскими Бурбонами, такъ какъ Фердинандъ, унаслѣдовавшій Тоскану отъ своего отца Леопольда, женился на дочери неаполитанскаго короля, и политика отдѣльныхъ государствъ полуострова сдѣлалась довольно единой по основнымъ тенденціямъ. Во главѣ реакціоннаго движенія сталъ сардинскій король Викторъ-Амедей, ближайшій географическій сосѣдъ Франціи и потому наиболѣе воинственно настроенный. Вообще, поражаетъ въ эту эпоху у всѣхъ итальянскихъ правительствъ наивнѣйшая переоцѣнка собственныхъ силъ, мнѣніе, что они могутъ вести противъ „французскихъ разрушителей“ не только оборонительную, но, въ случаѣ надобности, и наступательную войну. Поэтому, когда австрійскій императоръ Францъ I объявилъ въ 1792 году войну Франціи и этимъ самымъ объявилъ на военномъ положеніи принадлежавшую ему Ломбардію, въ Италіи никто особенно не взволновался. Знали, что первые шаги союзныхъ державъ будутъ сдѣланы на сѣверѣ, у Рейна, были увѣрены, что дѣло окончится пораженіемъ Франціи, и не думали о полуостровѣ, какъ о возможномъ театрѣ войны. Тоскана, Генуя и Венеція объявили себя нейтральными, ибо не видѣли въ войнѣ никакой для себя выгоды. Когда начались побѣды французовъ на восточной границѣ, когда пруссаки и австрійцы горькимъ опытомъ узнали, какъ велика была ихъ ошибка въ сравненіи Франціи съ Польшей, сардинское правительство чрезвычайно безпокоилось, тѣмъ болѣе, что въ королевствѣ уже нача-

лось броженіе немногочисленныхъ, но сильно возбужденныхъ французскою революціею передовыхъ элементовъ буржуазіи. А событія шли своимъ чередомъ, съ французами нельзя уже было мириться, ибо они вовсе, какъ оказывалось, не хотѣли мира и не боялись войны. Въ началѣ 1794 года генералъ Дюма съ французскимъ деташементомъ занялъ Монъ-Сени и западную Савойю. Сильнѣйшая тревога распространилась по всей Италіи, т. е. вѣрнѣе, среди итальянскихъ правительствъ. На островѣ Сардиніи авторитетъ пьемонтскаго правительства умалился настолько, что выгнали вонъ вице-короля и потребовали реформъ въ сепаративномъ духѣ; въ Туринѣ образовался (небольшой, впрочемъ) заговоръ съ цѣлью вынудить у Виктора-Амедея либеральныя уступки; въ Неаполѣ Марія-Каролина начала такъ свирѣпствовать противъ всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ прикосновенности къ „французской заразѣ", что неаполитанскія и сицилійскія тюрьмы наполнились арестантами, и инквизиціонныя пытки подъ шумокъ событій весьма часто пускались въ ходъ въ этихъ глухихъ казематахъ. Но всетаки ни одно итальянское правительство не поняло истиннаго положенія дѣлъ,—того, что грозная опасность идетъ на нихъ въ видѣ французской военной силы, а не изъ нѣсколькихъ демократическихъ кафэ Неаполя, Турина, Милана или Генуи. Викторъ-Амедей, войдя въ тѣснѣйшій союзъ съ австрійцами, выставившими десять тысячъ человѣкъ, и съ англичанами, дѣятельно поддерживавшими на Корсикѣ возстаніе противъ Франціи, снова уже склоненъ былъ считать себя въ безопасности. Директорія еще болѣе утвердила его въ этомъ мнѣніи, предложивши миръ съ условіемъ, чтобы сардинскій король пропустилъ черезъ Пьемонтъ французскую армію въ Ломбардію, откуда французы должны были изгнать австрійцевъ. Викторъ-Амедей отказался наотрѣзъ. Осенью 1795 г. пьемонтская армія и союзный австрійскій отрядъ потерпѣли нѣсколько пораженій отъ французскаго генерала Шерера. Но они надѣялись на нищету и начинавшуюся дезорганизацію французскихъ войскъ, ждали весны и истощенія провіанта въ скудныхъ савойскихъ ущельяхъ. Папа и неаполитанское правительство еще разъ объявили себя на сторонѣ „священной войны" противъ французской республики. Наконецъ, настала памятная для исторіи Италіи весна 1796 г.:

главнокомандующимъ французской арміи былъ назначенъ мало кому извѣстный молодой генералъ Наполеонъ Бонапартъ.

II.

27 марта 1796 года въ Ниццу пріѣхалъ въ качествѣ главнокомандующаго двадцатишестилѣтній генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Наступательный образъ дѣйствій рѣшенъ былъ имъ уже давно, особенно послѣ полученія извѣстія, что временно командовавшій французской арміей Серюрье на-голову разбилъ пьемонтскія войска. Первою своею задачею Наполеонъ поставилъ отдѣлить пьемонтцевъ отъ ихъ союзниковъ австрійцевъ. 12 апрѣля Бонапартъ разбилъ австрійскую армію при Монтенотте, тотчасъ послѣ побѣды повернулся къ сардинской (пьемонтской арміи), разбилъ ее на слѣдующій день (13-го апрѣля) при Миллезимо, 14-го и 15-го дважды разгромилъ снова австрійцевъ при Дего—и пустился преслѣдовать отступавшія по всѣмъ направленіямъ сардинскія войска. Тутъ-то и сказалась та моральная слабость сардинскаго правительства, которая губила его дѣло еще больше, нежели слабость военная: въ Пьемонтѣ, гдѣ были элементы, обозленные безсмысленнымъ деспотическимъ давленіемъ послѣднихъ лѣтъ, началось броженіе въ пользу „освободителей“ французовъ. Боясь внутреннихъ заговоровъ, растерявшись предъ наступающимъ Бонапартомъ, не вѣря уже въ австрійскую силу, Викторъ-Амедей совершилъ поступокъ, который признавался австрійскимъ дворомъ громогласно за предательство: онъ заключилъ съ французами миръ. Конечно, Наполеонъ поставилъ, по своему обыкновенію, самыя тягостныя и унизительныя условія, какія только могъ поставить: Викторъ-Амедей уступилъ Франціи всю Савойю, Ниццу, девять крѣпостей (оставивши себѣ только одну), и цѣлую массу отдѣльныхъ мѣстностей. Королю остались лишь Туринъ и одна крѣпость. Были также пункты, объясняющіе, почему Наполеону удалось сохранить въ глазахъ итальянскаго общества ореолъ освободителя, нужный ему, пока еще не совсѣмъ овладѣлъ полуостровомъ: онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ мира полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ въ сар-

динскомъ королевствѣ, выпускъ ихъ на волю, возвращеніе конфискованныхъ имуществъ, прекращеніе всѣхъ политическихъ процессовъ и т. д. Весьма характеренъ для бонапартовскаго либерализма другой пунктъ того-же мирнаго договора, по которому Викторъ-Амедей обязывался выдавать французской полиціи всѣхъ политическихъ преслѣдуемыхъ ею лицъ, если они укроются во владѣніяхъ короля. Забравши въ Пьемонтѣ денегъ, фуражу и провіанта, Бонапартъ двинулся дальше къ востоку, все преслѣдуя австрійцевъ, оставшихся теперь одинокими. При Лоди, мостъ, обороняемый австрійцами, былъ взятъ штурмомъ, и послѣ бѣгства австрійской арміи, въ нѣсколько дней всѣ западныя ломбардскія крѣпости (въ томъ числѣ и Павія) попали въ руки Бонапарта, а 14 мая онъ вступилъ въ Миланъ. Побѣдитель безпощадно грабилъ занятыя мѣстности: Ломбардія заплатила ему 25 милліоновъ франковъ. Не довольствуясь этимъ, Бонапартъ вызвалъ въ занятыя страны изъ Парижа археологовъ и ученыхъ художниковъ, которые опустошили всѣ музеи и перевезли изъ Италіи въ Парижъ массу драгоцѣнныхъ созданій античнаго искусства. Герцогъ Пармскій уплатилъ двадцать милліоновъ, объявилъ себя покорнымъ, выдалъ всѣ картины и мраморы своей коллекціи, и его примѣру послѣдовалъ герцогъ Моденскій, который также, безъ единаго выстрѣла, только подъ вліяніемъ ужаса предъ Бонапартомъ уплатилъ десять милліоновъ, и отдалъ всѣ драгоцѣнныя вещи, картины и статуи. Французскіе отряды заняли оба герцогства, и часть остальной арміи наводнила Романью. Болонья и Феррара отдали все, что у нихъ было—$3^1/_2$ милліона, а затѣмъ папа долженъ былъ отдать Бонапарту совершенно оба эти города, прибавить къ нимъ Реджіо, заплатить $15^1/_2$ милліоновъ и лишиться огромной библіотеки драгоцѣнныхъ манускриптовъ. За все это папа получилъ только перемиріе съ возможностью для Бонапарта каждую минуту начать военныя дѣйствія. Тоскана, успѣвшая заблаговременно, еще до похода Бонапарта, занять дружественную французамъ позицію, также не совсѣмъ уцѣлѣла: французская армія вошла въ нее и ограбила на двадцать милліоновъ франковъ англійскіе склады и магазины, бывшіе въ Ливорно. Въ послѣднихъ числахъ іюля, ограбивши

всю Сѣверную Италію, Бонапартъ двинулся дальше, все къ востоку. Онъ шелъ прямо въ Австрію. Послѣ кровавыхъ пораженій при Лопато и Кастильоне, австрійская армія, по пятамъ преслѣдуемая Бонапартомъ, очистила совершенно Апеннинскій полуостровъ и отступила въ Тироль. Только еще въ Мантуѣ держался осажденный французскимъ отрядомъ 15-тысячный гарнизонъ. Наполеонъ не торопился штурмовать Мантую, ибо онъ зналъ, что около шести тысячъ больныхъ лежатъ въ городѣ—въ лазаретахъ и на улицахъ, что провіанту нѣтъ и что австрійцамъ остается голодная смерть или сдача. Австрійскій генералъ Альвинци съ 50-тысячною арміей пытался спасти Мантую, но, послѣ страшной трехдневной рѣзни у Арколе, Бонапартъ отбросилъ его прочь. Это случилось уже къ концу 1796 года, а въ первые дни января Альвинци съ новыми 45 тысячами снова уже шелъ на выручку Мантуи. Но Бонапартъ опять напалъ на него (при Риволи, 13-го января 1797 года) и истребилъ двѣ трети австрійцевъ, а десять тысячъ взялъ въ плѣнъ. Тогда, 2-го февраля, Мантуя сдалась, наконецъ, на капитуляцію; на улицахъ валялось около 7 тысячъ мертвецовъ, 5 тысячъ умирало въ госпиталяхъ, остальные пятнадцать тысячъ положили оружіе. Послѣ этого папа, уже въ полномъ отчаяніи, рѣшилъ просить объ окончательномъ мирѣ. Бонапартъ получилъ, кромѣ уже отнятыхъ раньше Болоньи, Феррары и всей Романьи, еще Анкону, 15 милліоновъ (кромѣ уплаченныхъ раньше $15^1/_2$)—и всѣ почти драгоцѣнныя статуи и картины. Тотчасъ послѣ паденія Мантуи, Бонапартъ вторгся въ Тироль; Австрія (17 апрѣля) заключила миръ съ французскою республикою. Такъ окончилась „священная война итальянскихъ державъ противъ парижскихъ мятежниковъ“. Вся Сѣверная и Средняя Италія была въ рукахъ французской директоріи. За 11 мѣсяцевъ бонапартовскаго похода разлетѣлась въ прахъ вся политическая система полуострова, царившая со временъ войны за испанское наслѣдство.

III.

Сардинское королевство, низведенное до двухъ маленькихъ округовъ, было совершенно подъ пятою Бонапарта, и Викторъ-Амедей, желчный и черствый тиранъ со своими подданными, старался самымъ наивнымъ угодничествомъ и пресмыкательствомъ предъ французскимъ главнокомандующимъ спасти остатокъ своихъ владѣній. Впрочемъ, уже ясно было, что ни вражда, ни пресмыкательство не спасутъ никого отъ Бонапарта: Генуя и не думала ссориться съ Франціей, и, тѣмъ не менѣе, туда вошелъ французскій отрядъ, и дожъ вмѣстѣ съ окружавшимъ его совѣтомъ подчинялись всецѣло представителю Франціи; Венеція, также не объявлявшая войны, потеряла два своихъ округа (Кремону и Брешчію), а вскорѣ затѣмъ и Верону. Нападая на своихъ друзей, никогда съ нимъ не воевавшихъ, Наполеонъ иногда выставлялъ пустѣйшіе предлоги, а иногда никакихъ предлоговъ не выставлялъ, а, просто, бралъ, что ему хотѣлось. Тоскану также онъ грабилъ, одновременно съ грабежомъ изъясняясь въ дружественныхъ чувствахъ предъ герцогомъ. Но ужаснѣе всего было его поведеніе по отношенію къ Венеціи. Мирясь съ австрійцами, которые отказывались отъ всей Бельгіи, всей Ломбардіи, уступали всѣ завоеванія французамъ, онъ долженъ былъ, по договору, вознаградить ихъ венеціанскими владѣніями. Венеціанскій сенатъ умолялъ, унижался, предлагалъ Наполеону вѣчный союзъ, напоминалъ о своей постоянной дружбѣ къ Франціи и покорности, но все было напрасно. Предъ страхомъ войны съ французами умолкли всѣ соображенія, и сенатъ (т. е. 755 нобилей, правившихъ республикою) передалъ безусловно, и безъ всякихъ оговорокъ, власть въ руки десяти человѣкъ, назначенныхъ Бонапартомъ. Затѣмъ продѣлана была комедія заключенія „мира“ между Венеціей и Франціей. Городъ уплатилъ шесть милліоновъ франковъ, выдалъ 10 тысячъ ружей, 5 военныхъ кораблей, лучшія картины старыхъ венеціанскихъ мастеровъ и библіотеку изъ 500 рукописей. Когда въ августѣ 1797 года между Австріей и Франціей былъ заключенъ миръ, городъ Венеція и ея восточныя владѣнія — Истрія,

Далмація, Каттара были отданы Австріи, островныя владѣнія Венеціи, т. е. Корфу, Кефалонія и другіе шесть попали въ руки Франціи такъ же, какъ вся Албанія и три округа на Апеннинскомъ полуостровѣ, а остальныя владѣнія Венеціи на полуостровѣ присоединены были къ такъ называемой „цизальпинской республикѣ", которая, такимъ образомъ, родилась на свѣтъ въ моментъ гибели существовавшей $1^1/_2$ тысячи лѣтъ Венеціи. Цизальпинская республика, образованная еще въ маѣ 1797 года, и признанная Австріей по Кампоформійскому миру въ августѣ того же года, состояла изъ отнятыхъ у Австріи Ломбардскихъ владѣній, города Мантуи, Пескьеры, герцогства Моденскаго, Массы, Каррары и отнятыхъ у папы Феррары, Болоньи и всей Романьи, а также части венеціанскихъ владѣній на полуостровѣ; съ сѣвера, простымъ декретомъ французскаго правительства, къ этой новой „цизальпинской республикѣ" были присоединены швейцарскіе округи Вальтеллино, Кіавенна и Борміо. Во главѣ этой новой республики Бонапартъ поставилъ пять директоровъ, законодательный корпусъ состоялъ изъ 168 членовъ, а совѣтъ старѣйшинъ, обсуждавшій законопроэкты до внесенія въ законодательный корпусъ,—изъ 80 членовъ. Нечего и говорить что „цизальпинская республика", сколоченная изъ разныхъ частей и поставленная подъ прямое вліяніе Франціи, являлась не болѣе, какъ политическою фикціею: вся она была только лишь владѣніемъ Франціи, хотя прогрессивные элементы полуострова и радовались слову „республика" и уничтоженію остатковъ феодальнаго строя (уравненію дворянства въ правахъ съ другими сословіями, уничтоженію нѣкоторыхъ старыхъ феодальныхъ поборовъ и т. д.). Самъ Бонапартъ дѣлалъ все, чтобы привязать Сѣверную Италію къ ея новому государственному устройству, но, въ дѣйствительности, циничнѣйшимъ образомъ относился ко всей этой комедіи съ шумихою республиканскихъ фразъ. „Вы мало знаете этотъ народишко (итальянцевъ)," — писалъ онъ Талейрану: „изъ вашихъ писемъ я вижу, что вы продолжаете по-прежнему придерживаться ложныхъ сужденій. Вы думаете, что свобода въ состояніи что-нибудь сдѣлать порядочное изъ этихъ обабившихся, суевѣрныхъ, трусливыхъ и гнусныхъ людей. Не могу же я основываться на любви народовъ къ

свободѣ и равенству, всѣ эти фразы хороши только въ прокламаціяхъ и рѣчахъ, т. е. въ басняхъ". Ограбивши, занявши и отдавши Австріи Венецію, Наполеонъ столь же мало поцеремонился съ другою нейтральною республикою — Генуэзскою. Французскіе происки возбудили въ Генуѣ мятежъ противъ аристократическаго сената; впрочемъ пригородные крестьяне и простой народъ въ городѣ стояли на сторонѣ сената, только молодежь средняго сословія была въ лагерѣ инсуррекціи. Но когда возстаніе не удалось, Бонапартъ, уже совершенно не церемонясь и не объявляя войны, послалъ въ Геную 12 тысячъ солдатъ, при помощи которыхъ и ниспровергъ древнее государственное устройство. Новая конституція вручала власть тремъ стамъ депутатамъ отъ всего населенія, уравненнаго въ правахъ; законы утверждались совѣтомъ старѣйшинъ изъ 150 чел., а исполнительная власть была въ рукахъ назначеннаго Наполеономъ дожа. Впрочемъ, конституція этой новой „Лигурійской" республики такъ же существовала на бумагѣ, какъ и конституція „цизальпинской"; въ дѣйствительности, Генуя сдѣлалась французской провинціей. Вѣчный страхъ предъ Бонапартомъ, заботы и болѣзни свели осенью 1796 года въ гробъ сардинскаго короля Виктора-Амедея. Сынъ его Карлъ-Эммануилъ IV долженъ былъ съ страшными трудностями, всевозможными дипломатическими хитростями и уступками защищаться отъ грозныхъ для Пьемонта намѣреній французской директоріи. Кончилось тѣмъ, что онъ обязался вступить въ тѣсный союзъ съ Франціей. Союзъ этотъ состоялъ въ томъ, что 1) онъ отдавалъ Бонапарту армію изъ 9 тысячъ человѣкъ, обязуясь немедленно пополнять выбывшихъ изъ рядовъ этой арміи новыми рекрутами; 2) обязывался доставлять имъ провіантъ все время, пока будутъ стоять на его землѣ французскія войска; 3) обязывался всегда по первому требованію пропускать французовъ черезъ свои владѣнія. За все это Франція гарантировала ему, что остающихся въ его рукахъ владѣній (т. е. города Турина съ крѣпостью) она уже не тронетъ.

Кампоформійскій миръ съ Австріей утвердилъ окончательно всѣ эти измѣненія. Когда такимъ образомъ весь сѣверъ Италіи попалъ подъ французское иго, изъ Парижа, Ліона и другихъ большихъ го-

родовъ Франціи явились якобинскіе пропагандисты, люди, имѣвшіе еще наивность повторять старыя фразы временъ Робеспьера и Анахарсиса Клотца объ освобожденіи націй французами и т. д. Много было, впрочемъ, между ними, просто, шпіоновъ директоріи, промышленниковъ и проходимцевъ, но были и люди съ безспорною искренностью проповѣдывавшіе итальянцамъ „доктрину свободы, равенства и братства", убѣждавшіе „низвергнуть алтари", уничтожить „христіанское суевѣріе", изгнать священниковъ и т. д. Темные, безграмотные ломбардскіе и савойскіе пастухи, нищіе работники генуэзскихъ доковъ, оставались глухи къ пропагандѣ, которой вовсе не понимали, и къ которой не были подготовлены. Что же касается до насильственныхъ дѣйствій этихъ пропагандистовъ, то они возмущали весьма часто религіозное чувство этого бѣднаго, апатичнаго, пришибленнаго исторіей народа. Можно сказать, что послѣ очень долгаго промежутка у большинства итальянскаго населенія обнаружилась готовность къ энергичному отпору, и именно въ отвѣтъ на особенно обидныя дѣйствія французовъ по адресу духовенства и церквей. Однако, за вычетомъ этой естественной реакціи, колоссальный переворотъ, созданный Бонапартомъ, довольно мало расшевелилъ итальянскія массы: сѣверъ былъ разоренъ, вытоптанъ лошадьми, ограбленъ солдатами и ихъ главнокомандующимъ, но къ нищетѣ Италіи было не привыкать стать, а національнаго чувства всетаки этотъ ударъ не пробудилъ въ сколько—нибудь значительныхъ размѣрахъ. Цизальпинская республика объединяла въ искусственныя рамки довольно большое количество прежде отдѣльныхъ владѣній; она, была если не de facto, то de jure, самостоятельнымъ большимъ итальянскимъ государствомъ, но и это не расшевелило населенія полуострова. Поэты и виршеплеты высокопарными стихами славили „освободителя Италіи"— Бонапарта, но масса оставалась инертною. Она, правда, почувствовала облегченіе отъ уничтоженія феодальныхъ поборовъ, но, съ точки зрѣнія національнаго самосознанія, обнаруживала полное равнодушіе къ состоявшейся перемѣнѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія послѣ полутораста лѣтъ ушли испанцы—пришли австрійцы; въ концѣ XVIII вѣка послѣ столѣтняго владычества ушли австрійцы—пришли французы. И тѣ, и другіе, и третьи были чужеземцами въ совершенно одина-

ковой степени; свои владыки (папа, сардинскій король) также особыхъ благъ подданнымъ не доставляли; все это пріучило населеніе равнодушно смотрѣть на вторгающіяся арміи и безъ особаго волненія прислушиваться къ грому событій.

IV.

Двадцатитысячный отрядъ подъ начальствомъ Бертье былъ оставленъ въ Италіи Бонапартомъ, „чтобы охранять свободу народовъ", какъ говорилось во французскихъ бюллетеняхъ, т. е. чтобы держать всѣ завоеванныя мѣстности въ своихъ рукахъ. Что остальныя части полуострова попадутъ точно также въ руки Франціи, не подлежало почти никакому сомнѣнію. Церковная область была слабѣе всѣхъ, оставшихся еще независимыми, итальянскихъ странъ, и на нее обрушился новый ударъ. Кампоформійскій миръ 1797 года, отнявшій у папы Болонью и сѣверные, самые богатые округа его владѣній, а также тридцать слишкомъ милліоновъ франковъ, разорилъ его совершенно. Французскій посолъ дѣлалъ въ Римѣ, что хотѣлъ, и всѣми зависящими отъ него способами старался возбудить войну между папою и Франціей, ибо исходъ ея не могъ подлежать никакому сомнѣнію. Предлогъ былъ выбранъ съ внѣшней стороны самый благовидный: посолъ дѣятельно поддерживалъ всѣхъ жителей папской области, желавшихъ реформъ въ области управленія, суда и фиска. Онъ называлъ это заботами о „свободѣ римлянъ" и употреблялъ всяческія мѣры, чтобы довести дѣло до конфликта, въ который возможно было бы вмѣшаться. Эти усилія увѣнчались успѣхомъ; толпы молодыхъ людей стали собираться у папскаго дворца; гораздо болѣе многолюдныя массы простого народа, уже раздраженныя рѣзкими поступками французовъ относительно предметовъ религіознаго обожанія и смѣшивавшая во-едино прогрессистовъ съ французами, также толпилась у дворца и проявляла рѣшимость покончить съ движеніемъ и съ инсургентами, даже безъ всякаго вмѣшательства папской стражи. 28 декабря 1798 года послѣ происшедшей, наконецъ, свалки инсургенты, тѣснимые разъяренными народомъ, пытались укрыться въ домѣ французскаго посольства; французскій генералъ Дюфо съ обнаженною

шашкою ворвался въ толпу преслѣдователей и былъ мгновенно убитъ. Какъ только директорія узнала это, она объявила папѣ войну и Бертье черезъ сорокъ дней безъ всякихъ сраженій занялъ Римъ. 13 февраля 1798 года французы и ихъ римскіе приверженцы провозгласили римскую республику и прекращеніе свѣтской власти папы. Впрочемъ, французскіе солдаты нѣсколько роптали на своего главнокомандующаго за то, что онъ совсѣмъ почти не позволялъ имъ грабить Римъ; къ ихъ счастью Бертье понадобился директоріи, и вмѣсто него назначили Массену. При Массенѣ французы вели себя совсѣмъ по образцу вестготовъ Алариха въ 410 году: они зажигали цѣлые кварталы безъ всякой цѣли и смысла; врывались въ квартиры частныхъ лицъ, насиловали женщинъ, дрались, убивали, пьянствовали и грабили безъ конца. Римъ долженъ былъ сверхъ всего этого уплатить пятнадцать милліоновъ золотомъ, дать три тысячи лошадей и припасовъ на всю французскую армію. Все имущество папы было продано, а деньги взяты Массеною; французскому адъютанту показалось, что у Пія VI на рукѣ драгоцѣнныя кольца, и онъ велѣлъ часовымъ сорвать ихъ съ пальцевъ папы силою, что и было исполнено. Больной старикъ былъ выгнанъ вонъ не только изъ Рима, но и изъ церковной области (20 февраля, черезъ недѣлю послѣ вступленія французовъ въ городъ). Черезъ два дня послѣ его отъѣзда въ Римъ явились трое французскихъ уполномоченныхъ, которые и объявили „конституцію римской республики". Всѣ жители бывшей церковной области были объявлены равными въ правахъ, всѣ слѣды крѣпостничества и феодальной зависимости уничтожены: какъ и вездѣ, соціальная реформа, принесенная французами, была демократична и справедлива. Но зато комедія съ политическими установленіями, учреждавшими трибунатъ и сенатъ и т. д., являлась пустѣйшей шумихою, лишенною смысла, ибо вся эта новая республика находилась подъ такимъ-же точно желѣзнымъ игомъ французовъ, какъ и за годъ до того завоеванныя мѣстности. Французскій генералъ Массена былъ неограниченнымъ диктаторомъ города Рима и римской республики, и въ этомъ страшномъ мартѣ мѣсяцѣ 1798 года римляне пережили ужасы, предъ которыми блѣднѣли многія страницы даже ихъ собственнаго прошлаго. При Массенѣ солдаты разбойничали совсѣмъ уже

невозбранно; они убивали беззащитныхъ и давно покорившихся жителей цѣлыми семьями, выгоняли женщинъ голыхъ на улицу, грабили начисто, систематически домъ за домомъ, квартиру за квартирою. Положеніе сдѣлалось такимъ, что единственнымъ средствомъ спасенія или хоть отдаленія смерти сталъ представляться бунтъ противъ французовъ. Конечно бунтъ не удался, перерѣзано было еще нѣсколько сотъ римлянъ, но, наконецъ, французское правительство приказало удерживать впредь солдатъ въ границахъ. Такъ переживали римляне первые мѣсяцы своей „республики". Наступила очередь послѣдняго самостоятельнаго владѣнія на полуостровѣ, неаполитанскаго королевства.

Едва только занявши Римъ, французы уже заявили Маріи-Каролинѣ, неаполитанской королевѣ, что земли Беневентъ и Понтекорво должны быть немедленно уступлены Неаполемъ новосозданной римской республикѣ, и что они требуютъ отъ неаполитанскаго правительства разрыва всякихъ сношеній съ Англіей; а нужно замѣтить, что королева была подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоей леди Гамильтонъ, любовницы Нельсона, да и страхъ передъ французами побуждалъ ее крѣпко держаться дружбы съ Англіей. Кромѣ того, всѣ недовольные элементы внутри королевства обнаруживали весьма сильную наклонность низложить Бурбонскую династію. Въ виду грозной и близкой опасности, ибо французскіе мародеры стали уже шнырять за границею римскихъ и неаполитанскихъ владѣній, Марія-Каролина предложила Австріи оборонительный союзъ. Но пока велись переговоры объ этомъ союзѣ, пришла вѣсть о побѣдѣ Нельсона надъ французскимъ флотомъ при Абукирѣ; какъ только извѣстіе было на-лицо, регентша будто совсѣмъ забыла о французскихъ полчищахъ стоящихъ въ Римѣ, и вполнѣ ободрилась. Опять съ свирѣпостью, которая не уступитъ дѣйствіямъ Альбы и Ивана Грознаго, неаполитанское правительство стало наполнять тюрьмы и монастырскіе погреба политическими арестантами. И мужчинъ, и женщинъ, и подростковъ морили въ казематахъ голодомъ, били, ломали кости, чтобы добиться признаній въ сношеніяхъ съ французами. Отсутствіе Бонапарта изъ Европы, побѣда Нельсона все это въ глазахъ многихъ торопившихся людей, въ томъ числѣ

и неаполитанской королевы, получало видъ ясныхъ признаковъ близкой гибели французскаго владычества въ Италіи. Это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что къ Англіи, Неаполю и Австріи примкнулъ и императоръ Павелъ. Все это происходило въ концѣ 1798 года, и въ ноябрѣ Марія-Каролина первая начала кампанію, пославши свои войска въ римскую республику, занятую французами. Вначалѣ имъ удалось оттѣснить французовъ, но въ какія нибудь три недѣли кампанія была проиграна и неаполитанцы, пять разъ побитые французами, бѣжали по всѣмъ направленіямъ въ Неаполь. Король неаполитанскій Фердинандъ, до сихъ поръ не вмѣшивавшійся въ государственныя дѣла, перетрусилъ до того, что бѣжалъ не только изъ римской республики, куда было вторгся, но и изъ неаполитанскаго королевства. Французы вскорѣ заняли рядъ неаполитанскихъ крѣпостей, потребовали, еще не доходя до Неаполя, десять милліоновъ контрибуціи, и въ Неаполѣ произошелъ рядъ сочувственныхъ демонстрацій въ честь республиканской арміи, приближавшейся къ столицѣ. Всѣ преслѣдуемые Маріей-Каролиною и Фердинандомъ прогрессивные элементы съ восторгомъ ждали французовъ; но за то простонародіе, возбуждаемое священниками и монахами, съ яростью кричали, что они не пустятъ безбожниковъ въ городъ св. Дженнаро. 20-го января 1799 года армія генерала Шампіоннэ съ четырехъ концовъ ворвалась, наконецъ, въ Неаполь. Дѣйствительно, лаццарони, всегда бывшіе равнодушными къ политикѣ, но ненавидѣвшіе французовъ по слухамъ объ ихъ неистовствахъ въ Римѣ, дрались отчаянно, и послѣ трехдневной рѣзни, среди потоковъ крови, среди трехъ тысячъ труповъ неаполитанцевъ, была провозглашена в Неаполѣ „Партенопейская республика“. И здѣсь была объявлена конституція, но ее и не пробовали осуществить: военная диктатура французовъ была единственнымъ неаполитанскимъ правительствомъ въ это время. Уже не десять, а восемьдесятъ милліоновъ были взяты у Неаполя. Впрочемъ, Шампіоннэ и его ближайшіе замѣстители не позволяли войску такъ грабить Неаполь, какъ они грабили Римъ: не было полнаго чувства побѣды, потому что черезъ какихъ нибудь два мѣсяца послѣ занятія Неаполя армія Суворова приблизилась къ Апеннинскому полуострову.

На сѣверѣ французы также не дремали, въ ожиданіи отчаянной схватки съ этою „второю коалиціею". Еще въ декабрѣ 1798 г. они угрозами заставили сардинскаго короля Карла-Эммануила отказаться отъ престола и захватили весь Пьемонтъ въ свои руки; въ мартѣ 1799 года та же участь постигла Тоскану, послѣ изгнанія изъ Флоренціи герцога, на томъ основаніи, что герцогъ — братъ австрійскаго императора. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля появился, наконецъ, и Суворовъ, который нанесъ рядъ пораженій Моро и другимъ французскимъ генераламъ, вошелъ въ Миланъ, двинулся дальше, захватилъ Туринъ, и французское владычество заколебалось на всемъ полуостровѣ. Въ Неаполѣ французы и благородные, но сантиментальные республиканцы изъ средняго и аристократическаго сословія, еле держались противъ ненависти простого народа и духовенства, возбуждаемыхъ агентами Маріи-Каролины и короля Фердинанда. Еще до прихода Суворова, чрезвычайно многочисленный и сильный элементъ неаполитанскаго населенія, всѣ безъ исключенія разбойничьи банды, объявили себя также противъ республиканцевъ и безбожниковъ и (продолжая попутно грабить обывателей безъ различія убѣжденій) двигались со всѣхъ сторонъ къ Неаполю, „дабы спасти" (какъ наивно выразился тогда же Пій VI) „потрясенный тронъ и алтарь". Кардиналъ Фабриціо Руффо, человѣкъ умный, стойкій и энергичный, (хотя по моральнымъ своимъ качествамъ весьма сильно напоминавшій Цезаря Борджіа) организовалъ эти банды въ грозную армію. Въ іюлѣ 1799 года, когда изъ Неаполя уже давно вызваны были на сѣверный, пріальпійскій театръ войны почти всѣ французскія войска, Руффо взялъ Неаполь штурмомъ, причемъ простой народъ съ восторгомъ его привѣтствовалъ и пѣлъ гимны „Арміи вѣры", какъ назывался отрядъ Руффо. Тотчасъ вернулся и король Фердинандъ, и началась кровавѣйшая расправа съ республиканцами. Кровь лилась рѣкою, въ тюрьму попали сразу нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ четыре тысячи слишкомъ послѣ пытокъ были казнены. Французамъ предоставили спокойно удалиться въ Тулонъ, но своихъ не щадили. Лаццарони, „армія вѣры", королевскіе сбирры, монахи, священники, разбойники — всѣ эти разнородные элементы, объединенные жаждою

мщенія и фанатизмомъ, вытворяли самыя вопіющія звѣрства. Всѣ, кто такъ или иначе былъ причастенъ къ кратковременному офиціальному существованію Партенопейской республики, подвергались ожесточеннымъ гоненіямъ. Висѣлицы и плахи красовались на всѣхъ неаполитанскихъ перекресткахъ, и Марія-Каролина, опять захватившая все вліяніе на дѣла въ свои руки, свирѣпствовала еще хуже, нежели прежде. Полное сочувствіе духовенства и простонародья сопутствовало всѣмъ жестокостямъ правительства; „руффіанцы", согласно приказу Руффо, являлись покорными исполнителями всѣхъ репрессивныхъ мѣръ. Въ Ломбардіи австрійская реакція была нѣсколько мягче, быть можетъ, потому, что австрійскій императоръ намѣренъ былъ присвоить Пьемонтъ, откуда также побѣды Суворова изгнали французовъ, и не хотѣлъ слишкомъ ожесточать преданные французскимъ началамъ слои средняго и высшаго классовъ. Въ это же время (въ августѣ 1799 года) умеръ изгнанный изъ Рима Пій VI, и новый папа, Пій VII, намѣренъ былъ вернуться въ церковную область, пока бывшую въ рукахъ неаполитанскихъ властей. Побѣда реставраціи на полуостровѣ была полною и повсемѣстною, какъ вдругъ, вторичное появленіе въ Италіи Бонапарта опять перевернуло все вверхъ дномъ. На этотъ разъ (весною 1800 года) Наполеонъ появился уже въ качествѣ перваго консула, главы Франціи, въ ореолѣ героя египетскаго похода, битвы подъ пирамидами и т. д. Перейдя со своею арміею черезъ Сенъ-Бернаръ съ большими трудностями и опасностями, Бонапартъ занялъ сѣверную часть Пьемонта, потомъ долину По, вошелъ въ Миланъ, провозгласилъ возстановленіе Цизальпинской республики и, 14 іюня 1800 года, напавши на австрійскую армію при Маренго, совершенно ее разгромилъ. Лигурійская республика въ Генуѣ, Цизальпинская въ Миланѣ, были провозглашены возстановленными, и Наполеонъ заявилъ, что онъ желаетъ точнаго соблюденія Кампо-Формійскаго трактата. Цѣлая масса лицъ, бѣжавшихъ отъ тюрьмы и казней неаполитанской реакціи, присоединились къ Наполеону. Марія-Каролина выслала 15 тысячъ навстрѣчу надвигающимся французамъ, но ея войска были разбиты наголову. Вся Тоскана снова была покорена французами; дѣло Суворова оказывалось со-

вершенно погибшимъ. Австрія поспѣшила заключить миръ (Люневильскій, 1801 г.), которымъ отказывалась опять отъ Ломбардіи, подтверждала всѣ условія Кампо-Формійскаго трактата, признавала Цизальпинскую и Лигурійскую республики и пр. Парма и Пьяченца отошли къ Франціи, въ качествѣ полной собственности; Тоскану Наполеонъ превратилъ въ королевство Этрурійское и отдалъ сыну бывшаго пармскаго герцога, поставивши, однако, въ странѣ большой французскій гарнизонъ; Пьемонтъ всецѣло былъ занятъ французами, раздѣленъ на департаменты и подчиненъ французскимъ префектамъ; Неаполитанское правительство обязалось прекратить всѣ политическія преслѣдованія, казни и процессы, изгнать англичанъ изъ своихъ гаваней, отдать Бриндизи, Отранто и Пьомбино французскимъ гарнизонамъ и укротить реакціонную ярость руффіанцевъ. Только благодаря принятію всѣхъ этихъ условій, королевство спаслось отъ новаго нашествія. Новый папа Пій VII получилъ свою церковную область, но тоже съ уступкою крѣпости французскому гарнизону; „римская республика" возстановлена не была. Вообще, абсолютизмъ, смѣнившій во Франціи республику, давалъ себя чувствовать и въ поведеніи Наполеона по отношенію къ Италіи: онъ строго воспретилъ солдатамъ оскорблять вѣрованія населенія, не торопиться, какъ прежде, превращать въ республики всѣ завоеванія, наконецъ, Цизальпинской республикѣ, насчитывавшей около пяти милліоновъ жителей, далъ весьма нелиберальную конституцію, и себя самого заставилъ провозгласить цизальпинскимъ президентомъ; подобное же преобразованіе постигло и „лигурійскую" (т. е. генуэзскую) конституцію: въ Генуѣ вся власть была вручена дожу, назначенному Бонапартомъ. Одна изъ главныхъ чертъ установленнаго первымъ консуломъ режима заключалась въ обязательствѣ всѣхъ подчиненныхъ ему итальянскихъ странъ выставлять довольно значительные вспомогательные отряды во французскую армію. Военная диктатура Наполеона имѣла весьма важное значеніе для Италіи, ибо окончательно уничтожила старыя, феодальныя сословныя перегородки, но она же показала прогрессивнымъ слоямъ, что весьма наивно было мечтать о „свободѣ", подъ крыльями „французскаго орла". Бонапартовскій гнетъ вызвалъ въ 1802, 1803 и 1804 г.г. нѣ-

сколько заговоровъ въ Цизальпинской республикѣ и Пьемонтѣ, съ цѣлью освободиться отъ военнаго ига, но жестокая расправа со всѣми замѣшанными лицами надолго терроризовала недовольныхъ. Французскіе историки любятъ изображать процвѣтаніе Италіи подъ владычествомъ Наполеона; конечно, это процвѣтаніе есть миѳъ, ибо вѣчные наборы и подати истощали страну въ общемъ такъ, какъ это было и при австрійцахъ, до начала французскихъ нашествій. Что касается до папы, то Пій VII былъ достаточно уменъ, чтобы понимать всю шаткость своего положенія; онъ всячески старался угождать Наполеону, и когда тому вздумалось, чтобы папа пріѣхалъ въ Парижъ короновать его (къ 1804 году), Пій VII безпрекословно исполнилъ это желаніе. Тотчасъ послѣ коронаціи Наполеонъ уничтожилъ Цизальпинскую республику и возложилъ на себя древнюю корону ломбардскихъ королей. Вице-королемъ этого новаго королевства онъ назначилъ своего пасынка Евгенія Богарнэ; въ то же время Лигурійская республика, т. е. Генуя, раздѣленная на три департамента, была присоединена къ французской имперіи; Парма и Пьяченца потерпѣли ту же участь, Лукка — также. Эти узурпаціи сильно всполошили Австрію, боявшуюся за свои, доставшіяся ей по Кампо-Формійскому трактату, венеціанскія владѣнія; Нельсонъ и англійское правительство, съ своей стороны, побуждали всячески неаполитанскую королевскую чету примкнуть къ затѣвавшейся коалиціи противъ Наполеона. Французская армія была далеко, въ Булони, на сѣверо-западной оконечности Франціи, ибо Наполеонъ затѣвалъ тогда высадку въ Англію, и Маріи-Каролинѣ моментъ показался удачнымъ, чтобы возсоединить къ Неаполю занятыя французами мѣстности. Лѣтомъ 1805 г. коалиція быстро формировалась, а осенью началась кампанія. Извѣстны ея результаты: послѣ страшнаго аустерлицкаго пораженія, отступленія разбитой русской арміи, унизительнаго мира австрійцевъ съ Наполеономъ, весь полуостровъ попалъ въ руки французскаго императора.

По пресбургскому миру Австрія отказалась отъ Венеціи, отъ Далмаціи и Албаніи, которыя отошли къ итальянскому королевству Наполеона I (мы говоримъ только о послѣдствіяхъ мира для Италіи), и неаполитанское правительство осталось одинъ на одинъ

противъ всей французской арміи. „Бурбоны перестали царствовать въ Неаполѣ", произнесъ Наполеонъ на другой день послѣ Аустерлица, и черезъ тридцать дней, въ началѣ января 1806 г., армія подъ начальствомъ Евгенія Богарнэ и Іосифа Бонапарта явилась въ предѣлахъ королевства. Король и королева тотчасъ же бѣжали, и послѣ весьма слабаго сопротивленія столь свирѣпствовавшихъ недавно опричниковъ Маріи-Каролины, французы заняли всю страну. Въ Калабріи разбойничьи банды (какъ и на всемъ югѣ полуострова, принадлежавшемъ Неаполю) пробовали сопротивляться, но генералъ Ренье съ беззавѣтною, чисто каннибальскою жестокостью, перевѣшалъ тысячи бандитовъ и усмирилъ эти глухія мѣста. 30 марта того же 1806 года Іосифъ Бонапартъ былъ провозглашенъ королемъ неаполитанскимъ. Духовенство, сельскій народъ, лаццарони угрюмо встрѣтили новый переворотъ, но ничего противъ силы подѣлать не могли: разстрѣляніе грозило всякому за малѣйшее обнаруженіе неудовольствія. Къ тому же нѣсколько тысячъ человѣкъ, полузамученныхъ пытками, вырванныхъ изъ рукъ палачей Маріи-Каролины, явились на свѣтъ Божій изъ тюремъ и монастырскихъ подземелій, и ужъ, конечно, они и ихъ родственники, всѣми силами души ненавидѣвшіе павшій режимъ, не мало содѣйствовали прочности французскаго завоеванія. Скоро стали обнаруживаться и такіе плоды новаго управленія, которые привлекли къ нему даже нафанатизированный сельскій людъ: кодексъ Наполеона, введенный въ силу въ Неаполѣ, какъ и въ остальной завоеванной французами Италіи, ввелъ несравненно болѣе передовое гражданское право, подтвердилъ равенство всѣхъ передъ закономъ, уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ привилегій, всѣхъ обязательствъ деревенскаго населенія по отношенію къ помѣщикамъ. Что также было немаловажно для населенія, администрація Іосифа Бонапарта, поддерживаемая нѣсколькими тысячами французскихъ штыковъ, успѣла совершить, дѣйствительно, небывалое дѣло: усмирить южныхъ бандитовъ. Правда цѣль эта была достигнута ужасными средствами: французы вѣшали разбойниковъ сотнями, сжигали постоялые дворы (часто съ хозяевами), гдѣ находился хоть одинъ бандитъ, осуждали въ вѣчную каторгу за малѣйшее сношеніе съ шайками. Одновременно съ этимъ,

Наполеонъ велѣлъ закрыть около десятка большихъ монастырей, а зданія обратить въ казармы и склады или разрушить: на духовенство въ Неаполѣ онъ смотрѣлъ, какъ на враждебную себѣ политическую силу и, сообразно съ этимъ, дѣйствовалъ. Право помѣщика судить и наказывать живущихъ на его земляхъ крестьянъ было цѣликомъ отмѣнено, и судъ (вполнѣ зависимый отъ правительства Іосифа Бонапарта) получилъ единообразный для всѣхъ сословій видъ. Уничтоживши всѣ феодальные и церковные налоги, тяготѣвшіе на населеніи, Наполеонъ уничтожилъ также всѣ существовавшія подъ разными наименованіями государственныя подати и замѣнилъ ихъ довольно, впрочемъ, обременительнымъ, но простымъ, яснымъ и болѣе справедливымъ, всеобщимъ налогомъ на землю, сообразно съ размѣрами и доходностью земельныхъ имуществъ. Привыкшій къ безграничному деспотизму, народъ не особенно тяготился военною диктатурою, а твердое государственное управленіе, безопасность отъ разбойниковъ, уравненіе въ правахъ и повинностяхъ всѣхъ сословій сильно говорили за новый режимъ. Только духовенство осталось представителемъ оппозиціи, правда, поневолѣ, глухой и осторожной. Желѣзная, непреоборимая сила завоевателя придавила весь полуостровъ, его отдѣльнымъ частямъ оставалось только ждать своей очереди, чтобы быть поглощенными французскою имперіей. Лукку Наполеонъ подарилъ своей сестрѣ Элизѣ Бачіоки (лѣтомъ еще 1805 г.), а въ 1806 г. Элиза получила еще Массу и Каррару; Беневентъ былъ отданъ Талейрану; цѣлый рядъ отдѣльныхъ и довольно значительныхъ исковъ былъ оторванъ отъ Неаполитанскаго королевства и розданъ маршаламъ и родственникамъ Бонапарта. Участь Церковной области долго не рѣшалась; дѣло въ томъ, что Наполеонъ еще въ 1802 г. заключилъ съ папою конкордатъ, по которому, между прочимъ, признавалъ римскую область, взамѣнъ на моральное содѣйствіе католическаго духовенства во Франціи. Для борьбы съ „идеологами“ возстановленіе во Франціи католицизма казалось Бонапарту лучшимъ и незамѣнимымъ средствомъ. Правда, онъ никогда не затруднялся никакими трактатами и обѣщаніями, но Пій VII держалъ себя крайне осторожно и уступчиво, не примыкалъ къ врагамъ императора, поѣхалъ его короновать въ Парижъ

и, вообще, избѣгалъ ссоры, а тутъ еще подоспѣла новая большая война Наполеона противъ Пруссіи и Россіи (въ 1806—807 гг.), Пій VII могъ себя чувствовать внѣ особенно пристальнаго наполеоновскаго вниманія. Но уже въ 1807 голу Наполеонъ, подъ предлогомъ, что папская полиція недостаточно зорко соблюдаетъ континентальную систему и пропускаетъ англійскихъ купцовъ, велѣлъ своимъ генераламъ занять нѣсколько крѣпостей. Еще раньше, чѣмъ покончить съ церковною областью, Наполеонъ (въ началѣ 1808 г.) отнялъ Тоскану („Этрусское королевство") у Маріи-Луизы, регентши, управлявшей этимъ королевствомъ отъ имени своего малолѣтняго сына: еще въ концѣ 1807 года къ регентшѣ явился французскій посолъ и объявилъ ей судьбу Тосканы. Узкая, тупая и жестокая ханжа—Марія-Луиза была такъ ненавидима населеніемъ, что переходъ власти въ руки французовъ совершился вполнѣ спокойно, безъ попытокъ сопротивленія. Вообще на сѣверѣ, гдѣ населеніе было подъ меньшимъ вліяніемъ духовенства, французское владычество встрѣчало меньше враговъ, чѣмъ въ Неаполѣ и на югѣ полуострова. Съ 1809 года Тоскана была отдана Элизѣ Баччіоки, сестрѣ императора; впрочемъ, и до, и послѣ этого она была, какъ и вся остальная Италія, подчинена французской военной диктатурѣ. Наполеоновскіе ставленники жили въ своихъ дворцахъ, получали большіе доходы, кутили, какъ Іосифъ Бонапартъ, развратничали, какъ Элиза Баччіоки, копили состояніе, какъ генералъ-губернаторъ Турина—Мену, но всѣ они были пѣшками и послушнымъ орудіемъ своего повелителя.

Въ началѣ февраля 1808 года французскій генералъ Міолли вошелъ, наконецъ, въ Римъ, заперъ папу въ Латеранскомъ дворцѣ, включивъ оторопѣвшую папскую „армію" въ свой отрядъ, арестовалъ кардинальскую коллегію и выслалъ ихъ изъ горола. Папа Пій VII словесно протестовалъ противъ французскихъ насилій, но, конечно, ничего подѣлать не могъ. Послѣ этого насилія съ папою, замиравшее уже было религіозно-національное движеніе противъ французскаго владычества снова подняло голову. Въ Калабріи и въ римскихъ округахъ по ту сторону Тибра стали образовываться общества, состоявшія изъ простолюдиновъ, монаховъ, уцѣлѣвшихъ отъ

французскихъ казней бандитовъ; эти тайныя общества получили названіе соединеній карбонаріевъ (т. е. угольщиковъ). Угольщиками они стали называться, какъ вслѣдствіе сильно выраженнаго демократическаго характера большинства, такъ и по той довольно случайной причинѣ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ были основаны представителями профессіи угольщиковъ. Появленіе карбонаріевъ въ 1808 году было съ восторгомъ привѣтствовано всѣми врагами Наполеона, но первыя дѣйствія ихъ, конечно, носили случайный характеръ: то убьютъ сборщика податей, то утопятъ охотящагося въ окрестностяхъ французскаго офицера, то отправятъ королевѣ Маріи-Каролинѣ (въ Сицилію, гдѣ укрылась Бурбонская династія) депутацію и т. д. Французскія власти вначалѣ весьма мало обращали вниманія на новыхъ враговъ, и только съ 1809 года начали жестоко преслѣдовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ прикосновенности къ карбонаріямъ. Теоретическое знамя карбонаріевъ было довольно смутнымъ на первыхъ порахъ; они называли себя республиканцами, и въ то же время ихъ идеальной героиней была королева Каролина, которую (вмѣстѣ съ ея мужемъ) они желали возстановить на престолѣ; они твердили о томъ, что они друзья простому народу и, одновременно, мечтали о возстановленіи всѣхъ церковныхъ правъ и привилегій, часто ложившихся въ былыя времена тяжкимъ бременемъ на плечи этого самого простого народа. Пока все сводилось къ борьбѣ путемъ тайныхъ убійствъ съ французскимъ владычествомъ, и англійское правительство, не колеблясь, отправило въ калабрійскія ущелья нѣсколько партій ружей, пистолетовъ, пороху и сабель. Карбонарія, однако, ничуть не остановили Наполеона и въ маѣ 1809 года онъ просто присоединилъ особымъ декретомъ и безъ того уже завоеванные, Римъ и римскую область къ французской имперіи. Тогда Пій VII, подъ вліяніемъ энергичнаго и возмущеннаго этимъ грабежомъ кардинала Пакки, отлучилъ Наполеона отъ церкви. Больной, дрожащій отъ гнѣва старикъ заперся въ Квиринамѣ, куда ночью 6-го іюля (того же 1809 г.) силою ворвались французскіе жандармы, разбили двери и стѣны, и при свѣтѣ факеловъ, бездна уличнаго сброда и французскихъ солдатъ наводнила всѣ комнаты дворца съ крикомъ, смѣхомъ и пѣніемъ; они ло-

мали мебель, били посуду, рвали портьеры, прятали драгоцѣнныя вещи въ карманы, а жандармы пока, выламывая бревнами дверь за дверью съ проклятьями и криками, приближались къ папской спальнѣ. Приступивши къ старику, жандармскій генералъ Радэ потребовалъ, чтобы онъ взялъ обратно отлученіе Наполеона отъ церкви; Пій VII отказался, тогда его посадили въ карету, наполненную жандармами, и помчали во Францію, не давая старику нигдѣ отдохнуть. Послѣ полуторанедѣльной бѣшеной скачки, его привезли во французскій городокъ Савону, гдѣ пока и оставили. Еще раньше этого событія Наполеонъ назначилъ своего брата Іосифа, короля неаполитанскаго, испанскимъ королемъ, а неаполитанскій престолъ отдалъ Мюрату. Для королевства неаполитанскаго эта перемѣна не имѣла никакого особеннаго значенія, ибо Мюратъ былъ такою же наполеоновскою пѣшкою, какъ и Іосифъ. Но лично—Іоахимъ Мюратъ отличался своимъ добродушіемъ, веселостью, легкомысліемъ, гасконскимъ хвастовствомъ и полною незлопамятностью. Всѣ эти качества сильно сблизили новаго короля съ его подданными: неаполитанцы видѣли въ немъ такого же подневольнаго человѣка, какими были и они сами, подчиненнаго всецѣло волѣ французскаго императора. Мюратъ не оскорблялъ ихъ собою, и память по себѣ онъ оставилъ въ южной Италіи хорошую. Но чѣмъ больше шло время, тѣмъ быстрѣе Наполеонъ утрачивалъ въ Италіи даже ту популярность въ прогрессивныхъ кругахъ общества, которою пользовался въ 1796—1804 гг. въ качествѣ „сына революціи". Только слѣпой могъ не видѣть, что онъ уже далъ Италіи то хорошее, что могъ и хотѣлъ дать гражданское уравненіе народа въ правахъ и обязанностяхъ, и что надѣяться на политическія реформы въ либеральномъ духѣ нѣтъ никакого основанія. Наполеонъ зналъ объ этомъ охлажденіи, но оно его ни мало не безпокоило: онъ только удвоилъ строгости полицейскаго надзора за учащеюся молодежью въ сѣверо-итальянскихъ университетахъ и усилилъ репрессіи противъ карбонаріевъ на югѣ. Въ Италіи онъ бывалъ лично изрѣдка, но каждый разъ ознаменовывалъ свой пріѣздъ какими—нибудь распоряженіями, полезными для внутренней торговли полуострова: при немъ были проведены нѣсколько шоссейныхъ дорогъ, которыхъ не знала Италія, продол-

жены начатыя въ концѣ предыдущаго столѣтія ирригаціонныя работы, проложено нѣсколько туннелей въ Пьемонтѣ, Тосканѣ и Ломбардіи. Но торговля оживлялась чрезвычайно туго: слишкомъ уже наполеоновская эпоха была для нея неблагопріятна. Вѣчные наборы уводили въ далекіе края цвѣтъ населенія; итальянскіе рекруты гибли тысячами въ упорной войнѣ Наполеона противъ испанскаго народа (въ 1808—1812 гг.), въ войнахъ съ Австріей (1809 г.), Россіей (1812 г.), въ кровавыхъ бойняхъ наполеоновской обороны (1813—1814 г.г.); континентальная система разоряла Неаполь, Геную и все побережье, прежде ведшее торговлю съ Англіей, а Венецію эта система совсѣмъ убила. Поэтому, когда въ 1809 году австрійское правительство рѣшило попытаться поправить свои отчаянныя дѣла, воспользоваться тяжелою борьбою Наполеона въ Испаніи, и началась война 1809 года, то повсюду обнаружилась на Апеннинскомъ полуостровѣ полнѣйшая холодность къ бонапартовскимъ ставленникамъ. Бурбонская династія, съ 1805 г. укрывавшаяся въ Сициліи, устроила оттуда дессантъ на неаполитанскій берегъ, но они были разбиты Мюратомъ, и часть этихъ 12 тысячъ солдатъ спаслась на корабли, часть бѣжала въ калабрійскія горы и присоединилась кто къ карбонаріямъ, кто, просто, къ бандитамъ. На сѣверѣ вице-король итальянскій Евгеній Богарнэ при столкновеніяхъ своихъ съ напавшимъ на него эрцъ-герцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ также имѣлъ случай убѣдиться, что прошли тѣ времена, когда всетаки хоть маленькая часть народа считала австрійцевъ угнетателями, а французовъ освободителями. Холодно и равнодушно слѣдили въ Ломбардіи, Тосканѣ, Пьемонтѣ, Венеціи, Генуѣ за возгорѣвшейся борьбою. Кровавая побѣда Наполеона при Ваграмѣ рѣшила все: владычество Франціи на полуостровѣ, и безъ того крѣпкое, было еще упрочено. Въ эти годы полнѣйшаго безгласія и политическаго рабства въ Италіи крѣпло чувство національной обиды, желаніе независимости. Это чувство пока распространялось только между наиболѣе образованными элементами, но, въ отрицательной, мало сознанной еще формѣ, обнаруживалось также и среди карбонаріевъ въ видѣ ненависти къ французамъ. Цензура и произволъ Наполеона, разстрѣливавшаго книгопродавцевъ въ Германіи (Пальма)

за изданіе неблагонамѣренныхъ брошюръ, конечно, не дали этому зрѣвшему чувству выясниться открыто, въ прессѣ; но одинъ изъ очень замѣтныхъ тогда поэтовъ Уго Фосколо, воспѣвавшій Арминія, борца за національную свободу древней Германіи, читался нарасхватъ, и его поэму всѣ понимали весьма ясно.

V.

Въ 1813 году, изъ двадцати семи тысячъ итальянцевъ, сражавшихся вмѣстѣ съ полумилліонной великой арміей противъ русскихъ, на родину вернулись всего триста тридцать три человѣка: остальные были перебиты или погибли во время страшнаго отступленія отъ Москвы. А тутъ еще подоспѣли новые приказы Наполеона о новыхъ наборахъ для той отчаянной борьбы противъ всей Европы, которую онъ начиналъ. Карбонаріи, сильно посмѣлѣвшіе, горячо рекомендовали населенію южной Италіи отказываться отъ военной службы и возстать противъ французовъ. Но недостатокъ общаго политическаго идеала, непривычка къ общимъ дѣйствіямъ, культурная отсталость южной Италіи отъ сѣверной, все это помѣшало болѣе или менѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ итальянцевъ. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ больше мечтали о республикѣ, а на югѣ, въ Неаполѣ и Римѣ, о возвращеніи Бурбонской династіи и папы. Были и такія лица, которыя предлагали соотечественникамъ отложиться отъ Наполеона, но сохранить всѣ внесенныя имъ установленія и даже назначенныхъ имъ правителей. Послѣдній планъ находилъ себѣ довольно много приверженцевъ именно въ Неаполѣ, гдѣ Мюратъ, едва вернувшись послѣ русскаго похода, вступилъ уже въ нѣкоторыя сношенія съ недовольными элементами и обнаруживалъ желаніе сохранить за собою неаполитанскую корону, даже цѣною измѣны Наполеону. Впрочемъ, весь 1813 годъ прошелъ у Мюрата въ неопредѣленныхъ колебаніяхъ, и онъ сражался, какъ левъ, въ рядахъ наполеоновскихъ войскъ въ теченіе всей германской освободительной войны. Но съ начала 1814 года, вернувшись въ Неаполь, Мюратъ, человѣкъ всегда недалекій и не дипломатичный, повѣрилъ [illegible]ителю Англіи лорду Бентинку и нѣсколькимъ ласковымъ

письмамъ изъ Австріи и рѣшилъ совершенно оставить дѣло Наполеона, надѣясь, что союзники не только не отнимутъ у него неаполитанскую корону, но прибавятъ еще къ ней корону итальянскую, т. е. всѣ владѣнія вице-короля Евгенія Богарнэ. На этомъ основаніи, въ то время, какъ Богарнэ напрягалъ всѣ усилія въ борьбѣ съ проникшими въ Ломбардію австрійскими войсками, Мюратъ занялъ Римъ, Болонью и еще нѣсколько городовъ и сдѣлалъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ. Австрійцы вошли въ Миланъ, гдѣ произошли антифранцузскія волненія, и объявили Ломбардію „вновь отошедшею къ австрійской коронѣ". Мюратъ тогда вернулся въ Неаполь, полагая, что если погибли болѣе смѣлыя его мечтанія, то хоть это королевство ему останется. Въ мартѣ 1814 года состоялось отреченіе Наполеона, и съ тѣхъ поръ началась всеобщая европейская реставрація. Отовсюду возвращались въ Германію, въ Италію, въ Испанію государи и правительства, изгнанные Наполеономъ, отмѣнялись французскія нововведенія, реставрировался по мѣрѣ силъ и возможности старый режимъ, служились заупокойныя и благодарственныя службы.

Въ концѣ мая въ Римъ вернулся Пій VII, и церковная область присягнула ему; черезъ мѣсяцъ явился въ Пьемонтъ сардинскій претендентъ Викторъ-Эммануилъ, и страна была объявлена отложившейся отъ Франціи и находящейся, по прежнему, во владѣніи савойской династіи. Осенью Тоскана попала въ руки вернувшемуся великому герцогу Фердинанду; Ломбардія, еще до отреченія Наполеона, перешла отъ Евгенія Богарнэ къ Австріи, Геную совсѣмъ безъ всякихъ основаній, а просто, по праву сильнаго, захватилъ пьемонтскій король Викторъ-Эммануилъ, Парма, Пьяченца и Гвасталла, выдѣленныя изъ состава бывшихъ французскихъ владѣній, достались по волѣ Австріи, Маріи-Луизѣ, женѣ Наполеона I, урожденной австрійской принцессѣ; въ Модену вернулся въ качествѣ герцога Моденскаго Францискъ IV. Фердинандъ IV, бывшій король неаполитанскій, съ яростью требовалъ у вѣнскаго конгресса изгнанія послѣдняго остававшагося на полуостровѣ наполеоновскаго ставленника — Мюрата и возвращенія Неаполя Бурбонской династіи. Но Австрія, завладѣвшая Ломбардіей и Венеціей, и съ января 1814 года находив-

шаяся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мюратомъ, не желала лишать его короны; Англія также разсчитывала сдѣлать изъ него свое орудіе и объявила себя противъ реставраціи неаполитанскихъ Бурбоновъ; въ самой странѣ, какъ только распространились слухи о дѣйствіяхъ реставрированныхъ правительствъ въ остальныхъ частяхъ полуострова, всѣ передовые слои населенія, а также всѣ скупщики распроданныхъ Наполеономъ монастырскихъ земель, одни, боясь возстановленія феодальной старины, другіе, вслѣдствіе страха потери своихъ земельныхъ участковъ, обнаружили явное желаніе поддерживать Мюрата. Словомъ, и внутри, и внѣ королевства обстоятельства складывались такъ, что Мюратъ одинъ уцѣлѣлъ среди разгрома и паденія французскаго владычества. Характеръ погубилъ его. Въ началѣ марта 1815 года, услыхавши о высадкѣ Наполеона на южномъ берегу Франціи, онъ вдругъ, и для всѣхъ неожиданно, беззавѣтно сталъ на сторону своего бывшаго повелителя, ринулся со всею арміей на сѣверъ, захватилъ Римъ, Умбрію, разбилъ австрійцевъ, стоявшихъ подъ Болоньей, но затѣмъ, видя ропотъ среди своихъ войскъ и офицеровъ, двинулся обратно, еще разъ сразился съ австрійцами, но, тѣснимый съ одной стороны Австріей, съ другой—дессантомъ, высаженнымъ изъ Сициліи неаполитанскимъ претендентомъ Фердинандомъ, Мюратъ сдался англичанамъ, окружавшимъ берегъ и они его доставили во Францію въ безопасности, а Неаполь теперь, уже попалъ немедленно въ руки Бурбонской династіи. Но съ Мюратомъ дѣло этимъ не кончилось. Послѣ ста дней и Ватерлоо онъ съ маленькой горсточкой людей высадился въ Калабріи и обратился къ населенію съ воззваніемъ противъ Фердинанда IV, но отклика не нашелъ. Попавши въ руки королевской полиціи, послѣ комедіи суда надъ нимъ, онъ былъ разстрѣлянъ.

Такъ окончилась въ Италіи наполеоновская эпопея. Общій результатъ паденія его владычества выразился въ непомѣрномъ усиленіи австрійскаго вліянія на полуостровѣ и въ сильно выраженныхъ реакціонныхъ тенденціяхъ всѣхъ реставрированныхъ правительствъ. Но осталось кое-что отъ грозной наполеоновской эпохи, чего уже не вытравили ни Фердинандъ въ Неаполѣ, ни Меттернихъ въ Миланѣ, ни савойская династія въ Туринѣ, ни другія

правительства въ своихъ столицахъ: начавшееся національное самосознаніе ширилось и росло сначала въ большихъ городахъ среди буржуазіи и аристократіи, потомъ и въ сельскихъ округахъ. Феодализма возстановить уже не удалось нигдѣ; гражданское право наполеоновскаго кодекса съ большими или меньшими отклоненіями осталось всепроникающимъ (и объединяющимъ) принципомъ итальянскихъ законодательствъ; разрушенныя Наполеономъ сословныя перегородки уже не могли быть возобновлены съ прежнею увѣренностью и въ прежней полнотѣ; высшіе слои, титулованное и нетитулованное дворянство, сблизившись съ остальнымъ населеніемъ именно вслѣдствіе уничтоженія пережитковъ феодализма, переходитъ въ ряды національной оппозиціи; среди карбонаріевъ 20—30—40 гг. мы видимъ рядомъ съ настоящими угольщиками аристократовъ болѣе древняго рода, нежели Габсбурги. Новая, тяжелая и тягучая борьба затѣвалась на полуостровѣ; но наполеоновская эпоха какъ будто переломила на-двое итальянскую исторію: Наполеонъ засталъ нѣсколько маленькихъ и болѣе крупныхъ государствъ, ничего почти другъ о другѣ не знающихъ, живущихъ отдѣльною, изолированною жизнью, а оставилъ націю, начинавшую понемногу сознавать себя единою и смотрѣть на судьбы частей своихъ, какъ на нѣчто общее, также единое. Если бы Меттернихъ сказалъ въ XVIII вѣкѣ свою фразу, что Италія есть географическій терминъ, онъ, можетъ быть, былъ бы правъ; произнеся ее въ первой половинѣ XIX вѣка, онъ только пріятно заблуждался и прожилъ достаточно долго, чтобы воочію убѣдиться въ своей близорукости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Италія отъ конца наполеоновскихъ войнъ до восшествія на папскій престолъ Пія IX (1815—1846).

I.

Послѣ наполеоновскихъ войнъ и всѣхъ потрясеній, которыя испыталъ полуостровъ отъ начала революціонныхъ нашествій до битвы при Ватерлоо, Сардинское королевство оказалось въ 1815 году въ самомъ цвѣтущемъ состояніи по сравненію съ другими итальянскими государствами. Оно получило въ полное свое владѣніе всю генуэзскую республику, и незнакомая старому Пьемонту торгово-промышленная жизнь, исходя изъ Генуи, оживляла съ тѣхъ поръ все королевство. Генуэзскихъ порта и флота съ избыткомъ хватало на всѣ торговыя потребности королевства; увеличилось его населеніе и богатство. Генуя съ отчаяніемъ умоляла вѣнскій конгрессъ даровать ей самостоятельность, но все было напрасно: она попала подъ безконтрольную власть сардинскаго короля. Въ теченіе XVII—XVIII столѣтій правительству Савойи и Пьемонта, ставшему съ 1720 года сардинскимъ, случалось дѣлать политическія ошибки, вести неразсчетливыя войны, но никогда оно не бросало денегъ на вѣтеръ, какъ это дѣлали другія итальянскія правительства, никогда не вымогало послѣдняго достатка у населенія подъ видомъ податей, какъ это позволяли себѣ дѣлать сначала испанцы потомъ Бурбоны въ Неаполѣ и австрійцы въ Ломбардіи, никогда не истощало своей казны и государственныхъ силъ въ пользу посторонняго странѣ дѣла, какъ истощали всѣ силы Церковной области римскіе папы, сначала въ цѣляхъ непотизма, возвышенія своей семьи, пріобрѣтенія художественныхъ и античныхъ коллекцій, сокровищницъ искусства, потомъ въ цѣляхъ борьбы съ реформаціей,

и, затѣмъ, снова въ видахъ непотизма и личной роскоши. Савойскій домъ своею скупою хозяйственною политикою, строгимъ соблюденіемъ интересовъ страны снискалъ себѣ завидную репутацію на полуостровѣ. Но этого мало. Онъ являлся единственною чисто-итальянскою, древнею династіей, не пришлой, не навязанной насильно, и это обстоятельство окружило сардинское правительство необыкновенно яркимъ ореоломъ, какъ только началось и оживилось національное движеніе. Сардинскому правительству все прощалось — даже то, что не прощалось прогрессивными людьми тогдашней Италіи никакому другому правительству. Въ сущности, образъ правленія въ Пьемонтѣ былъ чисто абсолютистскій: опираясь на армію въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ, на многочисленное помѣстное дворянство, давно потерявшее всякую политическую силу и пополнявшее ряды дисциплинированной бюрократіи, на 3—3$^1/_2$ милліонное населеніе, по большей части земледѣльческое и чрезвычайно мало развитое въ умственномъ отношеніи, сардинское правительство безконтрольно распоряжалось всѣми внутренними и внѣшними дѣлами королевства; ни малѣйшей оппозиціи оно не знало и не считалось ни съ какою внутреннею врожденною себѣ силою, какъ всѣ безъ исключенія другія итальянскія правительства. Но савойская династія, при всемъ своемъ автократизмѣ, никогда не позволяла себѣ слишкомъ ужъ вопіющихъ злоупотребленій власти, никогда не говорила со своими подданными такимъ плантаторскимъ языкомъ, какъ, напримѣръ, неаполитанскіе Бурбоны или ломбардскіе намѣстники австрійскаго императора. Пьемонтъ былъ единственною страною тогдашней Европы, гдѣ слова „патріархальное управленіе“ не звучали злостной и лицемѣрной насмѣшкой. Викторъ-Эммануилъ I правилъ именно, какъ „добрый деспотъ“, по мѣткому выраженію, тогда же пущенному о немъ въ оборотъ. Онъ уничтожилъ, правда, всѣ устои гражданственности, внесенные сюда шестнадцатилѣтнимъ французскимъ владычествомъ; ввелъ снова смертную казнь за всѣ виды святотатства, за воровство, за массу мелкихъ правонарушеній; судъ превратилъ въ чисто административное, полицейское управленіе, постановлявшее приговоры по указанію или приказанію правительства; среднее и высшее образованіе цѣликомъ попало въ руки духовенства, изгнав-

шаго всѣ слѣды чего бы то ни было, похожаго на дѣйствительную науку; туринскій и генуэзскій университеты фактически были обращены въ обыденныя гимназіи, состоявшія подъ прямою властью іезуитскаго ордена; пресса была подчинена весьма суровой цензурѣ, занимавшейся (помимо прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей) добровольческимъ шпіонствомъ за журналистами, профессорами, студентами, адвокатами и, вообще, лицами профессій, которыя считались тогда подозрительными. И все это, повторяемъ, какъ-то прощалось сардинскому правительству, за его сравнительную мягкость и за его итальянское, національное происхожденіе. Знакомясь съ итальянскою политическою литературою тѣхъ временъ, просто иной разъ диву даешься, до какой степени вмѣсто реальнаго Пьемонта итальянскіе прогрессисты выдумали себѣ какую то обѣтованную свободную и счастливую страну, гдѣ нѣтъ чужеземныхъ деспотовъ и гдѣ „закопано зерно дерева итальянской свободы". Эта репутація сыграла свою роль въ судьбахъ династіи, когда пришло рѣшительное время.

Можетъ быть, изъ за этой репутаціи еще болѣе, нежели изъ за своей семидесятитысячной арміи, сардинское королевство было всегда кошмаромъ для Меттерниха. Ломбардо-венеціанская область прямо и непосредственно примыкала всею западною своею границею къ Пьемонту, и это сосѣдство по совершенно правильному взгляду канцлера сильно компрометтировало австрійскіе интересы. Въ самомъ дѣлѣ: нигдѣ въ Италіи тяготѣніе къ Пьемонту не было такъ ясно выражено, какъ въ Ломбардо-венеціанскихъ владѣніяхъ Австріи, и нигдѣ національное броженіе не завоевало себѣ такъ быстро общія симпатіи. Австрійскій меттерниховскій деспотизмъ сумѣлъ себя сдѣлать ненавистнымъ не только вслѣдствіе того, что онъ казался игомъ чужеземнаго завоевателя: цѣлая сѣть мелкихъ, назойливыхъ, грубыхъ до свирѣпости, безмысленныхъ до загадочности, полицейскихъ придирокъ отравляли жизнь самому мирному обывателю Ломбардіи, который и не грезилъ никогда о карбонаризмѣ; чисто военное управленіе намѣстниковъ пріучило всѣхъ безъ разбора пола, званія и лѣтъ смотрѣть на себя, какъ на безгласныхъ рабовъ и вѣроятныхъ жертвъ самаго вопіющаго насилія. Ганзенъ, авторъ книги по исторіи

нравовъ подъ названіемъ „Stock und Peitsche im XIX Jahrhundert“ отводитъ особую (и вовсе не краткую) главу австрійскому владычеству въ Италіи. Бывали случаи, когда австрійскіе офицеры приглашали дѣвушекъ изъ приличныхъ и образованныхъ (иногда даже знатныхъ семействъ) явиться къ нимъ въ казарму; за отказомъ слѣдовалъ насильственный приводъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ полицію и жестокое тѣлесное наказаніе, ибо полиція рабски подчинялась военному элементу и дѣлала все, что офицеры приказывали. Самыя гнусныя, съ нынѣшней точки зрѣнія, фантастическія самоуправства творились разнузданной, вѣчно пьяной военщиной надъ беззащитными обывателями. Жаловаться намѣстнику было вполнѣ безполезно; да еще жалобщикамъ приходилось нерѣдко весьма плохо. Высѣчь въ полиціи розгами кого угодно изъ итальянскаго населенія, считалось администраціей самымъ обыкновеннымъ, легкимъ, удобнымъ и безопаснымъ способомъ воздѣйствія въ случаѣ какихъ-бы то ни было столкновеній или неудовольствій. Главнымъ мотивомъ меттерниховской политики было стремленіе совершенно искоренить какія-бы то ни было національныя чувства въ австрійскихъ подданныхъ, и внушить имъ всяческими средствами увѣренность въ полнѣйшей неизмѣнности ихъ участи, вытравить всякую надежду на лучшее будущее. Всѣ важнѣйшія мѣста въ администраціи и судѣ были въ рукахъ австрійцевъ, не говоря уже о полиціи и войскахъ, сплошь состоявшихъ изъ нѣмцевъ и кроатовъ. Однимъ изъ средствъ приниженія и обезсиленія народа являлась въ глазахъ Меттерниха нищета, и невѣроятно тяжелое податное обложеніе, тяготѣвшее надъ Ломбардіей и Венеціей, было настолько же вызвано алчностью вѣнскаго правительства, насколько и, такъ сказать, этими полицейско-предупредительными соображеніями. Налогъ на соль больше чѣмъ въ десять разъ увеличивалъ ея стоимость; налогъ на землю поглощалъ около 50% ея доходности; налогъ на жилье и масса налоговъ на предметы первой необходимости угнетали и обезсиливали страну. Во времена наполеоновскаго владычества Ломбардія платила почти вдвое меньше общей суммы податей, уплачивавшихся теперь австрійцамъ. Наряду съ самоуправствомъ намѣстника и военныхъ гарнизоновъ, центральная власть часто въ самыхъ ничтож-

ныхъ и мелочныхъ случаяхъ не допускала ничего, кромѣ обращенія къ ней лично: съ итальянцемъ мѣстныя власти могли сдѣлать все, что имъ заблагоразсудилось бы, но *позволить* ему что-нибудь, положить резолюцію на его прошеніе, мало-мальски серьезнаго характера, они не могли и должны были направлять просителя въ Вѣну. Цензура въ Ломбардіи и Венеціи свирѣпствовала такъ же, какъ въ остальной Италіи, но здѣсь еще прибавлялось общее, принципіальное нерасположеніе ко всему, что написано на итальянскомъ языкѣ. И намека на политическую прессу не существовало въ ломбардо-венеціанской области: мѣстныя безразличныя въ общественномъ смыслѣ сплетни, перепечатки изъ офиціальныхъ органовъ, литературные отчеты о новыхъ научныхъ и беллетристическихъ книгахъ — вотъ что составляло „разрѣшенную“ духовную пищу населенія. Школъ грамотности для народа было довольно много (особенно, сравнительно съ остальной Италіей, гдѣ ихъ почти совсѣмъ не существовало), но въ нихъ кромѣ итальянской и, иногда, нѣмецкой грамоты и Закона Божія — ничему не учили. Изъ гимназіи и, въ особенности, изъ двухъ университетовъ области (падуанскаго и павійскаго) тщательно искореняли всѣ признаки свободолюбія и національнаго сознанія. Школы содержались непосредственно насчетъ общинъ, такъ же какъ и весь церковный причтъ; общины же (сельскія и городскія) обязаны были заботиться о содержаніи въ порядкѣ дорогъ, паромовъ и, вообще, путей сообщенія. Общины избирали для ближайшихъ мѣстныхъ своихъ нуждъ и потребностей особые общинные совѣты, въ 30—40—50, иногда 60 человѣкъ; правомъ голоса и избранія пользовались всѣ земельные собственники мѣстности. Собственно, только эти собранія и имѣли хоть какой-нибудь опредѣленный смыслъ, хотя, конечно, и тѣни политическаго значенія въ нихъ не было. Но такъ называемыя „центральныя конгрегаціи“ ломбардской и венеціанской областей, выбиравшіяся изъ помѣстныхъ дворянъ, и собиравшіяся одинъ – два раза въ годъ, не имѣли уже ни малѣйшаго смысла. На нихъ такъ и смотрѣли, какъ на декорумъ, неизвѣстно зачѣмъ существующій. Вообще, знать въ ломбардо-венеціанской области никакой роли не играла даже въ мѣстномъ самоуправленіи. Средній классъ, буржуазія, была

единственнымъ элементомъ, представлявшимъ для австрійскаго правительства довольно серьезную угрозу: буржуазія, сравнительно, была богата, обладала чуть не половиною всѣхъ земельныхъ имуществъ, шелковыми мануфактурами, сахарными фабриками, торговымъ флотомъ. Конечно, австрійское правительство дѣлало съ своей стороны все, чтобы обезсилить и разорить итальянскую торговлю и промышленность, и, ко второй половинѣ XIX вѣка, достигло уже въ этомъ смыслѣ кое-какихъ результатовъ, но, тѣмъ не менѣе, это сословіе являлось въ экономическомъ смыслѣ самымъ независимымъ. Крестьянство почти сплошь обладало ничтожнѣйшими земельными участками или жило батраческимъ трудомъ, и его забитость, загнанность, придавленность вѣчною нуждою была тѣмъ поразительнѣе, что по природѣ ломбардскій крестьянинъ считался наиболѣе одареннымъ и впечатлительнымъ между крестьянами всѣхъ другихъ странъ Италіи. Въ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ Ломбардіи крестьянская собственность была развита гораздо менѣе, нежели въ сравнительно, мало плодородныхъ, ибо въ первыхъ почти вся земля была въ рукахъ богатыхъ лицъ средняго сословія или изъ ряду вонъ богатыхъ крестьянъ: тамъ находились огромныя рисовыя плантаціи, луга для скота, сыроварни, кожаныя мануфактуры. Батраки на этихъ большихъ фермахъ получали нищенскую плату (отъ 20 до 40 копѣекъ въ день, если опредѣлять ихъ заработокъ нынѣшнею покупательною силою денегъ). Притомъ еще и безъ того нищее крестьянство ломбардо-венеціанской области разорялось не щадившимъ почти ни одной семьи восьмилѣтнимъ рекрутствомъ молодыхъ и здоровыхъ членовъ семейства. Но наиболѣе оппозиціоннымъ слоемъ являлась все же буржуазія; вообще, ломбардо-венеціанское среднее сословіе сыграло весьма значительную роль въ національномъ итальянскомъ движеніи первой половины XIX столѣтія: чужеземное владычество здѣсь чувствовалось больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и сбиррамъ, т. е. австрійской полиціи, приходилось много работать. Производство дознаній по политическимъ дѣламъ отличалось самымъ изумительнымъ произволомъ и отсутствіемъ какой бы то ни было законности. На бумагѣ пытки не существовало, но на дѣлѣ не было мало-мальски значительнаго политическаго процесса безъ замариванія подсудимыхъ голо-

домъ, жаждою, безсонницей, невыносимою жарою, безъ сѣченія розгами, палками, плетьми,—все это съ цѣлью добиться новыхъ и новыхъ показаній. Что касается до окончательной кары, то ея размѣры рѣшались одною изъ безчисленныхъ ad hoc назначенныхъ комиссій, приговоры утверждались намѣстникомъ (въ иныхъ случаяхъ императоромъ) и немедленно приводились въ исполненіе. За ничтожный по существу „проступокъ" политическаго характера грозило многолѣтнее заточеніе въ Шпильбергѣ и другихъ глухихъ австрійскихъ крѣпостяхъ, гдѣ надсмотрщики продѣлывали надъ своими жертвами всевозможныя насилія и издѣвательства. Замѣчательно, что въ области политическихъ преслѣдованій австрійскія власти считали для себя слишкомъ стѣснительными свои же собственные циркуляры и правила и нарушали ихъ самымъ свободнымъ образомъ. Перлюстрація писемъ въ почтамтахъ дошла до того, что въ самыхъ глухихъ городишкахъ области были устроены спеціальные „черные кабинеты" для вскрыванія, чтенія и заклеиванія вновь подозрительной корреспонденціи. Шпіонство, вообще, было доведено до необычайныхъ размѣровъ, и въ этомъ отношеніи съ ломбардо-венеціанскою полицейскою „охраною" могли конкуррировать только соотвѣтствующія учрежденія неаполитанскаго королевства. Королевство Обѣихъ Сицилій вплоть до того момента, какъ Гарибальди прогналъ послѣдняго короля изъ Бурбонской династіи Франциска II, т. е. до конца 50-хъ г.г. XIX столѣтія, находилось въ столь же незавидномъ положеніи, какъ и австрійскія области. Правда, испанская вѣтвь Бурбоновъ, царствовавшая здѣсь съ первой половины XVIII столѣтія, уже не носила особенно яркаго чужеземнаго колорита, но за то съ избыткомъ заслужила ненависть населенія другими своими сторонами: „неаполитанскіе Бурбоны всегда были самыми гнусными, жестокосердыми тиранами изъ всѣхъ европейскихъ тирановъ", восклицалъ въ своихъ проповѣдяхъ патеръ Александръ Гавацци въ первые дни послѣ окончательнаго избавленія Неаполя отъ этой династіи. Быть можетъ, это утвержденіе и грѣшитъ гиперболизмомъ, но, дѣйствительно, короли неаполитанскіе и, въ особенности, такъ называемый король Бомба—Фердинандъ II, слишкомъ часто дѣлали вещи, изумлявшія даже Меттерниховскихъ ста-

вленниковъ. Самый безпредѣльный деспотизмъ царилъ въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и отъ директора полиціи зависѣла свобода, здоровье, часто жизнь всѣхъ „подозрительныхъ“ людей, а подозрительными считались люди самаго умѣреннаго образа мыслей, которые даже въ тогдашней Европѣ не всюду были бы признаны за либераловъ. Директоры полиціи (въ родѣ знаменитаго тогда Дель-Каретто) слишкомъ часто пользовались своимъ высокимъ и безотвѣтственнымъ положеніемъ, чтобы путемъ угрозъ и вымогательствъ составлять себѣ весьма значительныя состоянія. Любопытно, что многочисленный персоналъ своихъ слугъ и помощниковъ въ дѣлѣ розыска подозрительныхъ директоры полиціи всегда распредѣляли такъ, что въ Сициліи служили неаполитанцы, а на континентѣ, въ Неаполѣ, Калабріи — сицилійцы. Взаимное нерасположеніе, иногда даже ненависть двухъ частей этого народа, раздѣленныхъ лишь этнографическимъ нюансомъ, были сильно на руку слугамъ неаполитанскихъ королей. Но, въ сущности, Бурбонская династія совершенно напрасно такъ свирѣпствовала всю первую половину XIX вѣка, ища измѣны: бояться общаго возстанія она основаній не имѣла. Въ королевствѣ жило около пяти милліоновъ людей, изъ которыхъ почти 20% были земельными собственниками, получившими земли отчасти по наслѣдству, отчасти послѣ распродажи конфискованныхъ французами церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Какъ только эти собственники убѣдились, что возвратившаяся Бурбонская династія оставитъ ихъ въ покоѣ, они въ огромномъ большинствѣ случаевъ стали лояльными подданными реставрированнаго правительства. Это были либо крестьяне, обладавшіе маленькими и скудными надѣлами, либо представители средняго сословія, владѣвшіе большими землями и отдававшіе ихъ въ аренду. Феодальные пережитки, уничтоженные Наполеономъ, уже не появлялись вновь; политическое рабство было общимъ для всѣхъ, но гражданскія права и преимущества также оказались для всѣхъ одинаковыми за самыми незначительными и несущественными исключеніями. Конечно, матеріальное положеніе крестьянства вовсе не было безусловно хорошимъ, но, тѣмъ не менѣе, оказывалось сноснѣе, нежели до Наполеона, и правительство Бурбоновъ имѣло достаточно сообрази-

тельности не возстановлять противъ себя низшій классъ слишкомъ неравномѣрною раскладкою податного бремени или воскрешеніемъ феодальныхъ повинностей. Что касается до правъ политическихъ, то равнодушіе къ нимъ большинства населенія сказалось весьма ярко въ 1816 году, когда Фердинандъ уничтожилъ сицилійскую конституцію, данную имъ въ 1812 году острову, чтобы этою либеральною уступкою отвратить и неаполитанцевъ отъ французскаго военнаго деспотизма. Съ тѣхъ поръ „королевство Обѣихъ Сицилій“ управлялось вполнѣ единообразно. Больше всего доставлялъ хлопотъ бурбонской полиціи столичный городъ. Населеніе Неаполя въ первой половинѣ XIX вѣка равнялось 200 — 300 тысячъ человѣкъ; въ качествѣ самаго большого, самаго веселаго и живописнаго города на полуостровѣ, онъ привлекалъ множество туристовъ, и такимъ образомъ сильно умалялись результаты правительственной политики, сильно затруднявшей выдачу заграничныхъ паспортовъ, съ цѣлью огражденія общества отъ шедшихъ изъ Англіи и Франціи либеральныхъ идей. Несмотря на всѣ строгости, запрещенныя французскія газеты всегда и всѣмъ интересующимся были доступны въ Неаполѣ. Общественное движеніе, наука и литература—все это въ столицѣ жило извѣстной жизнью, далеко не напоминавшею прозябанія какой-нибуль нищей Сициліи или дикой, разбойничьей Калабріи. Впрочемъ, толпы лаццарони, — а ихъ самые умѣренные подсчеты опредѣляютъ въ 30 — 40 тысячъ человѣкъ, — были помимо войска и полиціи довольно надежною охраною правительства въ самой столицѣ, въ случаѣ какихъ-либо столкновеній съ оппозиціей. Но главную, неутомимую и незамѣнимую охрану власти представляло духовенство, какъ въ неаполитанской, такъ и еще больше въ церковной области. Они въ качествѣ духовниковъ и проповѣдниковъ внушали массамъ принципы безпрекословнаго повиновенія; они же весьма часто не брезгали и ролью ищеекъ и доносчиковъ, причемъ сплошь и рядомъ нарушали тайну исповѣди. Лучшіе, наиболѣе нравственные элементы клира считались не вполнѣ благонадежными и оттирались на заднiй планъ, въ провинцію. Сельскіе округа были въ меньшемъ подозрѣніи, нежели Неаполь. Мы сказали, что положеніе неаполитанскаго крестьянства въ первой половинѣ XIX вѣка

было лучше, нежели въ XVIII столѣтіи; это не значитъ, конечно, что нищета отсутствовала въ семьяхъ всѣхъ этихъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Надѣлы были не велики, арендная плата за снимаемыя земли вовсе не незначительна, и ко времени объединенія Италіи неаполитанское крестьянство по степени общей раззоренности мало отличалось отъ населенія другихъ итальянскихъ земель. Тѣмъ не менѣе, сельскіе округа, въ смыслѣ политическаго развитія, были съ точки зрѣнія Бурбонской династіи наиболѣе благонадежными. За то жители острова Сициліи (наряду съ интеллигенціей города Неаполя) были въ чрезвычайно сильномъ подозрѣніи. Сицилійцы были въ теченіе всей своей исторіи географически отдалены отъ управлявшихъ ими—и, можетъ быть, поэтому привыкли къ извѣстной самостоятельности. Они и по темпераменту отличались отъ веселыхъ, лѣнивыхъ и послушныхъ жителей материковой части королевства. Примѣсь-ли норманской крови тому причиною,—или что другое—но сициліецъ всегда (и теперь тоже) болѣе медлителенъ, важенъ, суровъ, стоекъ, труднѣе примиряется съ непріятными обстоятельствами, нежели южный итальянецъ. Бурбоны никогда не любили Сициліи, и она всегда платила имъ полною взаимностью. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что феодальные пережитки въ Сициліи, не тронутой Наполеономъ, остались въ довольно еще большой силѣ, и неаполитанское правительство, желая объединить обѣ части королевства, volens-nolens должно было отчасти стать слугою прогресса, стараясь всѣми мѣрами отмѣнить вотчинную юстицію и другія феодальныя права дворянства на островѣ, чтобы сдѣлать соціальное положеніе сословій однообразнымъ по обѣ стороны Мессинскаго пролива. Тамъ дѣйствовали даже особые аграрные гражданскіе суды, прямымъ назначеніемъ которыхъ было упорядоченіе поземельныхъ отношеній въ духѣ, враждебномъ феодализму. Но при повальномъ взяточничествѣ, царившемъ всегда безъ исключенія въ неаполитанской магистратурѣ и администраціи, землевладѣльцамъ не стоило слишкомъ большого труда сильно тормазить предначертанія центральной власти, для нихъ невыгодныя. Беззземельнаго пролетаріата на островѣ было очень много, латифундіи распространялись тамъ весьма быстро, культура земли падала, батрацкая плата измѣрялась грошами, не обез-

печивавшими за работниками правильнаго пропитанія. Всѣ эти условія въ связи съ расовымъ раздраженіемъ сицилійцевъ противъ неаполитанскаго правительства дѣлали островитянъ довольно безпокойнымъ элементомъ государственной жизни. Нужно сказать, что и разбои, весьма частые также на материкѣ, достигли въ Сициліи, именно за первую половину XIX столѣтія, поистинѣ чудовищнаго развитія. Духовенство сицилійское также держалось (въ лицѣ низшихъ и наиболѣе многочисленныхъ своихъ представителей) гораздо ближе къ населенію, нежели къ присылаемымъ изъ Неаполя чиновникамъ, и эта близость доходила часто до слишкомъ ужъ интимныхъ предѣловъ; Герценъ не совсѣмъ былъ неправъ (для своего времени), когда говорилъ, что южно-итальянскіе патеры похожи на бандитовъ, а бандиты похожи на патеровъ. Тѣмъ не менѣе, противуправительственныя тенденціи конспиративныхъ организаторовъ, въ родѣ Мадцини, такъ могущественно дѣйствовавшія на средній классъ во всей Италіи, въ Сициліи находили себѣ мало отклика, за слабымъ численнымъ развитіемъ городской буржуазіи и некультурностью остальнаго населенія. Это становится особенно яснымъ, если вспомнить о роли агитаціи Мадцини въ такихъ маленькихъ странахъ, какъ Модена или Парма.

Оба эти маленькія герцогства въ лицѣ болѣе культурной части своего населенія были охвачены націоналистической агитаціей, хотя Моденѣ подъ управленіемъ узкаго и мрачнаго фанатика Франциска жилось хуже, чѣмъ Пармѣ. Вообще, Парма считалась „бульваромъ свободы“ въ тогдашней Италіи, потому что ея полиція не допускала въ своихъ дѣйствіяхъ той дикости, какъ въ другихъ мѣстахъ, хотя бы какъ въ сосѣдней (и столь же маленькой) Луккѣ или въ папскихъ владѣніяхъ. Въ папскихъ владѣніяхъ жило отъ $2^1/_2$ до 3 милліоновъ человѣкъ ($2^1/_2$ милліона въ первой четверти XIX вѣка, почти 3 милліона къ концу второй четверти); послѣ Пьемонта, Неаполя и Ломбардіи Церковная область занимала одно изъ первыхъ мѣстъ по количеству народонаселенія, а по характеру управленія, безспорно, самое своеобразное мѣсто. Ея государемъ былъ папа, управлявшій ею безконтрольно при помощи довольно выработанной теократической системы. Болоньей, Феррарой, Равенной, Форли и ихъ округами

управляли епископы, игравшіе роль губернаторовъ, такъ что вся Романья была всегда въ рукахъ четырехъ духовныхъ намѣстниковъ, за вычетомъ очень кратковременныхъ періодовъ. Римъ управлялся кардиналомъ, исполнявшимъ роль оберъ-полиціймейстера столицы и являвшимся съ ежедневнымъ рапортомъ къ папѣ. Безпорядокъ въ управленіи былъ страшный, потому что и прелаты-начальники, и священники-исполнители и монахи-полицейскіе отвратительно дѣлали свое дѣло, воровали, отчетности никакой не вели и не требовали, славились взяточничествомъ, пьянствомъ, распутствомъ и ежедневною ложью папѣ, который, обыкновенно, и начиналъ и кончалъ свой понтификатъ, не догадываясь объ истинномъ положеніи дѣлъ въ своемъ государствѣ. Правосудіе было въ рукахъ четырнадцати разбросанныхъ по странѣ церковныхъ трибуналовъ, состоявшихъ исключительно изъ назначенныхъ клириковъ. Всѣ хоть немного важныя уголовныя и гражданскія дѣла рѣшались этими трибуналами, а мелкія были предоставлены мировымъ судьямъ (кое-гдѣ свѣтскимъ). Три апелляціонныя судилища (въ Римѣ, Болоньѣ и Мачератѣ) были высшей и окончательной судебной инстанціей; нечего и прибавлять, что всѣ члены ихъ были прелатами. Полиція въ папской области мало уступала въ грубости и подозрительности своей неаполитанской или ломбардо венеціанской сестрѣ, а цензура прославилась чудовищною придирчивостью. Запрещались Данте, Ветхій Завѣтъ, Петрарка. За чтеніе Боккачіо можно было попасть и въ тюрьму. Папа Пій VII, вернувшись послѣ паденія Наполеона, отмѣнилъ французскія нововведенія, возстановилъ феодальныя права дворянства (въ томъ числѣ и вотчинную юстицію) и началъ эру реакціи, длившуюся въ области 32 года, до восшествія на престолъ Пія IX. Іезуиты держали въ тискахъ римскій и болонскій университеты, наказывали студентовъ, говорившихъ о вращеніи земли, допускали въ аудиторіи не науку, а клерикальную поддѣлку подъ науку; за малѣйшій признакъ свободомыслія каждый студентъ и каждый профессоръ должны были ожидать немедленнаго изгнанія. Но свободомысліе жило только въ Римѣ, Болоньѣ, Равеннѣ; въ другихъ мѣстахъ тупое прозябаніе изо дня въ день было правиломъ почти безъ исключеній; впрочемъ, прозябаніе это отнюдь не было прозя-

баніемъ сытымъ: огромныя пространства церковной области лежали впустѣ, въ болотахъ и мареммахъ, распространяя вокругъ малярію, и сокращая до-нельзя площадь запашки. Нищета подданныхъ не мѣшала клерикальной администраціи обременять ихъ налогами и повинностями. Фискальное вымогательство въ церковной области своею неразумною, неразсчетливою жестокостью заставляло обывателей сельскихъ округовъ бѣжать, куда глаза глядятъ, кто—въ Калабрію, къ разбойникамъ, кто—въ Тоскану, гдѣ именно въ этомъ отношеніи жилось сравнительно лучше и спокойнѣе. Въ Тосканѣ и послѣ реставраціи герцога Фердинанда не совсѣмъ заглохла старая традиція просвѣщеннаго абсолютизма: на земледѣльческое населеніе тамъ смотрѣли не какъ на заговорщиковъ и не какъ на дойную корову, а какъ на главную экономическую основу всего государства. Наполеоновскій кодексъ уничтоженъ тамъ не былъ, феодализмъ не воскрешался, администрація и суды (чиновничьи, назначенные, съ канцелярскою тайною) отличались, все же, сравнительною порядочностью и честностью. Но въ смыслѣ борьбы съ либеральными и національно-объединительными тенденціями, тосканское правительство проявляло такую же почти тревожную дѣятельность, какъ и всѣ его сосѣди. Аресты, выдачи бѣглецовъ Австріи, распечатываніе писемъ, обширная сѣть шпіонства—все это находилось въ Тосканѣ въ такомъ же полномъ порядкѣ, какъ и въ другихъ итальянскихъ государствахъ; но дѣло въ томъ, что тосканская администрація легальнымъ считала многое запрещенное въ Римѣ, Неаполѣ, Ломбардіи, Пьемонтѣ. Старая итальянская литература, напримѣръ, совсѣмъ не преслѣдовалась, тогда какъ за предѣлами Тосканы—Боккачіо, Маккіавелли, Петрарка—весьма часто считались недозволенною умственною пищею. Что еще важнѣе было для населенія,— правительство не считало верхомъ мудрости тенденціи меттерниховской политики: держать народъ въ бѣдности, дабы онъ не возгордился и не проявилъ непокорства. Мареммы осушались въ Тосканѣ весьма ревностно, прокладывались большія шоссейныя артеріи, а со второй половины 40-хъ гг. появились (впервые на полуостровѣ) желѣзныя дороги. Налоговая система была сравнительно не тяжела, ибо ложилась равномѣрно на всѣ сословія; предметы первой необходимости, особенно шерстяныя издѣлія были

недороги, такъ какъ ввозныя пошлины отличались въ Тосканѣ своими ничтожными размѣрами. Почти половина крестьянства облалала земельною собственностью, а изъ остальной половины часть (большая) были арендаторами, а часть—батраками. Городское населеніе въ общей сложности не превышало 150.000 человѣкъ во всей странѣ; въ Пизѣ, Сьеннѣ, Флоренціи замѣчалось нѣкоторое политическое броженіе — какъ и всюду—преимущественно, въ учащемся и литературномъ мірѣ; остальное населеніе было совершенно индифферентно къ общественнымъ интересамъ.

II.

Общія черты очерченной политико-соціальной дѣйствительности выяснились на Апеннинскомъ полуостровѣ весьма скоро, въ первые же годы состоявшейся послѣ паденія Наполеона всеобщей реставраціи, и — тоже почти сразу—началось не прерывавшееся вплоть до своей окончательной побѣды національно-либеральное, освободительное движеніе въ передовыхъ кругахъ общества. Раньше, нежели приступить къ описанію отдѣльныхъ возстаній и революціонныхъ попытокъ, имѣвшихъ мѣсто въ Италіи отъ 1815 года до объединенія, скажемъ нѣсколько словъ о томъ механизмѣ, который игралъ видную роль въ подготовкѣ этихъ событій, о тайныхъ обществахъ, классическою страною которыхъ была Италія во всю первую половину XIX столѣтія.

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи должны быть поставлены ассоціаціи карбонаріевъ, распространившіяся по всей Италіи. Какъ уже было замѣчено въ предыдущей главѣ, карбонаризмъ возникъ въ эпоху наполеоновскаго владычества въ южной и средней Италіи. Тогда онъ былъ въ сношеніяхъ съ изгнаннымъ изъ Неаполя бурбонскимъ правительствомъ, съ друзьями папы Пія VII, и являлся порожденіемъ національной реакціи противъ иноземнаго завоевателя. Послѣ паденія Наполеона I въ составѣ и тенденціяхъ партіи происходятъ весьма существенныя измѣненія. Средній классъ, наиболѣе образованный, близкій къ наукѣ и литературѣ Англіи и Франціи, сталъ пополнять ряды карбонаріевъ своею передовою молодежью;

прежніе бандиты и чернорабочіе увидѣли рядомъ съ собою сыновей крупныхъ и мелкихъ купцовъ, землевладѣльцевъ, врачей, адвокатовъ и т. д. Аристократія также была представлена въ карбонарскихъ ложахъ; простонародье лишь въ 40—50 гг. стало замѣтно входить въ организацію (первое демократическое поколѣніе карбонаровъ наполеоновскихъ временъ быстро стушевалось послѣ уничтоженія французскаго владычества). Тенденціи карбонаризма перемѣнились еще больше, нежели составъ партіи. На первый планъ выступилъ идеалъ объединенной Италіи, свободной отъ австрійскихъ и домашнихъ „тирановъ", и наслаждающейся республиканизмомъ или монархическимъ парламентаризмомъ въ самой широкой степени. Вообще, положительные идеалы карбонаризма нигдѣ и никогда не получили ясной формулировки. Карбонаріи дѣлились на ложи, т. е. отдѣльныя тайныя общества, организованныя въ строго-іерархическомъ порядкѣ, съ особыми верховными комитетами, лозунгами, клятвами и т. д. Чаще, нежели какія—либо другія воззрѣнія, республиканизмъ и объединеніе Италіи были главными идеалами этихъ обществъ. Статуты карбонарскихъ ложъ допускали въ число своихъ членовъ только такихъ лицъ, которыя, при полномъ согласіи съ теоретическими воззрѣніями ложи, не запятнали себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакимъ безнравственнымъ поступкомъ. Принципъ безусловнаго повиновенія высшимъ членамъ ложи былъ проведенъ и въ теоріи, и въ жизни самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ Англіи, Франціи, Германіи воображеніе современныхъ карбонаризму журналистовъ создало чрезвычайно фантастическія представленія о внѣшней обстановкѣ дѣятельности карбонаріевъ, о подземельяхъ, гдѣ они собираются при свѣтѣ факеловъ, о каменоломняхъ, гдѣ замуровываютъ измѣнниковъ и т. д. На самомъ дѣлѣ, общія собранія ложъ были до крайности рѣдки, и приказанія верховныхъ комитетовъ передавались отдѣльнымъ членамъ украдкою, посылкою довѣреннаго лица и т. д. Измѣнники, дѣйствительно, приговаривались ложею къ смерти, и приговоры въ большинствѣ случаевъ приводили къ бѣгству или убіенію измѣнившаго. Сначала главнымъ средствомъ борьбы съ политическими порядками карбонаріи считали открытое народное возстаніе, и, дѣйствительно, черезъ пять лѣтъ послѣ реставраціи, по ихъ иниціативѣ, и при дѣятельномъ ихъ

участіи, на Апеннинскомъ полуостровѣ произошелъ рядъ волненій, впервые заставившихъ всю меттерниховскую Европу посмотрѣть на карбонаризмъ, какъ на чрезвычайно серьезную силу. Съ внѣшней стороны событія 1820—21 гг. шли такимъ образомъ. Движеніе началось въ неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ карбонаризмъ свилъ себѣ обширное гнѣздо среди молодыхъ офицеровъ арміи, особенно, среди пограничныхъ частей ея, расположенныхъ въ Калабріи. Когда пришли первые слухи о волненіяхъ въ Испаніи, разомъ въ неаполитанской арміи началось сильное броженіе, и нѣсколько полковъ, почти сплошь состоявшихъ изъ карбонаріевъ, подъ начальствомъ талантливаго офицера Гуліельмо Пепе, двинулись къ столицѣ, при одобреніи немногихъ либераловъ и глубокомъ равнодушіи огромнаго большинства. Но это равнодушіе отличалось обоюдоострымъ характеромъ, и король Фердинандъ вдругъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ бунтующимся войскомъ, а поддержки ниоткуда не было. Кромѣ жестокости Фердинандъ отличался также весьма значительною трусливостью, и поэтому, 5-го іюля (1820 года) октроировалъ конституцію. Черезъ девять дней вспыхнула также революція въ Сициліи, имѣвшая чисто сепаратистскій характеръ: островъ желалъ отдѣленія отъ неаполитанскаго королевства. Этотъ характеръ сицилійскаго возстанія оттолкнулъ отъ него неаполитанскихъ карбонаріевъ и либераловъ. Новое конституціонное неаполитанское правительство поспѣшило послать въ Сицилію усмирительную экспедицію, которая, послѣ отчаянной борьбы съ инсургентами, подавила движеніе, успѣвши разъединить бунтовщиковъ: земельные собственники, бароны испугались общей анархіи и оставили ряды сепаратистовъ, къ которымъ было примкнули. Впрочемъ, отношенія неаполитанскаго парламента (собравшагося 1-го октября того же года) къ только что замиренному острову продолжали отличаться недовѣрчивостью и враждебностью, чѣмъ и не преминулъ воспользоваться король, ни минуты не желавшій искренно признать вырванную у него карбонаріями конституцію. А пока въ Троппау шли засѣданія созваннаго Меттернихомъ конгресса, и Фердинандъ весьма сильно на это разсчитывалъ. Дѣйствительно, перенося свои засѣданія въ Лайбахъ, троппаускій конгрессъ пригласилъ неаполитанскаго короля на кон-

ференцію. Пріѣхавъ въ Лайбахъ (куда его не посмѣли не пустить новые министры и парламентъ), Фердинандъ добился при помощи Меттерниха того, что конгрессъ разрѣшилъ австрійской арміи вторгнуться въ королевство и возстановить самодержавный режимъ. Въ январѣ 1821 года австрійцы вторглись въ королевство, разбили армію, выставленную парламентомъ, вошли въ Неаполь, остатки карбонарскихъ отрядовъ бѣжали въ Абруццы и въ Калабрію, и совсѣмъ обезкураженный парламентъ счелъ нужнымъ ограничиться только мольбами о пощадѣ. Всѣ конституціонныя нововведенія были тотчасъ же уничтожены, и произошла обычная для Бурбоновъ звѣрская расправа съ виновниками послѣднихъ событій; ихъ ссылали въ каторгу цѣлыми сотнями, выдавали Австріи, которая десятилѣтіями держала ихъ въ Шпильбергѣ и другихъ крѣпостяхъ въ полутемныхъ карцерахъ; наконецъ, по личному приказанію Фердинанда, на площадяхъ Неаполя и другихъ городовъ при огромномъ стеченіи народа, съ продолжительными унизительнѣйшими церемоніями были высѣчены розгами и плетьми многія сотни арестованныхъ мужчинъ и женщинъ, противъ которыхъ не существовало достаточно уликъ, чтобы сослать ихъ въ каторжныя работы. Народныя массы, крестьянство, духовенство, большинство аристократіи, съ злораднымъ удовольствіемъ смотрѣли на эти дикія зрѣлища; при глубокой лѣни и неподвижности мысли, при полномъ равнодушіи къ торжеству и короля, и карбонаріевъ, они не чувствовали ни жалости къ истязуемымъ, ни ненависти къ палачамъ, ни также удовлетворенія политической мести,—ничего, кромѣ насыщенія празднаго любопытства.

Еще когда конституціоналисты въ Неаполѣ не потерпѣли рѣшительнаго пораженія, а австрійцы только двигались къ столицѣ, вспыхнуло возстаніе въ Пьемонтѣ. Либералы Сардинскаго королевства также составляли карбонарскія ложи, но здѣсь они выставляли гораздо менѣе радикальныя требованія: пьемонтское правительство не было чужеземнымъ, савойская династія съ первыхъ же лѣтъ реставраціи считалась (и была на самомъ дѣлѣ) единственною національною династіей на полуостровѣ. Собственно, и волненіе, вспыхнувшее весною 1821 года, было направлено не столько противъ короля Виктора-Эммануила, у котораго хотѣли вынудить

конституціонную реформу, сколько противъ Австріи, которую желали изгнать изъ ломбардо-венеціанской области. У пьемонтскихъ карбонаріевъ имѣлся въ виду также и извѣстный династическій раздоръ: представитель младшей линіи Савойскаго дома молодой Карлъ-Альбертъ находился въ почти открытой ссорѣ съ королемъ и не скрывалъ своего сочувствія къ идеямъ либерализма и объединенія Италіи. Впрочемъ, Карлъ-Альбертъ испугался въ рѣшительный моментъ и разсказалъ королю о заговорѣ. Но было уже поздно. Волненіе разрослось, и Викторъ-Эммануилъ отказался отъ престола въ пользу угрюмаго и никѣмъ не любимаго брата своего Карла-Феликса, а регентомъ назначилъ, пока, Карла-Альберта. Глава ломбардскихъ карбонаріевъ Конфалоньери предложилъ регенту немедленно перейти границу и напасть на австрійскій гарнизонъ, стоявшій въ Миланѣ, но Карлъ-Альбертъ не рѣшился и бѣжалъ, бросивши все на произволъ судьбы, ибо консервативные элементы Пьемонта съ ожесточеніемъ говорили о либеральномъ принцѣ и съ нетерпѣніемъ ждали новаго короля Карла-Феликса, который, еще не войдя въ Туринъ, уже объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ конституціоналистовъ и національной партіи. Роялизмъ въ арміи, дворянствѣ, сельскомъ населеніи былъ такъ великъ, что успѣхъ инсургентовъ оказался вполнѣ эфемернымъ. Австрійцы вторглись въ Пьемонтъ, на ихъ сторону стали вѣрноподданные Карла-Феликса —и 8 апрѣля 1821 года пьемонтская революція окончилась полнымъ пораженіемъ конституціонной арміи предъ лицомъ соединеннаго королевско-австрійскаго отряда. На этомъ и окончились итальянскія волненія 1820—21 гг. Впрочемъ, бѣшенство реакціи въ Неаполѣ было несравненно сильнѣе, нежели въ Пьемонтѣ, гдѣ худшимъ наказаніемъ считалась выдача арестованнаго въ руки австрійскихъ властей. Казней не было, ссылка въ каторгу не практиковалась, въ тюрьмахъ меньше сѣкли и пытали, нежели въ Неаполѣ или Ломбардіи, наконецъ, массовыхъ публичныхъ экзекуцій не происходило совершенно. Нужно сказать, что и на югѣ, и на сѣверѣ возстаніе не удалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе равнодушія или даже враждебности огромныхъ народныхъ массъ, вслѣдствіе отсутствія политической выдержки, энергіи и согласія среди руководителей карбонаріевъ, наконецъ, по

причинѣ слишкомъ подавляющаго численнаго перевѣса австрійской арміи, въ январѣ вторгнувшейся въ королевство Обѣихъ Сицилій, а въ Мартѣ—въ Пьемонтъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ условій вспышка 1820—21 гг. дала только тѣ результаты, которыхъ домогалась, и которые нужны были реакціонной партіи. Свирѣпости полиціи и цензуры удвоились, и 20—30 гг. принадлежатъ къ удушливѣйшимъ періодамъ общеитальянской реакціи. Въ Пьемонтѣ и Неаполѣ были оставлены (по желанію Фердинанда неаполитанскаго и Карла-Феликса пьемонтскаго) большіе австрійскіе гарнизоны, содержаніе которыхъ тяжелымъ гнетомъ лежало на странѣ, главнымъ образомъ, на земледѣльческихъ классахъ. Въ австрійскихъ владѣніяхъ возстанія, собственно, не произошло, но нѣкоторое броженіе—особенно вблизи пьемонтской границы—все же, ощущалось. Поэтому вѣнское правительство рѣшило воспользоваться своими побѣдами, чтобы и у себя въ ломбардо-венеціанской области задушить окончательно духъ строптивости. Редакторъ журнала „Conciliatore“, запрещеннаго за годъ предъ тѣмъ, Сильвіо Пеллико былъ схваченъ и осужденъ на заточеніе въ Шпильбергѣ въ теченіе 15 лѣтъ, Конфалоньери—глава карбонаріевъ,—на *пожизненное* заключеніе въ шпильбергскомъ *карцерѣ*, цѣлая масса другихъ лицъ на разные сроки были сосланы въ каторгу и засажены въ тюрьмы, гдѣ свиданія съ родственниками разсматривались, какъ рѣдкая и исключительная милость. Въ 1823 году собрался веронскій конгрессъ, на которомъ представители общеевропейской реакціи вполнѣ одобрили дѣйствія своихъ итальянскихъ товарищей. Въ 1825 году умеръ тупой, развратный и жестокій Фердинандъ и на неаполитанскій престолъ вступилъ Францискъ I, но отъ этого передовому обществу королевства Обѣихъ Сицилій стало житься не лучше.

III.

Дѣятельность карбонарскихъ ложъ продолжалась послѣ этой неудавшейся революціи 1820—21 гг.; ни шпіоны, ни полиція, ни меттерниховская цензура, ни римская инквизиція, ни сицилійскія каменоломни и каторга, ни шпильбергскіе карцера, ни висѣлица—

ничто не могло ихъ задушить окончательно Но послѣ пьемонтской и неаполитанской неудачи потянулись долгіе годы трудной подготовительной работы, воспитывавшей молодое поколѣніе въ духѣ конституціонныхъ и національныхъ идеаловъ. Нужно сказать, что на смѣну Сильвіо Пеллико, надолго похороненнаго въ шпильбергскихъ казематахъ, выступило новое литературное поколѣніе, слишкомъ придавленное неудачей 1820 — 21 гг. и либо погруженное въ безысходную тоску, въ родѣ поэта-пессимиста Джакомо Леопарди, либо проповѣдывавшее христіанскую кротость, прощеніе врагамъ и т. д. въ родѣ Манцони. Но людямъ иныхъ воззрѣній и невозможно было выступить въ легальной прессѣ того времени, такъ что тогдашняя литература, даже и въ самой слабой степени, не можетъ считаться выразительницей настроенія, господствовавшаго въ передовыхъ кругахъ итальянской молодежи. Ненависть противъ Бурбоновъ, австрійцевъ, іезуитовъ и всѣхъ, вообще, столповъ реакціи осложнялась въ этихъ кругахъ и надеждою на побѣду въ будущемъ, и горькою обидою за прошлое. Рѣдка была интеллигентная семья, въ которой не нашлось бы члена, пострадавшаго или продолжающаго страдать въ итальянскихъ и австрійскихъ тюрьмахъ и каторгахъ. Тогдашній итальянскій мартирологъ заключалъ въ себѣ почти всю интеллигенцію націи, и молодое поколѣніе видѣло въ себѣ мстителей за отцовъ, матерей и старшихъ братьевъ и сестеръ. Романтизмъ, проникшій въ эти годы въ итальянскую литературу, совсѣмъ не привился въ ней; за то ревностно изучали Данте, Петрарку и Боккачіо (тамъ, гдѣ эти три писателя не особенно преслѣдовались цензурою). На родныхъ классиковъ молодежь смотрѣла, какъ на моральныхъ объединителей Италіи, и ревностно изучали ихъ. Но вліяніе, дѣйствительно, изъ ряду вонъ выходящее, имѣла на молодежь французская либеральная публицистическая литература. Конституціонный Парижъ и до, и въ особенности, послѣ революціи 1830 года, сдѣлался своего рода Меккою для всѣхъ итальянскихъ конституціоналистовъ, которымъ удавалось только получить заграничный паспортъ. Въ самомъ началѣ 1831 года, подъ прямымъ воздѣйствіемъ удавшейся за полгода французской іюльской революціи, вспыхнули волненія въ Моденѣ и Романьѣ, а затѣмъ уже изъ Романьи перешли и въ

остальную папскую область. Но снова австрійскій гарнизонъ разбилъ отряды инсургентовъ, возстановилъ на престолъ герцога Моденскаго Франциска, который было бѣжалъ изъ своей столицы, предводитель возстанія Менотти былъ казненъ, французы никакой помощи возставшимъ не оказали (а на это итальянскіе либералы, вообще, сильно надѣялись послѣ паденія Карла X и установленія іюльской монархіи во Франціи), и средней Италіи пришлось уже въ апрѣлѣ 1831 года испытать почти всѣ тѣ ужасы усмиренія и кровавой мести реакціи, которые были испытаны сѣверной и южной Италіей (Пьемонтомъ и Неаполемъ) ровно за десять лѣтъ предъ тѣмъ. Начавшійся тогда же, и длившійся шестнадцать лѣтъ, (1831—1846) понтификатъ Григорія XVI ознаменовалъ собою усиленіе реакціи въ церковной области, полное прекращеніе всякихъ маломальски раціональныхъ зачатковъ народнаго просвѣщенія, разнузданную свирѣпость римской инквизиціи, морившей и пытавшей въ своихъ подземельяхъ всѣхъ подозрительныхъ. Вялый, неумный, узко-эгоистичный папа предоставлялъ инквизиціи широчайшій просторъ, которымъ она самымъ беззавѣтнымъ образомъ и пользовалась. Понтификатъ Григорія XVI былъ временемъ, когда Меттернихъ имѣлъ больше всего вліянія на дѣла Церковной области. Вообще, съ меттерниховской точки зрѣнія 30-ые и первая половина 40-хъ гг. были золотымъ временемъ въ Италіи: съ 1833 года на неаполитанскомъ престолѣ появился, по смерти Франциска, Фердинандъ II, успѣвшій имя и безъ того ненавистныхъ Бурбоновъ сдѣлать еще ненавистнѣе и отвратительнѣе для всѣхъ порядочныхъ людей полуострова, безъ различія ихъ убѣжденій. Онъ вступилъ на престолъ еще молодымъ человѣкомъ, но уже съ вполнѣ разработанной теоріей деспотизма, самаго наглаго самоуправства. Французскій король писалъ ему о необходимости нѣсколько человѣчнѣе относиться къ подданнымъ и сдѣлать хоть маленькія уступки духу времени; Фердинандъ отвѣтилъ Людовику-Филиппу чрезвычайно нахальнымъ письмомъ, въ которомъ прямо заявлялъ, что его подданнымъ „незачѣмъ думать“, ибо онъ за нихъ думаетъ и объ ихъ благѣ печется. Сообразно съ подобными взглядами онъ и дѣйствовалъ. Его министръ полиціи Делькаретто, начавшій свою карьеру еще въ прошлое царствованіе,

вскорѣ сдѣлался знаменитостью, гремѣвшею далеко за предѣлами полуострова. При немъ пытка голодомъ и розгами политическихъ арестантовъ безъ различія пола и возраста сдѣлалась ежедневнымъ явленіемъ въ неаполитанскихъ и сицилійскихъ тюрьмахъ. Цензура и обученіе юношества попали всецѣло въ руки іезуитовъ, которые отвергали открытіе Коперника и считали Данте революціоннымъ писателемъ. Замѣчательно, что къ изумленію и ужасу передовыхъ элементовъ королевства Обѣихъ Сицилій, Церковной области, ломбардо-венеціанскихъ владѣній Австріи,—реакція при Фердинандѣ II, Григоріи XVI, Меттернихѣ какъ будто прогрессировала изъ года въ годъ. Казалось, она достигала временами геркулесовыхъ столповъ, за которые уже нельзя было перейти, и всегда въ концѣ концовъ, выходило такъ, что въ этой области замѣчались новые шаги, новыя стѣсненія личности, новыя вторженія въ частную жизнь. Нищета, между тѣмъ, параллельно съ реакціей, также прогрессировала на полуостровѣ, хотя не вездѣ въ одинаковой степени. Вотъ общія статистическія данныя, выведенныя Зеле для Италіи начала 40 гг. Населеніе всего полуострова равнялось двадцати четыремъ милліонамъ человѣкъ (въ ломбардо-венеціанскихъ владѣніяхъ Австріи 5.600.000; въ королевствѣ Обѣхъ Сицилій 8.500.000; въ Сардинскомъ (пьемонтскомъ) королевствѣ 4.500.000; въ Церковной области 2.700.000; въ Тосканѣ $1^1/_2$ милліона; въ Пармѣ $^1/_2$ милліона; въ Моденѣ 400.000; въ Луккѣ 140.000; въ княжествѣ Санъ-Марино 7.800 чел.; въ Монако 7.000 чел. Государственные доходы ломбардо-венеціанской области равнялись 150 милліонамъ франковъ; королевства Обѣихъ Сицилій 115 милліонамъ; Сардинскаго королевства 80 мил., Церковной области 40 мил., Тосканы 21 мил., Пармы 7 мил., Модены 5 мил., Лукки, Санъ-Марино и Монако $1^1/_2$ мил. франковъ. Это бремя населеніемъ австрійскихъ владѣній и Пьемонта переносилось, сравнительно, безъ особаго труда, но королевство Обѣихъ Сицилій и папскія владѣнія, земли совершенно нищія, разорялись беззастѣнчивымъ выжиманіемъ изъ нихъ всѣхъ соковъ. Воровская администрація въ обоихъ этихъ несчастныхъ государствахъ расхищала, иногда, около $^1/_5$ всѣхъ казенныхъ поступленій. Военныя силы распредѣлялись такъ: Пьемонтъ,

ломбардо-венеціанская область и королевство Обѣихъ Сицилій обладали тремя арміями, каждая въ 60.000 чел., а Пьемонтъ, сверхъ того, еще 10.000 милиціи и 40.000 резерва; у папы было 16.000 солдатъ, въ Тосканѣ 8000, Моденѣ 7700, въ Пармѣ 1800, Луккѣ 2750, въ Санъ-Марино 40 чел. солдатъ. Флотъ болѣе или менѣе значительный находился только въ распоряженіи ломбардо-венеціанской области (16 большихъ судовъ, 74 малыхъ, 20 тысячъ матросовъ), Пьемонта (8 судовъ большихъ, 24 малыхъ, 10.000 матросовъ) и Неаполя (9 большихъ судовъ, 43 малыхъ, 10.000 матросовъ). У остальныхъ флота не было, а были купеческіе корабли, временно нанимаемые правительствами для своихъ нуждъ.

Торговля больше всего была развита въ ломбардо-венеціанской области (вывозилось ежегодно, въ среднемъ, товаровъ на 100 милліоновъ франковъ, считая съ Тріестомъ, а ввозилось на 125 милліоновъ); затѣмъ слѣдовалъ Неаполь съ ничтожными для своего населенія цифрами—40 мил. ввозу и почти столько же вывозу; въ папскія владѣнія ввозилось товаровъ на 92 милліона, а вывозилось на 31 милліонъ. Въ Пьемонтѣ и остальныхъ государствахъ ввозъ еще рѣшительнѣе торжествовалъ надъ вывозомъ: Италія находилась въ полнѣйшемъ экономическомъ порабощеніи у Англіи и Франціи, снабжавшихъ ее продуктами своей индустріи. Положеніе итальянской промышленности вслѣдствіе скудости капиталовъ, непредпріимчивости населенія, вреднаго правительственнаго гнета было самымъ непригляднымъ. Главнымъ продуктомъ индустріи и экспорта былъ шелкъ, $^9/_{10}$ котораго вывозилось за границу. Ломбардо-венеціанская область выдѣлывала 7 милліоновъ фунтовъ сырцу; Пьемонтъ (съ Генуей, принадлежавшей ему) 2 милліона, Неаполь 1.200,000 фунтовъ, Церковная область 800,000 фунтовъ, Парма, Модена и Лукка вмѣстѣ 550,000, Тоскана 300,000. Производство было въ рукахъ большихъ мануфактуръ, отдававшихъ заказы работавшимъ на нихъ „домашнимъ мастерскимъ“. Конечно, эксплуатація труда была здѣсь самая беззастѣнчивая. Кромѣ шелку, производились и шерстяные продукты, были мануфактуры, занятыя выдѣлкою парусовъ и д. д., но, въ общемъ, производство было совершенно ничтожно. Италія являлась вполнѣ земледѣльческой

страною; хлѣбъ, виноградъ, оливковое масло—вотъ были главные ея продукты, которые, впрочемъ, не только не вывозились въ большихъ количествахъ, но часто добывались въ недостаточныхъ размѣрахъ для пропитанія мѣстнаго населенія. Англійскіе и французскіе путешественники поражались грязью и нищетою итальянскихъ лаццарони и крестьянъ, ихъ умственною убогостью, отсутствіемъ грамотности, смѣшными суевѣріями, набожнымъ довѣріемъ къ монахамъ, юродивымъ и инымъ духовнымъ руководителямъ. Но Меттернихъ, Фердинандъ, папа, Карлъ Феликсъ и ихъ мелкіе подражатели отлично знали, чего имъ нужно, и не особенно тревожились нищетою и дикостью большинства народонаселенія: и нищета, и дикость считались чрезвычайно существенными и полезными презервативами противъ духа суеты и гордыни, т. е. либеральныхъ и національныхъ тенденцій.

IV.

Но работа національнаго самосознанія неустанно продолжалась среди городского населенія, главнымъ образомъ, среди буржуазіи, отчасти среди аристократіи, и съ конца 30-хъ гг. среди ремесленнаго класса. Неудачи карбонарскихъ попытокъ и свирѣпая расправа, сопровождавшая ихъ, какъ уже было сказано, вовсе не уничтожили бодрости духа и желанія борьбы и побѣды среди передовыхъ круговъ. Съ тридцатыхъ годовъ организаторомъ конспирацій и возстаній, вожакомъ молодежи, вліятельнѣйшимъ дѣятелемъ активной оппозиціи, дѣлается одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей итальянской исторіи, Джузеппе Маццини, и съ этого же времени на смѣну отдѣльнымъ карбонарскимъ ложамъ является единая партія „Молодой Италіи", въ которую входятъ и заговорщики, организующіе то тамъ, то сямъ вооруженныя возстанія, и публицисты, старающіеся, по мѣрѣ силъ и возможности, наводнять полуостровъ революціонными воззваніями, и богатые землевладѣльцы, тайно помогавшіе революціонному фонду. Девизомъ Маццини было правило, чтобы каждый сочувствующій цѣлямъ партіи, давалъ въ пользу ея все, что онъ хочетъ и можетъ дать. „Dio e popolo", Богъ и народъ—такія

слова стояли на знамени Маццини. Его идеаломъ была объединенная и республиканская Италія, осуществляющая въ жизни высокіе этическіе завѣты христіанства. Онъ считалъ ошибкою карбонаріевъ, что они оставили безъ должнаго вниманія пропаганду въ народныхъ массахъ, которая, по его мнѣнію, должна была стоять во главѣ всего дѣла. Изгнанный изъ своего родного города Генуи, послѣ кратковременнаго тюремнаго заключенія, Маццини переѣхалъ въ южную Францію (въ 1831 г.) и оттуда сталъ наводнять Италію своими брошюрами и летучими листками. Быстро таяли остатки карбонарскихъ ложъ, и столь же быстро росла партія „Молодой Италіи". Пропаганда въ народныхъ массахъ, по его плану, должна была сломить губившій всѣ революціонные попытки индифферентизмъ большинства населенія, а первою цѣлью активныхъ дѣйствій Маццини ставилъ изгнаніе австрійцевъ изъ ломбардо-венеціанской области, а затѣмъ изгнаніе всѣхъ остальныхъ итальянскихъ правителей и объединеніе всего полуострова на широкихъ, свободныхъ, демократическихъ началахъ. Слѣдуетъ замѣтить, что подобно русскимъ славянофиламъ, польскимъ товянчикамъ, нѣкоторымъ нѣмецкимъ романистамъ, Маццини былъ сильно зараженъ мессіанизмомъ, вѣрою въ особенныя высшія предначертанія и историческую роль своего народа. Романтизмъ сказался въ Италіи именно только этою одною чертою. Маццини полагалъ, что объединенная Италія предназначена Богомъ къ тому, чтобы служить первымъ образцомъ истинно свободнаго и счастливаго демократическаго государства, гдѣ Божьи заповѣди будутъ исполняться и ненарушимо, и легко. Общіе теоретическіе взгляды Маццини были, въ общемъ, немногимъ яснѣе взглядовъ его предшественниковъ - карбонаріевъ, но уже сильно давало себя чувствовать стремленіе пріобщить къ движенію безучастныя толпы народа. Главная сила Маццини заключалась въ его замѣчательныхъ организаторскихъ талантахъ, въ глубочайшемъ знаніи всѣхъ странъ полуострова, въ пониманіи мельчайшихъ нюансовъ темперамента отдѣльныхъ группъ итальянскаго народа, сѣверныхъ и южныхъ. При широтѣ своего общаго идеала, Маццини никогда не уставалъ повторять, что первою и главною цѣлью должно быть изгнаніе австрійцевъ. Поэтому, несмотря на свой республиканизмъ, онъ на-

писалъ въ 1831 году, когда Карлъ-Альбертъ вступилъ по смерти Карла-Феликса на пьемонтскій престолъ, письмо молодому королю. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ короля присоединиться къ „Молодой Италіи". Въ отвѣтъ на это, Карлъ-Альбертъ, и безъ того сильно трусившій своей нѣкогда гремѣвшей либеральной репутаціи и боявшійся Меттерниха, осудилъ Маццини заочно на тюремное заключеніе. Тогда Маццини началъ свою конспираторскую дѣятельность двумя заговорами (1833 и 1834 гг.), которые оба не удались, ибо въ 1833 г. заговорщики были схвачены до исполненія замысла, а въ 1834 г. начальникъ инсургентовъ Раморино былъ разбитъ войсками правительства, и жесточайшая репрессія показала, что Карлъ-Альбертъ, не смотря на свой бывшій либерализмъ, можетъ въ жестокости успѣшно конкурировать съ неаполитанскимъ своимъ современникомъ Фердинандомъ II. Вскорѣ вліяніе Маццини стало сказываться и въ неаполитанской области; Фердинандъ и его министръ карбонарій-ренегатъ Делькаретто съ такою же свирѣпостью и ловкостью открывали и подавляли заговоры „Молодой Италіи", съ какою дѣлали это прежде относительно карбонарскихъ конспирацій. И въ Пьемонтѣ, и въ Неаполѣ, и въ папской области, и въ Моденѣ жестокія казни и пытки, отъ которыхъ умирали подсудимые, явились послѣдствіемъ заговоровъ и арестовъ, но движеніе не прекращалось, и охватывало понемногу также Тоскану и ломбардо-венеціанскія владѣнія Австріи. Маццини, стоя во главѣ заговорщиковъ, собиравшихся то въ Сициліи, то въ Миланѣ, то въ Римѣ, то внѣ Италіи на тайные съѣзды, служилъ центромъ и соединительнымъ звеномъ для партіи. Отдѣльныя мелкія возстанія не прекращались на полуостровѣ. Когда въ 1837 г. на Сициліи и затѣмъ въ Неаполѣ разразилась среди нищаго и грязнаго народа страшнѣйшая холера, „Молодая Италія" подняла тамъ знамя возстанія, и кровавый бунтъ обезумѣвшаго отъ паники населенія не на шутку встревожилъ правительство. Но холера окончилась, бунтъ былъ усмиренъ, сто слишкомъ человѣкъ было повѣшено, нѣсколько тысячъ посажено въ тюрьму, сослано на каторгу или высѣчено публично плетьми и розгами. Черезъ 6 лѣтъ въ Романьѣ произошло также возстаніе членовъ партіи противъ папы Григорія XVI, но оно было быстро

усмирено папскими войсками. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ романьольскихъ казней и военныхъ судовъ и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій произошло новое возстаніе, столь же безуспѣшное и трагическое для его виновниковъ, какъ и всѣ прежнія. Братья Бандьера, служившіе въ австрійскомъ флотѣ, написали въ Лондонъ Маццини, что они желаютъ высадиться съ своими сообщниками въ южной Калабріи и оттуда начать войну противъ неаполитанскаго правительства, попытавшись привлечь на свою сторону народъ. Планъ этотъ отъ начала до конца былъ неосновательный, и Маццини ихъ очень просилъ отложить свое намѣреніе. Переписка шла очень дѣятельно, а англійская почта столь же дѣятельно перехватывала, копировала и отправляла эти письма неаполитанской полиціи. Конечно, едва Бандьера высадились, какъ были схвачены и вмѣстѣ съ товарищами разстрѣляны.

Всѣ эти кровавыя трагедіи 30—40 гг. производили гнетущее впечатлѣніе на передовые слои Италіи; мечты о свободѣ и единствѣ каждый разъ послѣ неудавшейся революціонной попытки казались все болѣе и болѣе далекими до осуществленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, моральное впечатлѣніе отъ этихъ подвиговъ отчаянной храбрости возбуждало духъ самоотверженія и ненависти къ Меттерниху, Бурбонамъ, папѣ, Франциску Моденскому. Что касается до Карла-Альберта пьемонтскаго, то чѣмъ дальше тянулось его царствованіе, тѣмъ къ нему лучше относились умѣренные прогрессисты и даже партія „Молодой Италіи". Нужно сказать, что послѣ первыхъ лѣтъ, когда Карлъ-Альбертъ прославился изъ ряду вонъ выходящимъ свирѣпымъ усмиреніемъ вторгнувшихся въ Савойю мацциніевскихъ заговорщиковъ, король началъ понемногу дѣлать извѣстные, весьма, впрочемъ, слабыя попытки вернуться къ своему юношескому либеральному настроенію. Онъ уничтожилъ всѣ слѣды феодальныхъ отношеній на нетронутой въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ Сардиніи, уменьшилъ ввозныя пошлины, провелъ нѣсколько важныхъ торговыхъ путей; его министръ Делла Маргерита былъ первокласснымъ финансистомъ своего времени, и всѣ его реформы были направлены къ уничтоженію податныхъ различій между сословіями и къ болѣе равномѣрному распредѣленію податного бремени; въ военной службѣ

былъ введенъ ландверъ, на подобіе прусскаго, и сроки службы оказались, благодаря этому, короче, нежели во всякой иной странѣ полуострова. Но, что казалось тогда еще важнѣе, Карлъ-Альбертъ твердо и рѣшительно отстаивалъ полную независимость Пьемонта, и отъ моральныхъ притязаній папства, и отъ политическаго давленія со стороны Меттерниха. Іезуитамъ жилось въ Пьемонтѣ хуже, нежели гдѣ-либо; папскія увѣщанія были весьма мало вліятельны; а съ Австріей король ссорился довольно открыто. Австрія накладывала высокія пошлины на пьемонтскій импортъ, усиливала паспортныя затрудненія на ломбардо-пьемонтской границѣ, посылала грозныя ноты, а Карлъ-Альбертъ, опираясь на свою 60-тысячную армію, безбоязненно повторялъ, что онъ „не боится потерять Австрію, ибо онъ этимъ пріобрѣтетъ Италію“. Понемногу, былая популярность стала возвращаться къ пьемонтскому королю, и его уже опять стали называть „итальянской звѣздочкою“. Въ 40 гг. Карлъ-Альбертъ сталъ явно покровительствовать свѣтскимъ школамъ и гимназіямъ, не существовавшимъ или гонимымъ въ остальной Италіи, и настолько смягчилъ суровость цензуры, что въ Пьемонтѣ возникла весьма вліятельная умѣренно-либеральная пресса. Джоберти, д'Азеліо, Кавуръ, начинавшій свою карьеру, были видными дѣятелями этого пьемонтскаго литературнаго возрожденія. Вѣра въ либеральное и національно-объединительное будущее савойской династіи, въ то, что вся Италія рано или поздно соберется вокругъ Пьемонта въ качествѣ единой, конституціонной монархіи, что Карлъ-Альбертъ выгонитъ австрійцевъ изъ ломбардо-венеціанской области—вотъ что составляло главное содержаніе умѣренно-либеральныхъ тенденцій. Прежде всего эта партія имѣла сторонниковъ въ Пьемонтѣ, а потомъ распространилась и въ другихъ странахъ. Маццини смотрѣлъ на умѣренныхъ недружелюбно, главнымъ образомъ, за ихъ недовѣріе къ революціи, какъ къ орудію объединенія, а умѣренные (въ родѣ Джоберти) съ ненавистью писали о „заговорщикѣ, изъ безопаснаго пріюта посылающемъ храбрецовъ на казнь“. Впрочемъ, въ концѣ концовъ и „Молодая Италія“ и умѣренные сходились въ важнѣйшемъ пунктѣ непосредственной и ближайшей програмы: тѣ и другіе смотрѣли на изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи и Венеціи

какъ на conditio sine qua non всяческаго прогресса и счастья Италіи. Джоберти (изъ умѣренныхъ) многаго ждалъ также и отъ папскаго престола, но большинство его единомышленниковъ смотрѣли съ единственной и не потухающей надеждой на Пьемонтъ. Талантливый публицистъ Чезаре Бальбо въ своей, нашедшей огромный сбытъ, книгѣ „Надежды Италіи", особенно настаивалъ на провиденціальномъ назначеніи Пьемонта объединить итальянскую націю. Нужно сказать, что дѣятельная пропаганда, съ одной стороны „Молодой Италіи", съ другой стороны—умѣренной партіи, дѣлала свое дѣло: къ концу 40 гг. національное самосознаніе охватывало уже почти всѣ классы населенія большихъ городовъ и—особенно въ сѣверной и средней Италіи—немалое количество деревенскихъ людей, еще въ наполеоновскія времена столь равнодушныхъ къ идеѣ объединенія и къ гнету чужеземцевъ и своихъ тирановъ. Либеральныя реформы Карла-Альберта давали плоть и кровь національнымъ мечтамъ: на Пьемонтъ привыкали смотрѣть, какъ на будущее спасеніе Италіи. Два обстоятельства, послѣдовавшія одно за другимъ на разстояніи девятнадцати мѣсяцевъ, необыкновенно ускорили событія и политическое развитіе большинства націй: въ іюлѣ 1846 года, по смерти Григорія XVI, въ папы былъ избранъ Пій IX; въ концѣ февраля 1848 года разразилась въ Парижѣ революція, бывшая сигналомъ къ революціи въ Вѣнѣ и Италіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Италія отъ избранія Пія IX до окончательнаго своего объединенія (1846—1870 г.г.).

I.

Кардиналъ Мастаи-Феретти, избранный въ римскіе папы подъ именемъ Пія IX, былъ задолго до выдвинувшаго его на міровую сцену 1846 года извѣстенъ, какъ человѣкъ, наклонный къ умѣренному либерализму и „зараженный“ (по меттерниховскому жаргону) національно-объединительными тенденціями. Эпилептикъ, болѣзненный, робкій, нерѣшительный человѣкъ —Пій IX обладалъ, тѣмъ не менѣе, весьма большимъ самолюбіемъ и умѣньемъ отстаивать свою независимость отъ самыхъ вліятельныхъ иностранныхъ дворовъ. Во всякомъ случаѣ у него хватило рѣшимости въ первые же дни своего правленія выпустить на свободу почти всѣхъ политическихъ арестантовъ и вернуть всѣхъ изгнанниковъ, пострадавшихъ при Григоріи XVI. Трудно себѣ представить, какой бурный восторгъ вызвала эта амнистія; она сразу поставила Пія IX на пьедесталъ народнаго героя. Общая либеральная репутація семьи Мастаи также много способствовала радужнымъ надеждамъ либераловъ. „Въ глазахъ религіознаго, впечатлительнаго, мало образованнаго средняго итальянца“, пишетъ одинъ современный историкъ, „сочувствіе папы (либерализму) значило больше, чѣмъ вся философія и весь идеализмъ Молодой Италіи“. Кромѣ амнистіи, тенденціи новаго государя церковной области сказывались еще въ предпринятыхъ имъ реформахъ и улучшеніяхъ въ области финансовъ и школьнаго образованія. Своей кульминаціи папская популярность достигла, когда распространились слухи о безпокойствѣ и неудовольствіи Меттерниха по поводу дѣйствій Пія IX. Стоило Пію

показаться на улицѣ, чтобы огромныя толпы людей съ восторгомъ его привѣтствовали на улицахъ и площадяхъ. Въ Римѣ уже громко говорили объ изгнаніи тиранновъ и объединеніи страны около „божьяго посланца". Движеніе начиналось и въ Тосканѣ, и въ Пьемонтѣ, но въ Римѣ оно усиливалось со дня на день. Во главѣ его въ 1847 году сталъ ремесленникъ Чичероваккіо, который имѣлъ огромное вліяніе на народъ, и былъ искренно убѣжденъ въ либерализмѣ папы и въ возможности ожидать отъ папы всего лучшаго. Весною 1847 года папа отмѣнилъ предварительную цензуру и далъ опредѣленныя обѣщанія конституціи, правда, мало демократичной, но все же довольно либеральной. Отношенія съ Австріей были до того натянуты, что австрійскія войска близъ Романьи стали дѣлать угрожающія демонстраціи, а папа поспѣшилъ войти въ прямыя отношенія съ королемъ сардинскимъ, на случай войны. Въ Тосканѣ огромныя толпы кричали на площадяхъ, особенно во Флоренціи, у дворца герцога, требуя союза съ папою и совмѣстной войны противъ австрійцевъ; въ Луккѣ произошла инсуррекція, герцогъ бѣжалъ, и народное ополченіе открыто говорило о присоединеніи къ Риму. Возбужденіе все болѣе и болѣе охватывало ломбардо-венеціанскую область, и австрійцы, наконецъ, начали безъ объявленія войны враждебныя дѣйствія, захвативши Феррару. Весь Пьемонтъ громко говорилъ о войнѣ, и Карлъ-Альбертъ все болѣе убѣждался, что населеніе Турина и Генуи, а, можетъ быть, и другихъ городовъ его королевства не остановится предъ революціей, если не поддержать энергично популярнаго папу предъ лицомъ Меттерниха. Карлъ-Альбертъ заговорилъ угрожающимъ тономъ, и Австрія вывела войска изъ Феррары. Но этотъ успѣхъ еще болѣе подзадорилъ движеніе: выводъ войскъ изъ Феррары состоялся въ декабрѣ 1847 г., а движеніе, съ января 1848 г., казалось, еще усилилось и посмѣлѣло. Меттернихъ явно стремился къ войнѣ и не скрывалъ, что австрійская армія изъ Ломбардіи ринется въ Пьемонтъ, Тоскану и Римъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Настроеніе прогрессистовъ было также самое воинственное: при общей ненависти къ Австріи, они почему то полагали, что даже такой отталкивающій и узко-эгоистичный тиранъ, какъ Фер-

динандъ II, не говоря уже о всѣхъ другихъ государяхъ Италіи, станетъ изъ патріотизма на сторону Пьемонта и папы, въ случаѣ столкновенія съ Австріей. Ломбардія и Венеція были взволнованы страшно; мацциніевскія тайныя общества, легальные, но твердые и смѣлые дѣятели народнаго просвѣщенія въ національномъ духѣ, тайная пресса, нигдѣ (несмотря на всю опасность) такъ жадно не читавшаяся — все это давно уже поддерживало броженіе въ австрійскихъ владѣніяхъ. Близость Пьемонта, оживленныя сношенія съ нимъ, еще болѣе этому содѣйствовали. Дворянство въ 40-хъ гг. ненавидѣло австрійцевъ столько же, какъ и средній классъ, и даже крестьяне обнаруживали въ сношеніяхъ съ австрійскими сборщиками податей большую строптивость. Въ акціонерныхъ собраніяхъ промышленныхъ обществъ, на научныхъ конгрессахъ, на публичныхъ балахъ, антагонизмъ и ненависть къ австрійцамъ проявлялись въ ломбардо-венеціанской области самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Въ Венеціи молодой адвокатъ Манинъ, въ Миланѣ и другихъ городахъ болѣе умѣренные дѣятели возбуждали агитацію въ уцѣлѣвшихъ (хотя и совсѣмъ не имѣвшихъ никакого значенія) представительныхъ мѣстныхъ собраніяхъ—конгрегаціяхъ, съ цѣлью, путемъ петицій императору, обнаружить недовольство австрійскимъ правленіемъ. Наконецъ, на Рождествѣ 1847 г., разразилась прелюдія къ наступавшему черезъ нѣсколько дней кровавому 1848 г.: прогрессисты пригласили всѣхъ, кто „любитъ Италію“ прекратить куреніе табаку (монопольная торговля которымъ была весьма выгодна австрійскому правительству). Тогда австрійскій главнокомандующій Радецкій роздалъ войскамъ сигары и табакъ, и солдаты, разгуливая по улицамъ, нахально пускали дымъ въ лицо прохожимъ. Начались свалки; впрочемъ, Радецкій самъ признавался, что онъ мечтаетъ поскорѣе довести дѣло до сраженій.

Въ толпу стрѣляли, было нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ. Негодованіе во всей Италіи было страшное, но общаго возстанія еще не начиналось. Тѣмъ не менѣе „нарывъ началъ прорываться“: 12 января (1848 г.) въ Сициліи вспыхнула революція, и черезъ нѣсколько дней королевскіе гарнизоны бѣжали на континентъ, а весь островъ, за вычетомъ двухъ пунктовъ, былъ въ ру-

кахъ населенія. Король Фердинандъ II, имѣвшій наглость еще за нѣсколько мѣсяцевъ до того опровергать изданный Сеттембрини „протестъ народовъ Обѣихъ Сицилій“, говорившій, что въ разоблаченіяхъ Сеттембрини нѣтъ ни слова правды, и что конституціи въ его странѣ никто не желаетъ, вымещалъ свой гнѣвъ на тѣхъ несчастныхъ, которые попали въ его руки: ежедневно шли военные суды и разстрѣливанія. Но и на континентѣ начались волненія, въ Неаполѣ произошли грандіозныя демонстраціи, солдаты нѣсколько разъ отказались стрѣлять въ народъ, и король, видя, что даже его другъ и товарищъ Делькаретто сдѣлался внезапно либераломъ, сначала разгнѣвался и прогналъ Делькаретто, а 27 января (1848 г.) уже совершенно и не на шутку испуганный, даровалъ конституцію. Мгновенно въ Пьемонтѣ требованія конституціи сдѣлались настолько яростными, что, боясь революціи, Карлъ Альбертъ (8 февраля) торжественно обѣщалъ дать конституцію; 11 февраля его примѣру (послѣ бурныхъ, но безкровныхъ демонстрацій) послѣдовалъ и герцогъ Тосканскій. Что папа дастъ конституцію, болѣе широкую, нежели тотъ компромиссъ, который онъ уже далъ въ 1847 г., не подлежало сомнѣнію, но раньше, чѣмъ это рѣшилось, разразилась февральская революція во Франціи, ниспровергшая тронъ Людовика-Филиппа. Это событіе было сигналомъ къ мартовской революціи въ Вѣнѣ. Въ ночь на 18-е марта первыя опредѣленныя свѣдѣнія о побѣдѣ вѣнскихъ инсургентовъ, о бѣгствѣ Меттерниха проникли въ Миланъ, и тотчасъ же вспыхнуло возстаніе, несмотря на попытки гражданскаго австрійскаго управленія предупредить его. Инсургенты требовали уничтоженія австрійской полиціи и введенія новой, зависящей отъ городской думы, уничтоженія цензуры, образованія національной гвардіи, немедленнаго прекращенія всякихъ политическихъ дѣлъ и выпуска всѣхъ заключенныхъ по такимъ дѣламъ на свободу. Фельдмаршалъ Радецкій, человѣкъ тупой и жестокій, типичный представитель австрійской казармы былыхъ временъ, началъ нападеніе на толпы и въ теченіе пяти дней длилась отчаянная борьба, кончившаяся (22 марта) отступленіемъ Радецкаго изъ Милана. Австрійцы по пути совершали самыя вар-

варскія насилія надъ жителями встрѣчныхъ селъ и деревень и, достигши Мантуи, засѣли въ этой крѣпости. Когда Радецкій отступалъ отъ Милана и оставлялъ, такимъ образомъ, Ломбардію во власть инсургентовъ, въ Венеціи также разразилась революція, вызванная тоже извѣстіями изъ Вѣны. Во главѣ движенія сталъ Даніель Манинъ, игравшій въ Венеціи такую же роль популярнаго народнаго вождя, какую въ Римѣ игралъ Чичероваккіо. Австрійскій губернаторъ Пальфи почти не сопротивлялся, австрійцы бѣжали, выдавши все оружіе инсургентамъ, и въ Венеціи была провозглашена республика, а предсѣдателемъ ея—Манинъ. Папа Пій IX благословилъ новую республику, какъ только узналъ о ея существованіи. Тотчасъ же началась выработка конституціи, но этимъ дѣломъ мало кто интересовался; главнымъ вопросомъ дня было соединеніе съ Пьемонтомъ, ибо черезъ недѣлю послѣ венеціанской революціи и черезъ двѣ недѣли послѣ изгнанія Радецкаго изъ Милана, совершилось то, чего тридцать пять лѣтъ боялась Австрія: Карлъ-Альбертъ объявилъ австрійскому императору войну, и пьемонтская армія, перейдя черезъ границу, вторглась въ Ломбардію, а тосканскій герцогъ, совсѣмъ перепуганный быстротою событій, оказалъ Пьемонту помощь, пославши шесть тысячъ человѣкъ, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили низверженіемъ. Пій IX прислалъ на мѣсто дѣйствій 12 тысячъ чел., и соединенная армія нанесла убѣгавшимъ изъ Ломбардіи австрійскимъ гарнизонамъ (въ апрѣлѣ 1848 г.) одно за другимъ три страшныхъ пораженія, но мѣсяцъ спустя Радецкій началъ бить итальянцевъ, которые сопротивлялись съ отчаянною храбростью и снова одержали надъ нимъ побѣду. Страшная осада Виченцы стоила австрійцамъ неимовѣрныхъ жертвъ; послѣ многократныхъ отбитій приступовъ, она была взята Радецкимъ, послѣ чего (въ іюнѣ) вся венеціанская область оказалась въ рукахъ австрійцевъ, кромѣ Венеціи, которая еще держалась. Но съ запада Карлъ-Альбертъ продолжалъ наступленіе, и здѣсь кровавыя битвы слѣдовали одна за другою съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока съ 60-тысячной арміей Радецкій не окружилъ Карла Альберта при Кустоццѣ и не разбилъ его на голову (25 іюля 1848 г.). Послѣ этого (въ первыхъ числахъ

августа) Карлъ Альбертъ, видя, что все его предпріятіе не удалось, сдалъ австрійцамъ Миланъ, но когда миланцы бурно противъ этого протестовали, онъ покинулъ городъ. Миланъ опустѣлъ, потому что больше половины его жителей двигались съ арміей короля въ Пьемонтъ, не желая оставаться подъ ненавистнымъ австрійскимъ гнетомъ. Наступали тяжелыя времена; въ Парижѣ послѣ іюньскихъ дней, въ Австріи послѣ взятія возставшей Вѣны Виндишгрецомъ, всюду надвигалась торжествующая реакція. Побѣды Радецкаго повлекли ея наступленіе въ Италіи. Папа Пій IX сталъ обнаруживать явные признаки отреченія отъ своихъ прежнихъ либеральныхъ взглядовъ, и уже ясно было, что онъ раскаивается въ помощи, оказанной Пьемонту, и ни за что не будетъ впредь помогать дѣлу національной независимости. Римскій парламентъ былъ вмѣстѣ съ римскимъ народомъ за дальнѣйшую войну съ австрійцами, а папа и его самый вліятельный министръ Росси стояли за полное ея прекращеніе. 15 ноября Росси былъ убитъ при громкихъ крикахъ радости стоявшей вокругъ толпы, и послѣ страшныхъ народныхъ волненій папа въ одеждѣ священника ночью бѣжалъ въ Гаэту, крѣпость, находившуюся въ рукахъ неаполитанскаго короля. Нѣсколько недѣль тянулись безплодные переговоры между папою и Римомъ, пока, наконецъ, въ Римѣ, подъ вліяніемъ Гарибальди и другихъ республиканцевъ, не была провозглашена республика (5 февраля 1849 г.). Но эта республика была мертворожденною: общеевропейская реакція погубила ее. Чичероваккіо, взятый въ плѣнъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ австрійцами и разстрѣлянный вмѣстѣ со своими сыновьями, умиралъ все еще съ надеждою на „свободу Рима“, но эта „свобода“ оказалась эфемерною.

Черезъ нѣсколько дней послѣ провозглашенія республики въ Римѣ, герцогъ Тосканскій Леопольдъ II бѣжалъ изъ Сіенны (21 февраля 1849 г.), и тосканскій парламентъ провозгласилъ Тоскану республикою. Ни Тоскана, ни Римъ не имѣли ровно никакихъ силъ для самозащиты. Они ждали нападенія со стороны Австріи, побѣдоносно расправившейся съ Пьемонтомъ, но опасность пришла вовсе не съ той стороны, съ какой ее ждали. Президентъ французской республики Луи-Наполеонъ Бонапартъ 16 апрѣля потребовалъ довольно неожиданно отъ палаты военныхъ кредитовъ на посылку экспедиціи „въ среднюю

варскія насилія надъ жителями встрѣчныхъ селъ и деревень и, достигши Мантуи, засѣли въ этой крѣпости. Когда Радецкій отступалъ отъ Милана и оставлялъ, такимъ образомъ, Ломбардію во власть инсургентовъ, въ Венеціи также разразилась революція, вызванная тоже извѣстіями изъ Вѣны. Во главѣ движенія сталъ Даніель Манинъ, игравшій въ Венеціи такую же роль популярнаго народнаго вождя, какую въ Римѣ игралъ Чичероваккіо. Австрійскій губернаторъ Пальфи почти не сопротивлялся, австрійцы бѣжали, выдавши все оружіе инсургентамъ, и въ Венеціи была провозглашена республика, а председателемъ ея—Манинъ. Папа Пій IX благословилъ новую республику, какъ только узналъ о ея существованіи. Тотчасъ же началась выработка конституціи, но этимъ дѣломъ мало кто интересовался; главнымъ вопросомъ дня было соединеніе съ Пьемонтомъ, ибо черезъ недѣлю послѣ венеціанской революціи и черезъ двѣ недѣли послѣ изгнанія Радецкаго изъ Милана, совершилось то, чего тридцать пять лѣтъ боялась Австрія: Карлъ-Альбертъ объявилъ австрійскому императору войну, и пьемонтская армія, перейдя черезъ границу, вторглась въ Ломбардію, а тосканскій герцогъ, совсѣмъ перепуганный быстротою событій, оказалъ Пьемонту помощь, пославши шесть тысячъ человѣкъ, ибо въ противномъ случаѣ ему грозили низверженіемъ. Пій IX прислалъ на мѣсто дѣйствій 12 тысячъ чел., и соединенная армія нанесла убѣгавшимъ изъ Ломбардіи австрійскимъ гарнизонамъ (въ апрѣлѣ 1848 г.) одно за другимъ три страшныхъ пораженія, но мѣсяцъ спустя Радецкій началъ бить итальянцевъ, которые сопротивлялись съ отчаянною храбростью и снова одержали надъ нимъ побѣду. Страшная осада Виченцы стоила австрійцамъ неимовѣрныхъ жертвъ; послѣ многократныхъ отбитій приступовъ, она была взята Радецкимъ, послѣ чего (въ іюнѣ) вся венеціанская область оказалась въ рукахъ австрійцевъ, кромѣ Венеціи, которая еще держалась. Но съ запада Карлъ-Альбертъ продолжалъ наступленіе, и здѣсь кровавыя битвы слѣдовали одна за другою съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока съ 60-тысячной арміей Радецкій не окружилъ Карла Альберта при Кустоццѣ и не разбилъ его на голову (25 іюля 1848 г.). Послѣ этого (въ первыхъ числахъ

на престолѣ. Когда ихъ экспедиція отправлялась въ Римъ, министры Луи-Наполеона увѣряли палату, что оккупація продолжится не болѣе трехъ мѣсяцевъ; на самомъ же дѣлѣ французы простояли въ Римѣ, охраняя папу и препятствуя полному объединенію Италіи около двадцати лѣтъ.

Вскорѣ послѣ Рима пришла очередь и Венеціи, съ осени 1848 г. осажденной австрійцами. Всю зиму городъ геройски оборонялся отъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Диктатура была ввѣрена Манину, который боролся, пока была хоть тѣнь надежды. Весною 1849 года пьемонтская армія снова явилась въ тылу Радецкаго, и надежды Венеціи на снятіе блокады сильно оживились, но въ концѣ марта 1849 г. Карлъ-Альбертъ потерпѣлъ кровавое пораженіе при Новарѣ, и паденіе Венеціи стало вопросомъ времени. Мужество, энтузіазмъ и отчаяніе народа и его вождя Манина оказались безсильными предъ перевѣсомъ вражескихъ силъ, холерою, бомбардировкою и голодомъ. 22 августа 1849 г. Венеція капитулировала.

Погибло все; конституція въ Неаполѣ была насильственно отмѣнена Фердинандомъ II, едва только пришли извѣстія о Новарѣ, и къ концу 1849 года Италія оказалась такою же раздробленной и порабощенной, какъ была до начала 1848 года. Были, впрочемъ, и нѣкоторыя измѣненія, сыгравшія свою роль въ будущемъ. Эти измѣненія, вошедшія въ итальянскую жизнь въ качествѣ общаго результата кризиса 1848—49 гг., можно раздѣлить на двѣ категоріи. Измѣненія характера матеріальнаго заключались: 1) въ появленіи французовъ въ Римѣ, въ качествѣ охранителей свѣтской власти папы; 2) въ упроченіи единственной удержавшейся послѣ реакціи 1849 г. конституціи, именно, пьемонтской. Измѣненія характера моральнаго были еще болѣе важны для будущей исторіи Италіи: 1) неаполитанцы окончательно извѣрились въ „королѣ-бомбѣ“ — Фердинандѣ II, который едва почувствовалъ общее ослабленіе революціонныхъ силъ, мгновенно измѣнилъ конституціи и возстановилъ въ полной силѣ всѣ прежнія административныя безобразія и на континентѣ, и на островѣ Сициліи; 2) прогрессивные и націоналистическіе слои полуострова увидѣли воочію, что либерализмъ Пія IX былъ явленіемъ случайнымъ и скоропреходящимъ, и вспомнили см

Италію", якобы для противовѣса грозящему преобладанію Австріи на полуостровѣ. Луи-Наполеону хотѣлось возстановить папу на престолѣ, для обезпеченія за собою поддержки католическаго духовенства и для снисканія себѣ популярности легкою и безопасною экспедиціею. Экспедиція была послана изъ Тулона въ количествѣ 9 тысячъ человѣкъ на нѣсколькихъ военныхъ пароходахъ. Папа, который изъ Гаэты самъ же обращался съ просьбами о помощи къ Франціи, Австріи и Неаполю, слѣдилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ за слишкомъ ужъ поспѣшными дѣйствіями французскаго правительства. Республиканское правительство въ Римѣ, никакъ не ожидавшее нападенія со стороны французской республики, съ ужасомъ готовилось встрѣтить грознаго врага. 25 апрѣля 1849 г. генералъ Удино высадился въ Чивита-Веккіи со всею своею арміею. Въ Римѣ сначала думали покориться, но Маццини, принимавшій уже съ марта дѣятельное личное участіе въ римскихъ дѣлахъ, настоялъ, чтобы было оказано сопротивленіе. Римскій парламентъ издалъ прокламацію, въ которой протестовалъ противъ французскаго вторженія, и велѣно по дорогѣ отъ Рима къ Чивита-Веккіи разставить столбы съ плакатами, на которыхъ была начертана 5-я статья дѣйствовавшей тогда *французской* конституціи („французская республика никогда не посягнетъ на свободу другого народа"). Изъ Чивита-Веккіи французы двинулись къ Риму, и послѣ маленькой задержки (въ теченіе которой начали притворные переговоры о мирѣ), получивши подкрѣпленія, они осадили Римъ и взяли приступомъ предмѣстья. Послѣ этого собраніе сдало городъ, вопреки желанію Маццини продолжить сопротивленіе. Гарибальди, уже прославившійся своими смѣлыми партизанскими нападеніями на австрійцевъ въ пьемонтскую кампанію, рѣшительно отсовѣтовалъ сопротивляться; 3 іюля собраніе объявило себя распущеннымъ, предварительно вознаградивши всѣхъ жертвъ осады и ихъ родныхъ. Гарибальди, сопровождаемый нѣсколькими тысячами молодежи, вышелъ изъ города, чтобы идти въ Тоскану, гдѣ уже стояли австрійцы. Ему удалось спастись съ немногими спутниками, приставши къ венеціанскимъ берегамъ, и уѣхать оттуда (побывавши предварительно въ Тунисѣ) въ южную Америку. Французы водворились въ Римѣ и, уничтоживши республику, возстановили папу

на престолѣ. Когда ихъ экспедиція отправлялась въ Римъ, министры Луи-Наполеона увѣряли палату, что оккупація продолжится не болѣе трехъ мѣсяцевъ; на самомъ же дѣлѣ французы простояли въ Римѣ, охраняя папу и препятствуя полному объединенію Италіи около двадцати лѣтъ.

Вскорѣ послѣ Рима пришла очередь и Венеціи, съ осени 1848 г. осажденной австрійцами. Всю зиму городъ геройски оборонялся отъ вдесятеро сильнѣйшаго непріятеля. Диктатура была ввѣрена Манину, который боролся, пока была хоть тѣнь надежды. Весною 1849 года пьемонтская армія снова явилась въ тылу Радецкаго, и надежды Венеціи на снятіе блокады сильно оживились, но въ концѣ марта 1849 г. Карлъ-Альбертъ потерпѣлъ кровавое пораженіе при Новарѣ, и паденіе Венеціи стало вопросомъ времени. Мужество, энтузіазмъ и отчаяніе народа и его вождя Манина оказались безсильными предъ перевѣсомъ вражескихъ силъ, холерою, бомбардировкою и голодомъ. 22 августа 1849 г. Венеція капитулировала.

Погибло все; конституція въ Неаполѣ была насильственно отмѣнена Фердинандомъ II, едва только пришли извѣстія о Новарѣ, и къ концу 1849 года Италія оказалась такою же раздробленной и порабощенной, какъ была до начала 1848 года. Были, впрочемъ, и нѣкоторыя измѣненія, сыгравшія свою роль въ будущемъ. Эти измѣненія, вошедшія въ итальянскую жизнь въ качествѣ общаго результата кризиса 1848—49 гг., можно раздѣлить на двѣ категоріи. Измѣненія характера матеріальнаго заключались: 1) въ появленіи французовъ въ Римѣ, въ качествѣ охранителей свѣтской власти папы; 2) въ упроченіи единственной удержавшейся послѣ реакціи 1849 г. конституціи, именно, пьемонтской. Измѣненія характера моральнаго были еще болѣе важны для будущей исторіи Италіи: 1) неаполитанцы окончательно разочаровались въ „королѣ-бомбѣ" — Фердинандѣ II, который едва почувствовалъ общее ослабленіе революціонныхъ силъ, мгновенно измѣнилъ конституціи и возстановилъ въ полной силѣ всѣ прежнія административныя безобразія и на континентѣ, и на островѣ Сициліи; 2) прогрессивные и націоналистическіе слои населенія увидѣли воочію, что либерализмъ Пія IX былъ явленіемъ случайнымъ и скоропреходящимъ, и вспомнили слова

Маккіавелли, что престолъ св. Петра всегда будетъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ объединенію Италіи; 3) несмотря на побѣды Радецкаго, престижъ австрійскаго могущества въ ломбардо-венеціанской области весьма сильно пошатнулся, вслѣдствіе побѣдъ надъ австрійцами миланскихъ инсургентовъ и Карла-Альберта въ 1848 году, а звѣрская расправа австрійцевъ съ Брешчіей и другими городами, взятыми штурмомъ и до, и послѣ окончательной побѣды при Новарѣ, ожесточили цѣлое поколѣніе такъ, какъ не могли его ожесточить никакія маццинiевскія прокламаціи. Гайнау, взявши Брешчію, позволилъ солдатамъ рвать на части маленькихъ дѣтей и швырять ихъ еще теплыми членами въ сражавшихся родителей; солдаты насиловали женщинъ (и низшаго, и высшаго общества), привязавши въ той же комнатѣ къ дверямъ ихъ мужей и отцовъ и т. д. Разгромъ Брешчіи, вообще, является чѣмъ-то совсѣмъ изъ ряду вонъ выходящимъ, небывалымъ даже въ кровавыя времена XIII—XIV вв. Подобные подвиги создали совершенно непримиримую ненависть къ Австріи даже въ средѣ умѣренныхъ, прежде требовавшихъ лишь конституціи; 4) Маццини, а особенно, Гарибальди, ведшій въ 1848—49 гг. въ разныхъ мѣстахъ партизанскую войну съ австрійцами, сдѣлались народными героями, эмблемами итальянскаго единства, и ихъ рѣзкіе крайніе взгляды стали необыкновенно популярными въ тѣхъ слояхъ населенія, которые раньше и не слыхали ихъ именъ. 5) Вообще, національное самосознаніе чрезвычайно расширилось въ народѣ, благодаря потрясеніямъ и войнѣ съ Австріей, и даже Сицилія, говорящая на языкѣ, почти непонятномъ остальнымъ итальянцамъ, пріобщилась къ общенаціональнымъ тенденціямъ. 6) Конституціонный и сражавшійся до послѣдней возможности съ австрійцами Пьемонтъ сдѣлался общепризнаннымъ и желаннымъ центромъ всѣхъ мечтаній объ единствѣ; послѣ 1849 года объединеніе Италіи почти и не представляли себѣ иначе, нежели въ формѣ присоединенія всѣхъ государствъ королевства къ Пьемонту.

Съ такимъ то моральнымъ багажемъ Италія вышла изъ кризиса 1847—48—49 гг., и основныя черты этихъ настроеній и тенденцій обнаружились вновь, и съ чрезвычайной на этотъ разъ си-

лой, черезъ какихъ нибудь 8—9 лѣтъ послѣ торжества реакціи 1849 года. И Меттернихъ, и „брешчіанская гіена“ Гайнау, и сподвижники Фердинанда Неаполитанскаго, и раскаявшійся прогрессистъ Пій IX,—всѣ они дожили до полнаго крушенія на практикѣ принциповъ своей итальянской политики. Если реакція послѣ 1849 г. для Италіи оказалась наиболѣе непродолжительной и наименѣе удушливой, то одною изъ главныхъ причинъ этого нужно искать въ существованіи независимаго, сильнаго и, сравнительно, свободнаго Пьемонта, твердо рѣшившагося бороться за объединеніе Италіи, и въ умѣньи перваго государственнаго человѣка этого королевства соединить вокругъ пьемонтской политики, и умѣренныхъ, и крайнихъ націоналистовъ, и прогрессистовъ полуострова. Кавуръ является живымъ звеномъ, соединяющимъ первые годы реакціи съ началомъ освобожденія Италіи.

II.

Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ занимаютъ въ исторіи Пьемонта безспорно, главное, центральное мѣсто, а въ исторіи итальянской націи одно изъ важнѣйшихъ. Викторъ-Эммануилъ сталъ сардинскимъ королемъ въ отчаянный для его государства моментъ: въ тотъ вечеръ, когда послѣ пораженія при Новарѣ, среди испуганной и измученной арміи бѣглецовъ, несчастный Карлъ-Альбертъ заявилъ, что онъ не подпишетъ мира съ Австріей, а такъ какъ не заключить мира съ нею, по обстоятельствамъ, нельзя, то онъ отказывается отъ престола. Начавши правленіе въ злополучнѣйшій, бѣдственный моментъ исторіи своего маленькаго королевства, Викторъ-Эммануилъ сошелъ въ могилу государемъ объединенной Италіи. Много историческихъ обстоятельствъ сложились для него счастливо, но и онъ не мало способствовалъ тому, что Пьемонтъ извлекъ изъ благопріятныхъ историческихъ условій все, что было возможно. Это былъ человѣкъ характера спокойнаго, энергичный, довольно рѣшительный, весьма неглупый, въ мѣру осторожный, нетрусливый и умѣвшій, когда пришло время, отстраниться и не мѣшать тому замѣчательному государственному дѣятелю, котораго онъ же и выдви-

нулъ. Графу Кавуру было сорокъ лѣтъ, когда, вскорѣ по вступленіи на престолъ, Викторъ-Эммануилъ далъ ему портфель министра въ кабинетѣ д'Азельо. Кавуръ до этого успѣлъ обратить на себя вниманіе только въ качествѣ яраго противника папскихъ прерогативъ, что высказалось больше всего въ преніяхъ туринскаго парламента о юрисдикціи духовенства. Аристократъ по рожденію, либералъ и конституціоналистъ по общимъ политическимъ воззрѣніямъ, приверженецъ идеи итальянскаго единства, наконецъ, ревнивый сторонникъ государственнаго могущества Сардинскаго (Пьемонтскаго) королевства, Кавуръ, благодаря своимъ ораторскимъ и административнымъ способностямъ и дипломатическому такту, весьма скоро очутился во главѣ прогрессистовъ Пьемонта и явно къ нимъ тяготѣвшихъ передовыхъ людей ломбардо-венеціанской области.

За время гнетущей общеитальянской реакціи 50-хъ гг. Кавуръ успѣлъ сдѣлать два дѣла, подготовившія и облегчившія въ близкомъ будущемъ успѣхъ Пьемонта: во-первыхъ онъ успѣлъ убѣдить туринскій парламентъ ассигновать самые большіе кредиты на реорганизацію и усиленіе пьемонтской арміи; во-вторыхъ, онъ не только весьма запальчиво и неуступчиво боролся съ Піемъ IX и его притязаніями, но и старался всѣми мѣрами раздувать эту борьбу и вражду, чтобы подчеркнуть въ глазахъ всѣхъ передовыхъ людей и націоналистовъ Италіи полнѣйшую свою независимость отъ папы, и сдѣлать, такъ сказать, Пьемонтъ признаннымъ представителемъ либерализма на полуостровѣ. Вѣрный политическій инстинктъ говорилъ ему, что именно такого рода поведеніе закрѣпитъ за пьемонтскимъ престоломъ репутацію, которую заработалъ ему Карлъ-Альбертъ, сражаясь съ австрійцами за независимость Ломбардіи и Венеціи. Мысль о новой войнѣ съ Австріей не покидала Кавура; можно сказать, что вся его политическая жизнь была однимъ долгимъ приготовленіемъ къ войнѣ съ Австріей, безъ которой объединеніе Италіи состояться не могло никакъ. Благодаря правильнымъ рекрутскимъ наборамъ, внимательному отношенію къ быту и устройству арміи, Пьемонтъ былъ въ эти наиболѣе опасные первые годы послѣ новарскаго пораженія вполнѣ обезпеченъ отъ австрійскаго нашествія. Государственный долгъ, возросшій, благодаря войнѣ

1848—1849 гг., въ огромной степени, тяжело ложился на небогатой и непромышленной странѣ, и всѣ расходы приходилось сильно сокращать, но на армію ни Викторъ-Эммануилъ, ни его министръ, ни, подъ ихъ вліяніемъ, туринскій парламентъ не жалѣли ничего. Но вотъ, грянула Крымская война, и Кавуръ не замедлилъ перейти отъ оборонительныхъ дѣйствій къ наступательнымъ: у него возникла идея присоединиться къ союзу противъ Россіи, чтобы обезпечить за Пьемонтомъ поддержку Наполеона III противъ Австріи и, главное, чтобы имѣть предлогъ на будущемъ мирномъ конгрессѣ заявить, въ качествѣ равноправнаго представителя одной изъ воевавшихъ державъ, о невыносимомъ положеніи Италіи. Пятнадцатитысячный отрядъ весною 1855 года высадился въ Крыму, гдѣ и страдалъ отъ холеры и русскихъ ядеръ, вплоть до штурма Малахова кургана, положившаго войнѣ конецъ. Многіе смотрѣли (и смотрятъ до сихъ поръ) на это съ виду нелѣпое вмѣшательство Пьемонта въ совсѣмъ не касавшіяся его дѣла, какъ на безцѣльную и кровопролитную авантюру Кавура, не имѣвшую смысла; другіе склонны придавать этому предпріятію характеръ геніально-прозорливаго дѣйствія, обусловившаго столь нужную Пьемонту дружбу французскаго императора. Такъ или иначе, но на парижскій конгрессъ Кавуръ поѣхалъ, и даже еще до открытія конгресса настоялъ на поѣздкѣ молодого короля въ Парижъ и Лондонъ. Францъ-Іосифъ ни за что не хотѣлъ, чтобы Кавура допустили на конгрессъ, но воля Наполеона III превозмогла все. На конгрессѣ всѣ участники были на его сторонѣ, поскольку, вообще, обращали вниманіе на его заявленія. Онъ не побоялся прямо подчеркнуть, что Фердинандъ II въ Неаполѣ, Пій IX въ Римѣ, австрійцы въ Ломбардіи и Венеціи такъ угнетаютъ свои страны, что Пьемонтъ, опасаясь развитія революціонныхъ элементовъ на полуостровѣ и прямыхъ посягательствъ Австріи, принужденъ будетъ, рано или поздно, дойти до самыхъ крайнихъ рѣшеній. Всѣ эти туманныя на видъ фразы, въ дѣйствительности, обозначали угрозу войною. Завѣтною мечтою Кавура сдѣлалось заключеніе наступательнаго союза съ Франціей противъ Австріи. Онъ совсѣмъ не надѣялся на силы прогрессивныхъ партій полуострова, какъ на единственную помощь: боязнь снова

пережить новарскіе дни угнетала его. Велико было счастье пьемонтскаго министра, когда онъ замѣтилъ, что и Наполеонъ III, съ своей стороны, съ довольно большею готовностью и снисходительностью преклоняетъ слухъ къ его просьбамъ о союзѣ. Дѣло въ томъ, что Наполеону, во-первыхъ, уже нужна была послѣ крымскихъ лавровъ новая война — для упроченія своей популярности во Франціи; во-вторыхъ, онъ имѣлъ кое-какіе виды на приращеніе со стороны юго-восточной границы своихъ владѣній насчетъ Пьемонта, въ-третьихъ, наконецъ, были извѣстныя чисто-психическія причины, заставлявшія императора думать о содѣйствіи планамъ Кавура: въ прежнія времена, во времена своей молодости и скитальчества, Наполеонъ принадлежалъ къ кружкамъ, мечтавшимъ объ объединеніи Италіи (онъ и провелъ тамъ много времени); потомъ все измѣнилось, его товарищи по молодымъ мечтамъ и разговорамъ пошли — кто на эшафотъ, кто въ каторгу, кто въ римскія, неаполитанскія и австрійскія тюрьмы, кто обратился къ обыденному существованію, а его судьба привела къ одному изъ могущественнѣйшихъ троновъ въ Европѣ. Ставши главою Франціи, Наполеонъ дѣятельно поддержалъ папу во время борьбы его съ эфемерною Римскою республикою и заслужилъ себѣ страшную ненависть бывшихъ своихъ итальянскихъ единомышленниковъ. Въ свѣтской власти папы и, слѣдовательно, въ поддерживавшемъ ее своимъ гарнизономъ французскомъ императорѣ, прогрессисты и, въ особенности, приверженцы Маццини начинали видѣть главное препятствіе къ осуществленію своихъ плановъ. Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ больше восходила звѣзда Виктора-Эммануила и Кавура, тѣмъ рѣже становились ряды приверженцевъ республиканца Маццини. Онъ жилъ въ Лондонѣ, безпрерывно заводя новые и новые конспиративные кружки, но слишкомъ очевидно было, что старѣвшій уже эмигрантъ пережилъ свои лучшіе дни, что „Молодая Италія“ должна вскорѣ слиться съ ненавистными ему „умѣренными“, сторонниками политики Кавура и пьемонтской монархіи. Въ это то критическое время, 14 января 1858 года, и разразилось въ Парижѣ покушеніе графа Орсини на жизнь Наполеона III, при помощи подброшенныхъ подъ карету разрывныхъ бомбъ. Бомбы не достигли своей цѣли, а Орсини былъ

казненъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Предъ казнью онъ написалъ письмо къ Наполеону III, въ которомъ умолялъ его, изъ препятствія къ единству Италіи, сдѣлаться главнымъ двигателемъ объединенія. Покушеніе Орсини произвело до неожиданности сильное впечатлѣніе на французскаго императора, и впечатлѣніе, благопріятное для идеи объединенія (чему многіе тогда удивлялись). А такъ какъ Наполеонъ и безъ того искалъ послѣ Севастополя предлога къ какой-нибудь новой войнѣ, то комбинація войны съ Австріей сложилась въ его умѣ въ теченіе 1858 года окончательно. Для него эта война была капризомъ, авантюрою, но для Италіи она сыграла огромную роль. Прежде всѣхъ это благопріятное предрасположеніе французскаго императора было оцѣнено Кавуромъ, который съ восторгомъ ухватился за представлявшіяся политическія комбинаціи. Въ концѣ іюля 1858 г. состоялось свиданіе Кавура съ Наполеономъ III въ Пломбьерѣ. Это свиданіе было окружено глубочайшей таинственностью, и только послѣдовавшія за нимъ событія обнаружили отчасти общій характеръ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе, съ осени 1858 года Австрія въ необычайной степени усилила свои гарнизоны въ ломбардо-венеціанской области; не скрывая своихъ опасеній, она ждала нападенія со стороны Виктора-Эммануила. Окончательно выяснилась вся степень напряженности положенія только лишь 1 января 1859 года, когда Наполеонъ III, принимая у себя во дворцѣ дипломатическій корпусъ, явившійся съ новогодними поздравленіями, вдругъ подошелъ къ барону Гюбнеру, австрійскому послу, и сказалъ ему: „я сожалѣю, что отношенія нашихъ правительствъ не такъ хороши, какъ были раньше; передайте императору, что личныя мои чувства къ нему остаются неизмѣнными“. Послѣ этого происшествія Европа уже знала опредѣленно, что въ будущей войнѣ Пьемонта съ Австріей, на сторонѣ Пьемонта будетъ находиться Франція. Въ Италіи оживленіе было страшное: папа, неаполитанскій король, герцоги тосканскій, моденскій, Парма, Лукка—всѣ вооружились и готовились оказать отпоръ пьемонтскимъ притязаніямъ, ибо всѣ они не сомнѣвались, что война съ Австріей повлечетъ за собою объединеніе Италіи; а что австрійцы будутъ разбиты двумя союзниками, въ этомъ также никто не сомнѣвался. Вскорѣ послѣ новогодняго инцидента была отпразднована

свадьба дочери Виктора-Эммануила съ двоюроднымъ братомъ Наполеона III; эта свадьба также получила, въ виду общей тревоги, значеніе и размѣры политической манифестаціи. Лихорадочно спѣша, Кавуръ оканчивалъ вооруженіе войскъ и устройство интендантской части. И было время: 23 апрѣля 1859 г. Австрія поставила Пьемонту ультиматумъ—либо совершенно разоружиться въ трехдневный срокъ, либо готовиться къ вторженію австрійскихъ войскъ. Началась война,—и въ первые же дни ея Наполеонъ III съ огромнымъ корпусомъ высадился въ Генуѣ, объявивши себя предварительно на сторонѣ Пьемонта; спустя еще нѣсколько дней, другая французская армія, перейдя черезъ Альпы, явилась на мѣсто дѣйствій. Послѣ ряда стычекъ въ теченіе мая франко-итальянская армія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона III, напала на австрійцевъ, стоявшихъ у деревни Мадженты (недалеко отъ рѣки Тичино); послѣ кровавой и отчаянной битвы, французы побѣдили, и тотчасъ же Наполеонъ и Викторъ-Эммануилъ вошли въ Миланъ. Три недѣли послѣ пораженія отступали австрійцы къ востоку, съ каждымъ шагомъ теряя страну, къ которую уже больше не возвратились. 24 іюня произошла вторая и послѣдняя огромная битва при Сольферино. Послѣ Бородина, Эйлау и еще очень немногихъ другихъ сраженій временъ Наполеона I, Сольферинская битва считается самою кровавою въ исторіи. Австрійцы опять были побѣждены, но дальнѣйшихъ сраженій не послѣдовало: обезпокоенный большими потерями, боясь Пруссіи на восточной своей границѣ, получившій уже отъ войны все, ради чего онъ ее затѣялъ, т. е. славу побѣдителя, Наполеонъ III, къ полнѣйшему изумленію Европы и негодованію Италіи, не спрашивая даже Виктора-Эммануила, заключилъ съ Францемъ-Іосифомъ миръ (въ Виллафранкѣ). По этому миру, Францъ-Іосифъ уступилъ Наполеону III Ломбардію, за исключеніемъ крѣпостей Пескіеры и Мантуи, а Венеція оставалась за Австріей (Ломбардію же Наполеонъ III отдалъ пьемонтскому королю). Въ другихъ статьяхъ договора весьма неопредѣленно говорилось о томъ, что оба императора будутъ „способствовать созданію итальянской федераціи“, и что они же „побудятъ“ папу ввести у себя реформы строя. Неожиданное извѣстіе о мирѣ вызвало пароксизмъ бѣшенства въ Кавурѣ, который

тотчасъ подалъ въ отставку. Викторъ-Эммануилъ также былъ этимъ потрясенъ до глубины души. Когда французы уходили изъ полуострова домой, ихъ провожали, какъ заклятыхъ враговъ. Всѣ жертвы, принесенныя французами на поляхъ битвъ, были забыты; ихъ и, въ особенности, императора Наполеона сравнивали съ Іудою и т. д.

Italia fara da se, Италія создастся своими усиліями, говаривалъ еще Карлъ-Альбертъ. Надежда на Наполеона III теперь исчезла и, дѣйствительно, Кавуру оставалось собственными силами доканчивать начатое. Только въ первые дни 1860 г. вернулся онъ къ дѣятельности изъ своей административной отставки. Народное движеніе въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ, Романьѣ (принадлежавшей папѣ) привело къ тому, что фраза въ виллафранкскомъ договорѣ объ итальянской федераціи не осталась пустымъ звукомъ: во всѣхъ этихъ областяхъ произошло весною 1860 г. всенародное голосованіе, огромнымъ большинствомъ присоединившее ихъ къ Пьемонту. Кавуръ былъ доволенъ, хотя этотъ успѣхъ не прошолъ даромъ: Наполеонъ III потребовалъ предварительно уступки въ пользу Франціи двухъ исконныхъ его западныхъ областей—Савойи и Ниццы. Пришлось уступить, ибо этою цѣною достигалось безпрепятственное присоединеніе къ Пьемонту всѣхъ государствъ средней Италіи. Тотчасъ по присоединеніи Тосканы, Пармы, Модены, Романьи и Лукки, въ томъ же мартѣ 1860 г. былъ созванъ первый „итальянскій“ парламентъ, который и ратификовалъ, благодаря настояніямъ Кавура, уступку Савойи и Ниццы французскому императору.

Но этому году не суждено было закончиться событіями на сѣверѣ. Черезъ два мѣсяца послѣ всенароднаго голосованія средней Италіи Гарибальди, побуждаемый просьбами друзей и собственными влеченіями, отплылъ съ 1200 добровольцевъ, тайкомъ, на двухъ зафрахтованныхъ пароходахъ изъ Генуи въ Сицилію. Ненавистнаго тирана Фердинанда II въ живыхъ уже не было, но сынъ его молодой Францискъ II ничуть не былъ лучше отца. Старая вѣра въ насилія, тюрьмы, висѣлицы, іезуитовъ, въ народное невѣжество и его полезныя для Бурбоновъ стороны, старыя привычки угнетать, давить и душить, сколько хватитъ мочи, вѣра въ безнаказанность произвола—все это въ Францискѣ было столь же характерно и ярко

выражено, какъ въ его отцѣ. Но движеніе въ Неаполѣ вовсе не замерло въ теченіе реакціи 50-хъ гг., несмотря на то, что именно въ Неаполѣ эта реакція свирѣпствовала хуже, чѣмъ гдѣ—либо на полуостровѣ. Послѣднія событія, не скрываемыя намѣренія Кавура, война Пьемонта съ Австріей, присоединеніе Ломбардіи, а затѣмъ всей средней Италіи къ Пьемонту, давно уже безпокоили двухъ оставшихся до поры до времени независимыхъ отъ Пьемонта государей: Франциска и Пія IX. Но Францискъ до послѣдней минуты надѣялся, что Кавуръ не посмѣетъ учинить открытое нападеніе на Неаполь, далеко отъ Пьемонта лежащій. О народномъ же движеніи, представителемъ котораго былъ Гарибальди, Францискъ не думалъ, какъ о силѣ серьезной, съ которой слѣдуетъ считаться. Каковы же были его негодованіе и смятеніе, когда съ быстротою молніи по королевству распространилось извѣстіе, что Гарибальди со своими волонтерами высадился въ Сициліи и прямо идетъ на Палермо. Негодованіе смѣнилось ужасомъ, когда король узналъ, что всюду народъ стекается къ Гарибальди, что отрядъ его растетъ, какъ снѣжный комъ, пущенный съ горы, и, наконецъ, что 22 мая, послѣ ожесточенной битвы, Гарибальди отнялъ Палермо у королевскаго генерала Ланцы. Францискъ бросился за совѣтами и помощью къ Наполеону III, но тотъ направилъ его посла въ Туринъ, а Кавуръ пока офиціально уже поздравилъ палермскаго побѣдителя. Въ королевствѣ царило страшное возбужденіе; цѣлые округи одинъ за другимъ либо прямо переходили на сторону Гарибальди, либо отказывались повиноваться королю. Войска Гарибальди увеличивались изумительно быстро притокомъ новыхъ и новыхъ волонтерскихъ силъ изо всѣхъ мѣстностей полуострова и присоединеніемъ всего острова Сициліи. Въ концѣ іюля Гарибальди овладѣлъ Мессиной; вся Сицилія была въ его рукахъ. Успѣхи Гарибальди ошеломили всѣ европейскіе дворы, а Францискъ, мгновенно обратившійся въ либерала, далъ остатку своихъ владѣній конституцію, которой никто, конечно, не вѣрилъ и не интересовался: всѣ ждали переправы Гарибальди на материкъ черезъ Мессинскій проливъ. Туринскій дворъ (особенно Кавуръ) съ нескрываемою радостью слѣдилъ за тѣмъ, какъ Гарибальди легко распутываетъ оружіемъ сложнѣйшія

задачу, никакъ неразрѣшимую дипломатическимъ путемъ: отнять у присмирѣвшаго и, потому, скромно державшагося тирана большое и далекое отъ Пьемонта королевство, чтобы присоединить его къ Пьемонту во имя объединенія націи. Впрочемъ, наружно Викторъ-Эммануилъ открещивался отъ сообщничества съ „революціонеромъ“ Гарибальди, хотя ни для кого не было тайною, какъ горячо пьемонтскій король желаетъ ему побѣды.

8-го августа совершилось то, чего больше всего на свѣтѣ страшился Францискъ: началась переправа инсургентовъ съ острова на материкъ. Въ двадцатыхъ числахъ августа, на четвертый день послѣ окончанія переправы (Гарибальди послѣднимъ высадился на материкъ), городъ Реджіо послѣ жаркаго сопротивленія попалъ въ руки завоевателя; войска отказывались повиноваться королю и толпами переходили въ лагерь Гарибальди. Францискъ II, убѣдившись, что дарованіе конституціи ничуть не привлекло къ нему сердецъ населенія, видя, что волонтеры уже вступаютъ въ столицу и съ сухого пути, и съ моря, и что никто имъ не желаетъ противиться, слыша близъ своего дворца крики: „да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, король Италіи“, — 6-го сентября 1860 г. бѣжалъ изъ Неаполя въ Капую, именно, въ крѣпость Гаэту, гдѣ и заперся. Черезъ два дня Гарибальди, сопровождаемый криками восторга и окруженный тысячами ликующихъ людей, въѣхалъ въ столицу. Тотчасъ же онъ сталъ издавать декреты, въ качествѣ диктатора, дѣйствующаго временно отъ имени итальянскаго короля Виктора-Эммануила, и эти декреты безпрекословно исполнялись населеніемъ, счастливымъ, что избавилось, наконецъ, отъ Бурбоновъ. Но недолго засидѣвшись въ Неаполѣ, Гарибальди двинулся за бѣжавшимъ королемъ и остатками его войскъ. Съ Францискомъ пришлось выдержать двѣ довольно упорныя битвы, причемъ во второй Гарибальди едва не былъ убитъ. Послѣ этихъ битвъ дѣло Франциска было окончательно проиграно, и пьемонтское правительство рѣшило, наконецъ, вмѣшаться въ дѣло уже совершенно открыто: войска Виктора-Эммануила вторглись въ Папскую область, чтобы итти на соединеніе съ Гарибальди. Виктору-Эммануилу пришлось прорваться сквозь линію папскихъ войскъ, защищавшихъ неприкосно-

венность Церковной области, и большая часть папскихъ владѣній (кромѣ Рима и прилегающихъ округовъ) попала въ руки пьемонтскаго короля, который двинулся дальше на югъ, и съ огромною арміей явился (въ октябрѣ 1860 г.) въ Неаполь. Здѣсь его встрѣтили уже, какъ признаннаго итальянскаго короля. Войны уже не было, послѣднее сопротивленіе Франциска было сломлено окончательно, и онъ сдался на капитуляцію пьемонтскому генералу Чіальдини. Бурбоны навсегда перестали царствовать. 2-го іюня 1861 г. во всей объединенной Италіи (кромѣ Рима, остававшагося въ рукахъ Пія IX и Венеціи, бывшей еще во власти Австріи) отпразднованъ былъ съ самымъ бурнымъ энтузіазмомъ „праздникъ единства“ Черезъ четыре дня послѣ этого праздника неожиданно умеръ Кавуръ, проболѣвшій очень недолго. Онъ умеръ наверху славы и популярности. Вмѣстѣ съ Гарибальди и Викторомъ-Эммануиломъ его имя было, такъ сказать эмблемою итальянскаго единства, и смерть его произвела огромное впечатлѣніе. Упорно держались (совершенно неосновательные) слухи, что его отравили іезуиты: нужно сказать, что подъ вліяніемъ бывшаго „прогрессиста“ Пія IX духовенство дѣлало все отъ него зависящее, чтобы помѣшать объединенію Италіи, и эти слухи оттого такъ и держались, что казались вѣроятными. Еще до смерти Кавура во Флоренціи собрался общеитальянскій парламентъ (уже съ депутатами и отъ бывшаго неаполитанскаго королевства), и тутъ впервые торжественно и оффиціально Викторъ-Эммануилъ II обмѣнилъ титулъ пьемонтскаго короля на титулъ короля Италіи.

Мечты націоналистовъ, стоившія стольких жертвъ, посылавшія на эшафотъ, въ застѣнки и подземелья благороднѣйшихъ людей Италіи въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, сбылись почти всецѣло. Оставалось только отнять Венецію у Австріи и Римъ у папы Пія IX. Всѣ державы Европы безъ всякихъ отлагательствъ признали новое итальянское королевство. Преемники Кавура (Риказоли, а затѣмъ Ратацци) не скрывали, что имъ представляется совершенно необходимымъ для блага націи завоеваніе Рима, и Гарибальди опять выступилъ на сцену. Онъ представлялся воображенію низшихъ слоевъ полубогомъ, одареннымъ сверхъесте-

ственной силой: быстрый и изумительный его успѣхъ въ Сициліи и Неаполѣ казался многимъ чудомъ. Народный герой самою своею личностью популяризовалъ идею объединенія Италіи среди даже наименѣе развитыхъ круговъ народа. Правительство Виктора-Эммануила не осмѣливалось взять на себя иниціативы борьбы съ Римомъ, и всѣ были убѣждены, что снова Гарибальди окажется необходимымъ застрѣльщикомъ. Гарибальди, дѣйствительно, появился въ Сициліи въ іюлѣ (1862 г.), и оттуда отправился въ Неаполь, но едва слухи о затѣваемой имъ экспедиціи въ Римъ распространились въ Европѣ, какъ Наполеонъ III утроилъ римскій гарнизонъ, объявилъ, что будетъ всѣми силами защищать Пія IX, и что, если Пьемонтъ подастъ хоть какую—нибудь помощь Гарибальди, онъ велитъ французской арміи вторгнуться въ Пьемонтъ. Эти замаскированныя, но слишкомъ понятныя, угрозы измѣнили положеніе дѣлъ. Викторъ-Эммануилъ въ печатной прокламаціи объявилъ мятежниками всѣхъ, кто „пойдетъ за воззваніями, не подписанными королемъ". Когда Гарибальди явился въ неаполитанской области, правительственныя пьемонтскія войска окружили его. Здѣсь произошло дѣло, о которомъ, какъ говорятъ, Викторъ-Эммануилъ не могъ до конца жизни вспоминать безъ стыда: возникла перестрѣлка, въ которой былъ раненъ Гарибальди,—и раненъ солдатомъ короля, получившаго отъ Гарибальди половину Италіи! Раненаго Гарибальди (въ качествѣ военноплѣннаго) перенесли съ холмовъ Аспромонте, гдѣ произошла перестрѣлка, въ лагерь генерала Чіальдини, который всячески ухаживалъ за своимъ плѣнникомъ. Викторъ-Эммануилъ возбудилъ противъ себя страшно всю примолкшую было республиканскую партію, какъ этимъ столкновеніемъ при Аспромонте, такъ и „амнистіей", „помилованіемъ" мятежника Гарибальди и отпущеніемъ его, спустя нѣсколько времени, изъ плѣна. Все это было продѣлано изъ страха предъ Наполеономъ III, но популярность короля итальянскаго была до нѣкоторой степени подорвана. 15 сентября 1864 года между итальянскимъ и французскимъ правительствами состоялась конвенція, по которой Наполеонъ III обязывался отозвать свои войска изъ Рима, а Викторъ-Эммануилъ „съ почтеніемъ относиться" къ владѣніямъ св. отца. И то, и другое осталось, ко-

нечно, мертвою буквою; хотя Наполеонъ III и вывелъ войска, но держалъ ихъ на-готовѣ, въ случаѣ нужды. Парламентъ опредѣлилъ перенести столицу изъ Турина во Флоренцію (что весьма сильно обидѣло туринцевъ, жителей древней столицы савойскаго дома). Но Флоренція, какъ никто изъ правительствующихъ лицъ ни скрывалъ, была и разсматривалась лишь, какъ временная станція, „этапъ" предъ Римомъ. Однако папа Пій IX твердо рѣшилъ не сдаваться. Французы еще стояли въ Римѣ, войны съ итальянскимъ королевствомъ у Рима не было, и папа показалъ, обнародовавши (въ концѣ 1864 г.) энциклику „Силлабусъ", что онъ думаетъ не столько о защитѣ, сколько о наступленіи, и что врагомъ своимъ (и это дѣлаетъ честь его уму и проницательности) онъ признаетъ не однихъ только объединителей Италіи, но весь научный и освободительный духъ XIX вѣка. Въ этой энцикликѣ папа предаетъ анаѳемѣ всѣ научныя открытія, всѣ ученія политическія и соціальныя (начиная съ вѣротерпимости), которыя хоть немного расходятся съ основами средневѣковаго папизма. Эта энциклика произвела довольно сильное и странное впечатлѣніе именно контрастомъ между горделивымъ, судейскимъ тономъ изъясненій папства и его, поистинѣ, критическимъ положеніемъ въ виду близкаго и грознаго врага, временно лишь остановившагося предъ остатками Церковной области. Замѣчательно, что со времени стычки съ Гарибальди у Аспромонте, итальянское правительство не переставало думать именно о Римѣ, а о Венеціи, пока, заботилось мало, между тѣмъ судьба разрѣшила сначала именно венеціанскій, но не римскій вопросъ. Въ Венеціи, оставленной виллафранкскимъ договоромъ въ рукахъ австрійцевъ, вся жизнь носила тревожный, не установившійся характеръ: населеніе смотрѣло на существующій порядокъ, какъ на переходной, и даже австрійскія власти уже не такъ рьяно, какъ прежде, преслѣдовали демонстративныя выраженія сочувствія къ Виктору-Эммануилу. Но, тѣмъ не менѣе, всѣ понимали, что Францъ-Іосифъ не отдастъ Венеціи безъ самой страшной борьбы. Обстоятельства изумительно помогли Италіи. Въ 1866 г., по поводу дѣлежа Шлезвига и Голштиніи, началась обостренная дипломатическая переписка между Пруссіей и Австріей, и, одновременно, Викторъ-Эммануилъ предложилъ союзъ Бисмарку,

на что тотъ, разумѣется, съ величайшею готовностью согласился. Въ іюнѣ 1866 г. прусская армія вторглась въ Австрію, и тогда же армія Виктора-Эммануила, перейдя черезъ Минчіо, столкнулась у Кустоцци съ австрійцами. Послѣ жаркой битвы итальянцы отступили съ большими потерями; впрочемъ, у австрійцевъ потери были еще значительнѣе. Но черезъ сорокъ часовъ послѣ этого сраженія на богемскомъ, главномъ театрѣ войны, разыгралась рѣшительная битва при Садовой, гдѣ армія Мольтке разгромила австрійцевъ. Тогда Францъ-Іосифъ, очутившись между двухъ огней, поспѣшилъ обратиться къ посредничеству Наполеона III, чтобы съ одной стороны, прекратить войну на итальянскомъ театрѣ, а съ другой—не мириться непосредственно съ ненавистнымъ итальянскимъ королевствомъ. Онъ „уступилъ" венеціанскую область Наполеону III, который и передалъ ее Виктору-Эммануилу. Но итальянское правительство уже не желало на этомъ мириться: итальянскій флотъ попытался сдѣлать дессантъ въ область Тріеста, который Италія считала своимъ. Однако, это не удалось: австрійскій флотъ разбилъ итальянскую флотилію на-голову, и смѣлый планъ не удался. Но за то ужъ Венеція навсегда осталась за Италіей: Францъ-Іосифъ подтвердилъ это мирнымъ договоромъ, подписаннымъ 3 октября 1866 г. въ Вѣнѣ.

Итакъ, оставалось захватить Римъ. Но это и теперь, послѣ присоединенія Венеціи, казалось дѣломъ слишкомъ труднымъ: французское правительство по-прежнему охраняло папскую столицу. Лѣтомъ 1867 г. Гарибальди снова затѣялъ идти въ Римъ. Правительство перепугалось, разогнало его волонтеровъ, а самого Гарибальди заключило въ тюрьму, и оттуда уже отправило его на островъ Капреру. Но Гарибальди скрылся съ Капреры, явился въ Тоскану и оттуда съ отрядомъ добровольцевъ вторгся въ папскую область. По соглашенію 15 сентября 1864 г. французскій гарнизонъ уже не стоялъ въ Римѣ, но при первыхъ же опредѣленныхъ слухахъ о предпріятіи Гарибальди французская армія отплыла изъ Тулона въ Чивиту Веккію. Первыя дѣйствія Гарибальди до прибытія французовъ были очень удачны, и онъ совершенно, внѣ всякаго сомнѣнія, овладѣлъ бы Римомъ, если бы французская армія, вооруженная не-

виданными Гарибальди новыми ружьями шасспо̂, не разрушила всѣхъ его надеждъ. При Ментанѣ Гарибальди былъ разбитъ и удалился, а французы частью вернулись въ Тулонъ, частью же остались въ Чивитѣ Веккіи. При всемъ озлобленіи противъ французовъ, подданные Виктора-Эммануила не могли нарушить строгаго нейтралитета своего правительства: война съ Франціей на два фронта была не подъ силу молодому, и уже обремененному огромными долгами, королевству. Католическій міръ торжествовалъ, но это торжество оказалось весьма непродолжительнымъ: свѣтская власть папы цѣликомъ держалась на капризѣ Наполеона III и на его могуществѣ; стоило измѣниться капризу или пошатнуться могуществу—и Римъ мгновенно попалъ бы въ руки итальянскаго короля. Въ іюлѣ 1870 года Пій IX былъ на соборѣ епископовъ объявленъ непогрѣшимымъ въ толкованіи вопросовъ вѣры, и столь же непогрѣшимыми были объявлены всѣ вообще папы въ будущемъ, а спустя десять дней послѣ этого католическаго торжества вспыхнула война между Пруссіей и Франціей. Викторъ-Эммануилъ предлагалъ заблаговременно Франціи союзъ въ обмѣнъ на Римъ, но Наполеонъ III тянулъ, медлилъ и былъ разбитъ раньше, нежели на этотъ союзъ рѣшился. 12 августа 1870 г. гарнизонъ, стоявшій съ 1867 г. въ Чивитѣ Веккіи, отправился во Францію. Тотчасъ вслѣдъ затѣмъ начались страшныя пораженія французовъ, осада и капитуляція Седана—и французская имперія пала. Путь въ Римъ былъ расчищенъ. Викторъ-Эммануилъ пытался мирно уладить дѣло съ папою, но Пій IX не захотѣлъ даже вступать съ „узурпаторомъ“ въ переговоры. Въ Римѣ уже начиналось народное движеніе, которое только потому не возгорѣлось въ открытый бунтъ противъ папы, что 12 сентября къ Риму подошла итальянская армія. Ворота открыты не были, но ихъ разрушили ядрами, а затѣмъ безъ всякаго сопротивленія армія проникла въ городъ. „Я торжественно протестую противъ насилія“, сказалъ Пій IX, прощаясь въ послѣдній разъ съ акредитованными при немъ, какъ при свѣтскомъ государѣ, посланниками. Вслѣдъ за арміей въ Римъ явился и Викторъ-Эммануилъ. Объединеніе Италіи завершилось, и Римъ сдѣлался столицею объединеннаго королевства.

Задача наша, состоявшая въ краткомъ изложеніи судебъ Италіи

отъ паденія западной Римской имперіи до объединенія въ XIX вѣкѣ, окончена. Размѣры работы не позволяютъ намъ коснуться послѣднихъ лѣтъ итальянской исторіи; впрочемъ, здѣсь еще слишкомъ многое не опредѣлилось, не выяснилось во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. При Гумбертѣ I, преемникѣ скончавшагося въ 1878 году Виктора-Эммануила, особенно при его первомъ министрѣ Криспи (1887—1895), Италія увлеклась идеей создать себѣ (ни къ чему ей не нужную) колоніальную имперію въ восточной Африкѣ, что и повело за собою пораженіе въ битвѣ съ абессинцами при Адуѣ; при Криспи же былъ заключенъ тройственный союзъ съ Австріей и Германіей, обусловившій (также ненужное Италіи) развитіе милитаризма и впутавшій страну въ разорительную таможенную войну съ Франціей. Всѣ эти авантюры совсѣмъ разорили итальянскую казну,— и въ настоящее время, при третьемъ королѣ объединеннаго королевства (Гумбертъ былъ убитъ анархистомъ въ 1900 г.) Италія далеко еще не избавилась отъ экономическаго и финансоваго кризиса. Сепаративныхъ стремленій не возникало нигдѣ; объединеніе оказалось, дѣйствительно, желаннымъ моральнымъ сокровищемъ для націи, но соціалъ-демократическая оппозиція обнаруживаетъ все больше и больше экстенсивной силы; нищета населенія, задолженность, многіе годы неудачной экономической политики, репрессіи при усмиреніи рабочихъ волненій,—все это даетъ почву и пищу для недовольства... Клерикалы въ Италіи безсильны по двумъ причинамъ: съ одной стороны они не играютъ никакой роли въ парламентѣ, куда папы (и Пій IX, и Левъ XIII) воспрещаютъ имъ входить (въ знакъ протеста противъ всѣхъ учрежденій объединенной Италіи); съ другой стороны,—для открытаго возстанія они безмѣрно слабы, и даже не мечтаютъ о немъ. Такъ и очутились они за бортомъ политической жизни. Впрочемъ, Левъ XIII обнаруживалъ, безспорно, болѣе миролюбивыя наклонности по отношенію къ итальянскому королевству, нежели его предшественникъ, хотя продолжаетъ именовать себя „ватиканскимъ узникомъ“. Мацциии, Гарибальди, много другихъ выдающихся людей изъ поколѣнія, сошли со сцены, еще не увидѣвши той массы соціальныхъ золъ, какія угнетаютъ современную Италію, но республиканская партія на полуостровѣ уже не возро-

ждалась (какъ одинъ изъ ингредіентовъ - республиканизмъ входитъ въ credo соціалъ-демократіи); широко-либеральная конституція приближаетъ Италію къ республиканскому типу государствъ, и оппозиціи спеціально анти-монархической въ Италіи нѣтъ. Но соціалъ-демократія захватываетъ весьма широкіе круги населенія своею пропагандою, и это уже начинаетъ сказываться въ парламентской жизни. Что касается до иностранной политики, то тройственный союзъ, затѣя Криспи, не принесшая странѣ ровно ничего, кромѣ разореній, бѣдствій и абессинской войны,—все болѣе и болѣе теряетъ популярность. (Самъ Криспи давно эту популярность потерялъ, послѣ пораженія итальянцевъ при Адуѣ и ряда банковыхъ скандаловъ, маленькихъ „панамъ", въ которыхъ онъ былъ весьма недвусмысленно замѣшанъ). Послѣ насильственной смерти Гумберта и вступленія на престолъ нынѣшняго короля Виктора Эммануила III тройственный союзъ считается въ Италіи сильно надломленнымъ. Впрочемъ, дѣйствительно ли дни этой комбинаціи сочтены, —сказать, пока, трудно.

Важнѣйшія пособія для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей Италіи XIV—XIX вв.

1) Zeller, Histoire d' Italie (Paris, мн. изданій).

2) Cantu, Storia degli Italiani (6 т. 1854 г.). Есть прекрасное французское изданіе. Весьма интересна и почти незамѣнима для XIV—XVII столѣтій.

3) Cesare Balbo, Storia d'Italia (очень хорошій компендіумъ).

4) Sismondi, послѣдніе 6 томовъ его Histoire des républiques italiennes (лучшее изданіе иллюстрированное, Paris, 1844).

5) Gregorovius, послѣдніе (6, 7, 8) томы Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter (Stuttgart, 1891—93).

6) Guicciardini, Istoria d'Italia (болѣе интересна, какъ первоисточникъ. См. о Гвиччіардини въ текстѣ).

7) Reuchlin, Geschichte Italiens von der Gründung der

regierenden Dynastien bis auf die Gegenwart (написано въ разгарѣ объединительнаго движенія Leipz. 1859 г.).

8) Botta, Storia d'Italia dal 1490 al 1814 (Paris 1832). Огромное изданіе, впервые познакомившее большую публику Европы съ исторіей Италіи.

9) Burckhardt, Die Kultur der Renaissance in Italien. Классическій трудъ по исторіи Возрожденія XIV—XV вв.

10) Bartoli, Storia della letteratura italiana (1878—89).

11) Новѣйшая и лучшая исторія Италіи выходитъ подъ редакціей Villari, съ начала 90-хъ гг. въ Римѣ и Флоренціи.

12) Ginguené, Histoire litteraire d'Italie (Paris, съ 1811 г.). Старая, но интересная и далеко не во всѣхъ частяхъ своихъ устарѣвшая работа.

13) Roux, Histoire de la litterature contemporaine en Italie. Paris 1883 г., въ 3-хъ томахъ. Важна для характеристики политическихъ тенденцій въ XIX вѣкѣ въ Италіи, особенно, *до* объединенія.

14) Ruth, Geschichte Italiens (1867). Полная и точная характеристика Италіи въ Меттерниховскую эпоху.

15) Belviglieri, Storia d'Italia del 1804 al 1866. Можетъ замѣнить книгу Ruth'a, тѣмъ болѣе, что менѣе сухо написана.

16) Для исторіи „Молодой Италіи" Маццини и т. п. Sirao, Storia delle rivoluzioni d'Italia del 1846 al 1866. (Mil. 1867).

17) Tivaroni, Italia durante il dominio austriaco. 1892.

18) La Farina, Storia d'Italia del 1815—1850. (Mil. 1864).

19) Лучшая исторія объединенія: Bolton King, A History of the Italian Unity (Lond. 1900, есть на русскомъ языкѣ, пока лишь 1-й т.; всего вышло 2 тома).

20) Chiala, Storia d'Italia del 1858 al 1892 (Torino 1892).

21) Эли Соренъ, Исторія Италіи въ XIX столѣтіи, съ прекраснымъ дополнительнымъ очеркомъ В. В. Водовозова объ Италіи при Гумбертѣ и послѣднихъ годахъ Виктора-Эммануила. Спб. 1899.

22) Блестящая характеристика итальянской эмиграціи (объ Орсини, Маццини и т. д.) см. у Герцена, въ „Быломъ и думахъ"

Карты Италіи въ новое время.

I.

Италія въ серединѣ XVI вѣка.

- *Габсбургскія владѣнія (Неаполь, Сицилія, Сардинія и Миланъ).*
- *Савойя.*
- *Венеція.*
- *Генуя.*
- *Парма.*
- *Модена.*
- *Лукка.*
- *Тоскана.*
- *Папская Область.*

II.

Италія въ серединѣ XVIII вѣк

- *Сардинія.*
- *Ломбардія.*
- *Венец*
- *Генуя.*
- *Модена.*
- *Лукк*
- *Тоскана.*
- *Папская Область.*
- *Королевство Обѣихъ Сицилій.*

III.

Италія въ концѣ наполеоновской эпохи.

- *Территорія Французской Имперіи.*
- *Королевство Италія.*
- *Королевство Неаполь.*
- *Королевство Сардинія.*
- *Королевство Сицилія.*

IV.

Италія въ 1815—1870 гг.

- *Сардинія.*
- *Савойя и Ницца.*
- *Ломбардо-Венеціанское королевство.*
- *Парма.*
- *Модена.*
- *Тоскана съ Луккой.*
- *Папская Облас*
- *Кор. Обѣихъ Сицилій.*
- *Граница Итальянскаго кор. въ 1861 г.*

Лит. К. Кадуш

